

Б. ФРАДКИН

ПЛЕННИКИ ПЫЛАЮЩЕЙ БЕЗДНЫ

Б. Ф Р А Д К И Н

ПЛЕННИКИ ПЫЛАЮЩЕЙ БЕЗДНЫ

Научно-фантастическая повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1959

Научно-фантастическая повесть «Пленники пылающей бездны» — увлекательный рассказ о подвиге советских инженеров и ученых, которые на подземоходе проникают к центру земли, делают необычайные научные открытия, по-новому объясняют причины передвижения материков, возникновения очагов землетрясений и других загадочных явлений, связанных с жизнью нашей планеты.

Автор повести — Борис Захарович Фрадкин — родился в 1917 году в г. Челябинске. В 1945 году окончил институт.

Работал в Перми и других районах страны — инженером, конструктором. В 1953 году Б. З. Фрадкин перешел на преподавательскую работу в Пермский машиностроительный техникум, где работает и сейчас.

Первая повесть Б. Фрадкина «Торцовый ключ» была напечатана в пермском альманахе «Прикамье» в 1950 году. В 1951 году вышел сборник его повестей и рассказов под названием «Ответственный представитель».

С 1954 года Б. З. Фрадкин пишет научно-фантастические произведения: повести «История одной записной книжки», «Тайна астероида 117-03» и роман «Дорога к звездам».

Фрадкин Борис Захарович

ПЛЕННИКИ ПЫЛАЮЩЕЙ БЕЗДНЫ

Редактор *Б. Клюева*

Художник *Н. Гришин*

Худож. редактор *Н. Печникова*

Техн. редактор *Т. Тамулевич*

А05089 Подп. к печати 15/VIII 1959 г. Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 2,75$ бум. л. \equiv $\equiv 9,02$ печ. л. 8,5 уч.-изд. л. Тираж 90 000 экз. Заказ 1117. Цена 2 р. 55 к.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва А-55, Суцеская, 21.

«Друзья, в космический полет
Нас всех ракета не возьмет.
Но прочь унынье!

На планете
У нас еще немало дел,
Чтоб шар земной помолодел,
Чтоб вверх рвались земные дети».

В. Гончаров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В МИРЕ ОГНЯ И КАМНЯ

1

— Пора!

Вадим решительно отодвинул недопитый стакан чая и встал.

— Но у нас еще есть время, — возразила Лена. — Старт назначен на двенадцать, а сейчас только начало двенадцатого.

— Нетерпение — главный советчик Вадима, — отозвался от окна Андрей. — Ну и досталось же сегодня от него механикам! Ведь и на минуту присесть не дал.

— Двое на одного? — улыбнулся Вадим. Он обошел стол, обнял Лену. — А рейс-то какой! Весь мир замер в ожидании первых вспышек в двигателе «ПВ-313». Андрей человек равнодушный, но ты, Ленушка, не можешь не понять, какую удивительную страницу в истории подземной техники предстоит нам перевернуть.

Андрей молчал, глядя в окно, в ночную темноту.
— Пора! — повторил Вадим.

...Машина вырвалась за город и помчалась по широкому и безлюдному в этот поздний час шоссе. За рулем сидела Лена. Она вела электромобиль туда, где среди неясных очертаний гор светились огни стартового поля.

По обе стороны дороги тянулись яблоневые рощи. Ветер, врываясь в припущенное окно кабины, доносил аромат зреющих плодов. В небе мерцали яркие августовские звезды.

Дорога круто взмыла вверх, потом стремительно упала вниз. Электромобиль скользил почти бесшумно. С высоты следующего подъема открылся вид на стартовое поле — большую квадратную площадку, по краям которой возвышались корпуса вспомогательных служб и станции связи. Отсюда начинали свой путь подземные корабли особой конструкции — они появились всего шесть лет назад и предназначались для вертикальной проходки земли.

По числу колодцев, оставленных в граните, можно было пересчитать количество проведенных испытаний. Выход из колодца заливался бетоном. Светло-серые пробки отчетливо выступали на темной поверхности гранита.

Лучи прожекторов скрещивались в центре поля, освещая «ПВ-313». Он возвышался огромной цилиндрической башней. Его металлическая полированная поверхность сверкала настолько ярко, что Лена, выйдя из электромобиля, должна была прикрыть глаза ладонью.

— Вот он, наш красавец! — Вадим на мгновение замер на месте, любуясь подземоходом.

Высота корабля достигала пятидесяти двух метров, диаметр равнялся семи с половиной метрам. Суженная сверху часть корпуса придавала ему сходство с космическим кораблем. Но в отличие от ракетоплана «ПВ-313» не имел ни хвостового оперения, ни иллюминаторов. К тому же его нижняя, носовая часть была тупой, срезанной и служила опорой подземоходу.

Поле казалось безлюдным. Рядом с подземоходом Лена увидела массивное сооружение, напоминающее портовый подъемный кран, только гораздо выше, такой, что под ним свободно помещался «ПВ-313». Это был подъемник, снабженный лифтом для доставки людей и груза к люку в верхней, хвостовой части корпуса корабля. Вершина подъемника представляла кабину, прикрытую прозрачным куполом.

У лифта Вадима, Лену и Андрея встретил дежурный по старту.

— Добрый вечер, — приветствовал он прибывших.

— Уже ночь, — поправил его Вадим. — Все в сборе?

— Да.

— И главный конструктор приехал?

— Только что.

— Отлично.

Вадим еще раз окинул взглядом подземоход и, повернувшись к жене, взял ее под руку и вошел вместе с ней в лифт подъемника.

Наверху, в кабине, собрались друзья и родственники членов экипажа. Вадим подошел к матери. Она поднялась к нему навстречу, уже сидящая, но еще порывистая, с живым, энергичным лицом.

— А отец? — спросил Вадим.

— Его вызвали на строительство. Зато вот я не удержалась, приехала. Об этом рейсе столько разговоров. Лена, ты не устроила ему сцены? Не успели сыграть свадьбу, а он отправляется в рейс.

— Разве его удержишь, мама?

— К тому же всего на двое суток, — заметил Вадим.

Он направился к главному конструктору. Аркадий Семенович Ремизовский встретил его пристальным взглядом, скупой улыбнулся. Стоявший рядом геолог Дектярев, невысокий коренастый мужчина, сказал:

— Вот и наш командир. Еще четверть часа — и в путь.

— К старту все готово, — сказал главный конструктор. — Машины осмотрены дважды.

— Трижды, — поправил его Вадим. — Я осматривал их лично.

К беседующим подошли и другие члены экипажа: высокий и худой атомист Биронт, один из старейших водителей подземоходов Михеев, связист Скорюпин, механик Андрей Чураков.

— Пора, — обрывая разговор, Вадим сделал знак дежурному по старту.

Тот подошел к пульту, нажал кнопку. На угловых башнях поля замигали красные предупредительные огни, завывла стартовая сирена.

Вадим обнял мать, поцеловал в щеки. Потом порывисто привлек к себе Лену.

— Вадим Сергеевич, — главный конструктор крепко сжал ладонь Вадима, — помните: никакого риска. Точное выполнение программы испытаний. При малейшей непредвиденной опасности немедленно возвращайтесь обратно.

— Разве я когда-нибудь отступал от программы? — весело удивился Вадим.

— Счастливого пути!

— Спасибо, Аркадий Семенович. Ждите нас с победой. С настоящей большой победой.

Экипаж спустился в раскрытый люк подземохода. Последним площадку покинул Вадим. Перед тем как исчезнуть в отверстии люка, он еще раз оглянулся и помахал рукой Лене и матери.

Люк подземохода захлопнулся. Зашумел мотор подъемника, и металлический мост медленно отодвинулся в сторону. В кабине выключили свет, чтобы лучше видеть «ПВ-313». На краю площадки подъемник остановился.

Несколько минут снаружи не доносилось ни звука. Вдруг из-под плоскости, на которую опирался подземоход, вырвались языки пламени. Это заработал термоядерный бур.

Затем раздался грохот. Лена поморщилась и закрыла уши ладонями — она никак не могла привыкнуть к этому шуму, хотя и не в первый раз провожала Вадима.

Из сопла двигателя вырвался столб пыли, поднял-

ся на высоту восьмисот метров, и там возникло темное расходящееся облако. Нос подземохода начал медленно погружаться в землю, подобно тому как раскаленный стержень входит в кусок воска.

Прошло несколько секунд, и языки пламени скрылись в земле. Зато струя пыли, бьющая из сопла, раскалилась сначала до малинового свечения, потом до оранжевого, наконец стала ослепительно белой, прямолинейной, как луч света. Она не уступала в своем блеске газовой струе, вылетающей из дюз ракетоплана, с тою лишь разницей, что у космического корабля, уходящего в космос, луч света падает к земле, прощаясь с твердью, а здесь — растворяется в небе, в последний раз пронизывая воздушный простор.

Прожекторы погасли, в них не было нужды. Кругом стало так светло, что можно было бы свободно читать книгу. Выступили из тьмы горные отроги, засверкало озеро невдалеке от площадки. Облако пыли засеребрилось, ярче обозначилось на фоне ночного неба. В лесу забеспокоились птицы. Пробежавшие по шоссе одинокие электромобили выключили освещение.

Двенадцать человек в кабине подъемника опустили на глаза защитные очки. Они молча наблюдали, как медленно исчезает в земле подземоход. Скорость его движения была невелика — всего полметра в секунду. Но провожающим казалось, что машина движется во много раз быстрее.

Через две минуты после включения двигателя «ПВ-313» скрылся под гранитной поверхностью площадки.

Тусклое облако пыли, угасал свет.

Ночь снова опустилась над потревоженным лесом, над горами. Лифт доставил провожающих на землю. Однако в течение полутора часов на угловых башнях продолжали светиться красные сигналы. Они предупреждали о том, что приближаться к отверстию, оставленному подземоходом, опасно. Термоядерный бур сделал гранит радиоактивным.

— Счастливого пути, Вадим,—прошептала Лена,— счастливого пути, дорогой.

По дороге домой она вела электромобиль на предельной скорости. Выхваченные светом фар из темноты, мелькали мимо деревья.

Вдруг в небе появилась узкая и прямая огненная полоска. Перечеркивая Млечный Путь, она тянулась к зениту.

Лена резко затормозила машину. Она вышла на дорогу и, запрокинув голову, следила за полоской. Вскоре до ее слуха долетел отдаленный грохот — очередной ракетоплан устремился в космические дали.

Полоска давно растворилась среди звезд, а Лена все стояла и прислушивалась. Ей казалось, что она чувствует, как почва вибрирует под ее ногами — это «ПВ-313» уходит все глубже в недра земли.

2

Подземоход погружался вертикально вниз. Гиро-скопические автоматы обеспечивали ему курс строго по радиусу земли. Скорость движения возрастала, если на пути встречались мягкие известняки или сланцевые породы, уменьшалась, когда снова начинался гранит, но в среднем оставалась равной полуметру в секунду.

Огненный смерч превращал слой вещества, соприкасавшийся с буром, в тончайшую пыль. Через систему всасывающих патрубков, которые располагались между внутренней и наружной обшивками корпуса, пыль устремлялась в термоядерные камеры подогрева. Там под действием высокой температуры она обращалась в пар, а затем с большой скоростью выбрасывалась через дюзы. Работа камер подогрева в принципе ничем не отличалась от работы камер сгорания на первых керосиновых реактивных двигателях.

От стен колодца, образованного подземоходом, отрывались глыбы гранита, обрушивались лавины

камней и песка. Удерживаемая мощным давлением газовой струи, порода плавилась, спекалась и образовывала пробки, которые надежно закрывали оставленный кораблем проход.

Двигатель находился в самой верхней (хвостовой) части подземохода. Ниже располагалась силовая аппаратура с термоядерными источниками питания, с системой автоматики.

Небольшой отсек отводился под синтезаторы — довольно сложные установки для искусственного получения воды и кислорода. В сырье недостатка не было. Синтезаторы могли перерабатывать любую горючую породу, поступающую непосредственно от бура.

К отсеку синтезаторов примыкал отсек с шестимесячным запасом пищевых концентратов. Такой солидный резерв продуктов питания диктовался необходимостью обеспечить экипаж на случай вынужденной остановки в недрах земли. Ведь не так просто прийти на помощь подземоходу, попавшему в беду. Его прежде нужно разыскать в безбрежной толще гранита.

За грузовым помещением начинались кабины. Их было четыре. Они располагались одна над другой. Стены, пол, потолок покрывал толстый и мягкий слой нейлонового волокна. Светло-голубой серебристый цвет обивки делал помещения нарядными и уютными.

Самая верхняя кабина предназначалась для отдыха. Вдоль стен ее висели специальные удобные гамаки, а посередине стоял круглый стол из белой пластмассы, около него шесть легких пластмассовых кресел.

Три нижние кабины мало чем отличались друг от друга по устройству: почти всю кабину занимал кольцевой пульт, подвешенный на поворотной раме между потолком и полом. К раме же крепились и глубокие мягкие кресла наблюдателей — по желанию кресла превращались в ложе для сна. Такое подвесное устройство обеспечивало неизменное положение пульта, когда вездеход поворачивал обратно и «верх» и «низ» менялись местами.

Все помещения подземохода сообщались между

собой системой люков. При необходимости люки автоматически захлопывались. Из кабины в кабину вела узкая, прижатая к стене металлическая лесенка.

Каждая кабина предназначалась для двух членов экипажа. В самой нижней работали водитель и командир корабля. Над ними у пультов наблюдения расположились геолог и атомист. И еще выше находились связист и механик.

Управление машиной было полностью автоматизировано. Задача водителя и механика сводилась лишь к наблюдению за приборами, чтобы вовремя восстановить нарушенное взаимодействие механизмов, остановить корабль, задать ему новый курс.

Сидя у пульта, Андрей мог видеть, как работает двигатель и как действует охлаждение корпуса, какую мощность развивает бур и какое давление испытывает каждая точка обшивки. В любой момент по требованию командира он был готов включить защитное поле, захлопнуть люки, броситься на поиски неисправности.

Самым неавтоматизированным был труд связиста Скорюпина. Он вглядывался в индикаторы настройки, вращая лимбы, менял диапазоны частот. До сих пор связь с поверхностью земли составляла наиболее слабое звено в конструкции подземных кораблей, особенно тех, которые уходили на большую глубину.

Магнитные руды, самородные металлические отложения, горные породы, ионизированные радиоактивным распадом, исключали применение радиосвязи. Подземоходы снабжались ультразвуковыми установками.

Но ультразвуковая связь оставляла желать много лучшего. Ультразвуковой луч рассеивался, многократно преломлялся в недрах земли. Уловить его, а главное — выделить среди других колебаний почвы представляло большую трудность. Целая сеть сейсмических станций, разбросанных по всей поверхности земного шара, чутко прислушивалась к сигналам из глубины. И нужна была особая сноровка, что-

бы в гуле землетрясений различить слабый голос подземного корабля.

Если сигналы с подземохода с большим трудом, но еще улавливались той или иной станцией, то обратная связь оказывалась куда более сложной. Как нащупать неустойчивым ультразвуковым лучом крошечную точку в громаде земли? Здесь многое зависело от счастливой случайности и от чуткого уха связиста.

И неспроста белобрысый девятнадцатилетний Паша Скорюпин оказался в экипаже «ПВ-313». Ультразвуковой техникой он увлекался со школьной скамьи. Строил генераторы высокой частоты, различные приборы для демонстрации свойств ультразвука, сделавшие его школьной знаменитостью. После окончания технического училища Пашу рекомендовали на завод подземных кораблей. И здесь он показал себя. Не раз во время опытных рейсов своим искусством связиста он помогал выправить курс, вовремя прийти на помощь застрявшему подземоходу. Паша оказался и недюжинным изобретателем — он вносил одно усовершенствование за другим в аппаратуру связи.

Скорюпин понравился главному конструктору своей восторженной влюбленностью в ультразвуковую технику и немного наивной жадой приключений. Аркадий Семенович, не колеблясь, назначил Пашу связистом на «ПВ-313» и отстоял его кандидатуру в Академии наук, где возраст Паши вызывал сомнения.

3

Час проходил за часом. Все глубже погружался корабль. Михеев и Вадим внимательно следили за показаниями приборов. Заводские испытания опытной, еще не опробованной в работе машины, несмотря на самое широкое применение кибернетики, все же не создают такой всесторонней нагрузки на механизмы, какая возникает при движении под землей.

Вадим включил внутреннюю связь.

— Николай Николаевич, Валентин Макарович, как самочувствие? — спросил он.

— Отличное, Вадим Сергеевич, — ответил Дектярев. — Но с вашего разрешения я бы не прочь вздремнуть.

— Располагайтесь как дома. Планируйте время по своему усмотрению. Отдохните и вы, Валентин Макарович.

— Я нахожусь здесь, чтобы работать, а не спать, — прозвучал из репродуктора резкий, раздраженный голос Биронта.

Вадим улыбнулся, взглянул на водителя. Губы водителя тоже растянулись в улыбке.

— Мы проведем под землей почти трое суток, — напомнил Вадим, но ответа не дождался.

Дектярев встал, потянулся, зевнул и, подойдя к стене, стал подниматься по металлическим ступенькам.

Биронт хмуро посмотрел ему вслед. Он все ждал, что перекладки вот-вот обломятся под грузным телом геолога.

Валентин Макарович остался у приборов. Он впервые пускался в подземное путешествие. До сих пор друзья знали его как самого закоренелого домоседа и кабинетного ученого. Не то чтобы Валентин Макарович был тем «чистым теоретиком», которому нет дела до того, имеют ли его теории какое-нибудь значение для практической деятельности людей или не имеют. Он поддерживал обширную связь с исследовательскими институтами, с проектировщиками термоядерных электростанций, с заводами. Но связь эта осуществлялась главным образом посредством письменных советов или разговоров по видеифону.

Валентин Макарович предпочитал находиться в обществе своего единственного безмолвного помощника — электронной счетно-решающей установки, которая одновременно служила ему и письменным столом. Аппарат четко и безошибочно выполнял самые сложные расчеты, не высказывая при этом никаких сомнений или несвоевременных замечаний.

Валентин Макарович жил в мире математических соотношений. Он много нового внес в общую теорию относительности и в квантовую механику. Но особую

известность принесла ему так называемая теория «переохлаждения вещества».

Известно, что если какое-либо вещество подвергнуть сжатию, то по мере увеличения давления температура этого вещества должна увеличиваться.

— Только до известных пределов, — возражал Биронт. — Дальнейший рост давления вызовет обратный процесс: падение температуры. Почему? Очень просто. С одной стороны, давление заставляет атомы двигаться быстрее, и мы говорим, что тело становится горячее. Но, с другой стороны, давление сближает атомы, им становится все теснее. И наступит момент, когда молекулы, атомы, электроны, нейтроны будут остановлены. А что значит неподвижность частиц? Холод. Невероятно низкая, еще неизвестная науке температура.

— Позвольте, позвольте! — возмущались противники теории переохлаждения. — А во что же обратится энергия давления? До этого она обращалась в тепло, а у вас в холод, то есть в ничто? Исчезнет?

— Какая чепуха! — пожимал плечами Валентин Макарович. — Кто говорит об исчезновении энергии? Просто она примет новую, неизвестную нам форму.

Но какую именно форму — не могли ответить ни сам Биронт, ни его электронный помощник. Ученый только высказывал предположение, что произойдет распад материи, не похожий на обычный термоядерный взрыв.

— Где же в природе может существовать такой распад? — спрашивали его.

— В центре любой звезды, как бы она ни была раскалена на поверхности. И, возможно, в центре планет. В частности, в центре земли.

Проверить предположения Валентина Макаровича пока не представлялось возможности.

И вот однажды в квартире Биронта появился необычный гость — Ремизовский Аркадий Семенович. О знаменитом конструкторе подземоходов Биронт слышал, разумеется, очень много, но лично встречался с ним впервые. Если его удивил визит Реми-

зовского, то еще больше поразился он, когда выяснилась цель визита.

— Мне отправиться под землю?! — весело закричал Валентин Макарович. — Да вы что, сума сошли, милейший? Я еще жить хочу.

— Жить и работать, — поправил его Аркадий Семенович. — Вы ученый.

— Да, конечно, ученый. Но я всего лишь теоретик.

— Теория остается пустым звуком, если ее невозможно подтвердить фактами, наблюдениями. Где вы намерены добыть все это?

— Пока не знаю.

— Есть единственный способ проверить вашу теорию переохлаждения.

— Какой? — насторожился Биронт.

— Приблизиться к ядру земли.

— Ого! И большую глубину погружения вы мне обещаете?

— Сорок километров.

Нет, этот рослый и медлительный человек с узким непроницаемым лицом определенно нравился Валентину Макаровичу. В полушутливом тоне главный конструктор выкладывал такие доводы, против которых у Биронта не находилось возражений. Было ясно, что у Ремизовского все заранее продумано, все предусмотрено.

— Вы так озабочены моей теорией переохлаждения, — Биронту хотелось устоять в этом словесном поединке. — Можно подумать, что вы и свой «ПВ-313» построили только для того, чтобы я смог на нем совершить прогулку.

Ответ последовал неожиданный:

— Да, Валентин Макарович, прежде всего без предварительного исследования больших глубин нечего мечтать об их покорении. Кто может сказать, какие внутриатомные процессы подкарауливают там путешественников? Я внимательно слежу за вашими теоретическими изысканиями. Именно они и смутили меня. Для конструкции подземохода далеко не безразлично, в какой температуре должны работать механизмы: при минус тысяча или при плюс десять ты-

сяч. Поэтому ваша теория переохладения является пунктом номер один в программе испытаний «ПВ-313».

— Но что я смогу выяснить на глубине сорока километров?

— То, что происходит на глубине, скажем, ста километров.

— И только-то?

— На первый раз, Валентин Макарович. Потом со спокойной душой мы опустимся на всю сотню. Вы же «заглянете» уже на глубину двухсот километров. И так далее, пока не доберемся до центра земли.

— Ах, вот оно что! Осторожный же вы человек. Но неужели я оказался самой подходящей кандидатурой?

— Назовите мне другого человека, который так же верит в реальность переохладения, как верите в нее вы, Валентин Макарович.

Ремизовскому удалось-таки вытянуть из Биронта согласие. Искушение оказалось слишком велико.

Но едва за Валентином Макаровичем захлопнулся люк подземохода и машина тронулась в путь, он уже раскаялся в своем опрометчивом поступке.

Оторванный от привычной обстановки, он тщетно пытался сосредоточиться на показаниях приборов. Ученый то прислушивался к работе электробура и двигателя, холодея при мысли, что тот или другой откажут и подземоход не сможет выбраться обратно на поверхность, то поглядывал на глухие стены — они казались ему ненадежными. Не раздавит ли их внезапным обвалом?

Забывшись, Валентин Макарович засмотрелся на экран локатора — большой диск посреди пульта. У него создавалось обманчивое впечатление, будто через круглое отверстие в полу видно, как расступаются под напором подземохода каменные породы. От центра экрана к его краям плывут светло-серые гранитные массы, плотные и изборозжденные трещинами. Почти мгновенно гранит сменяется мерцающими отложениями мрамора или сверкает кристаллами горного хрусталя.

Валентин Макарович весьма посредственно разбирался в разновидностях кристаллических структур. Он видел перед собой только необычно пестрое сочетание цветов, удивительную каменную мозаику.

Так сидел он у пульта, пока усталость не притупила интереса к окружающему. Атомный хронометр показывал половину пятого. Там, наверху, уже светает. Здесь кабина наполнена неясными отблесками экрана, мерцанием сигнальных лампочек и покачиванием разноцветных нитей на матовых шкалах. Можно было включить центральное освещение, но это затруднило бы наблюдение за приборами.

Ученый решил, что ему следует отдохнуть. Покинув пульт, он направился следом за Дектяревым. Скобы, образующие лесенку, смутили его. Он и в детстве не любил лазить по деревьям или по крышам, а тут предстояло карабкаться по стене. Валентин Макарович взглянул на потолок кабины: высокоовато... Но что тут поделаешь? Раз лифта нет, придется вообразить себя в роли пожарника.

Ощупывая ногой каждую скобу, Биронт почти добрался до люка, но тут подошвы его туфель соскользнули с перекладины. Профессор повис на руках. А так как руки его никогда не знали, что такое турник или трапеция, то, качнувшись несколько раз своим худым длинным телом, он полетел вниз.

Найловошвейная обшивка смягчила удар. Потирая ушибленное бедро, проклиная нелепое устройство подземохода, Биронт постоял, повздыхал и полез снова.

Сначала он попал в кабину механика. Андрей с улыбкой наблюдал появление из люка продолговатой головы профессора с перепутанными рыжими волосами. Сумрачно взглянув на механика, Валентин Макарович стал карабкаться выше.

В гамаках спали Дектярев и Скорюпин. Биронт придирчиво осмотрел отведенную ему постель. Белизна простыни, наволочки, легкого одеяла вполне удовлетворила его.

Он разделся и уже собрался лечь, когда почувствовал, что пол уходит из-под его ног. Стены каби-

ны покачнулись, бур и двигатель умолкли, а подземоход задрожал от мощных толчков, которые сопровождались как бы серией пушечных выстрелов.

— Катастрофа!!!

Дектярев и Скорюпин проснулись одновременно.

— Что? — переспросил Николай Николаевич.

— Мы падаем! Конец...

Дектярев, приподнявшись на локте, прислушался, пробормотал: «Подите к чертям», — и, натянув на себя одеяло, повернулся лицом к стене. Но тут же он сел в гамаке.

— Простите, Валентин Макарович, — сказал он. — Я совсем забыл, что вы впервые на подземоходе. Мы не падаем, а летим. Машина угодила в газовый мешок глубиной метров эдак на триста. Но вы не беспокойтесь, это предусмотрено. У нас есть тормозные двигатели. О, чувствуете?

Падение прекратилось, последовал легкий толчок о грунт. Взрывы сменились знакомым гулом заработавшего бура. Одновременно с другого конца корабля отозвался ему приглушенный рев двигателя.

Скорюпин подавил вздох облегчения. Ему тоже впервые приходилось переживать падение вместе с подземоходом.

4

Валентин Макарович заснул сразу, едва вытянувшись в удобном, подвешенном на пружинах гамаке. И ему ничего не снилось, так много он перенес за минувшую ночь: отъезд из дома, молчаливое отчаяние жены, нервозность в ожидании старта, погружение под землю. Теперь наступила разрядка.

Спустя шесть часов он открыл глаза, чувствуя себя отдохнувшим. Но возвращение к действительности не обрадовало его. Он настороженно прислушался. Несмотря на пористые прокладки в стенах, шум, создаваемый буром и двигателем, проникал в кабину. Он напоминал собой шум закипающей воды.

Профессор вздохнул и начал одеваться. В соседнем гамаке продолжал спать геолог. Он так храпел,

что Валентин Макарович брезгливо поморщился. Скорюпина в кабине не было.

Биронт привык каждое утро принимать ванну. В подземоходах обходились без ванны, а чтобы умыться, нужно было подняться еще выше. Ученый предпочел спуститься вниз, не умываясь, хотя это окончательно испортило ему настроение.

Механик и связист сидели на своих местах. Они заполняли журналы, отмечая поведение аппаратуры.

— Доброе утро, — хмуро приветствовал их Биронт.

— Наверху уже полдень, — улыбнулся Андрей. — Как спалось?

— Благодарю вас, неплохо.

Осторожно нащупывая ступеньки, Валентин Макарович спустился в свою кабину, оглядел ее, как если бы попал сюда впервые. На экране искрился гранит. Все так же светились матовые прямоугольники шкал, перечеркнутые красными, голубыми, черными, оранжевыми линиями.

«ПВ-313» проходил восемнадцатый километр, температура горных пород поднялась до трехсот семидесяти градусов.

Валентин Макарович поежился и покосился на измеритель внутренней температуры: всего двадцать пять градусов. Странно... А ему показалось, что в кабине жарко.

Внимание ученого привлекли ионизаторы. В веществе, через которое двигался подземоход, нарастал естественный радиоактивный распад. Биронт и сам не заметил, как очутился в кресле за пультом.

Полчаса, а может быть и час, прошло в наблюдениях. Потом Валентин Макарович почувствовал голод и вспомнил, что еще ничего не ел. Дома завтрак следовал немедленно за ванной. Что они здесь, в этой железной коробке, намерены принимать пищу? Или завтрак предполагается после возвращения, через двое суток?

Он все-таки заставил себя продолжать наблюдения. А спустя еще час поймал себя на том, что прислушивается к посторонним звукам, которые доноси-

лись, казалось, очень издавека, доносились непрерывно, следуя один за другим подобно ударам грома.

Ученый нервно потер руки, брови его сдвинулись, на лбу собралось множество мелких складочек. От далекого гроыхания едва приметно вибрировал корпус подземохода. Биронту вдруг отчетливо представилась восемнадцатикилометровая толща гранита, повисшая над головой. Что в сравнении с нею жестяная коробочка «ПВ-313»? В земной коре, как ему известно, происходят постоянные сдвиги, землетрясения.

Землетрясения!

Как же он мог забыть о них во время разговора с Ремизовским? Подземоход рискует оказаться в непосредственной близости от гипоцентра — очага, где возникают взрывы, лишь отдаленное эхо которых сметает целые города, а горные местности превращает в равнины.

Ну, не безумие ли было с его стороны пуститься в такой рейс? Разве сможет он, привыкший к тишине своего рабочего кабинета, сосредоточиться на исследовательской работе среди опасностей?

Не выдержав, Биронт спустился в кабину водителя.

— Что с вами, Валентин Макарович? — удивился Михеев, взглянув на расстроенное лицо ученого.

— Эти взрывы... — пробормотал атомист, — они могут повредить подземоход.

— Вы плохого мнения о нашем корабле, — ободряюще улыбнулся Михеев. — Даже если мы окажемся в самом гипоцентре, нам ничто не угрожает. А взрывы, которые вы слышите, принадлежат глубокофокусным очагам. До них километров двести-триста. У нас более скромная задача: погрузиться всего на глубину сорока километров и пройти глубинный барьер.

5

Глубинный барьер...

Этот термин появился сравнительно недавно, хотя о существовании своеобразной границы между геосферами на определенной глубине ученые догадыва-

лись задолго до того, как первая подземная лодка с помощью обычной механической фрезы и червячного винта прошла первый километр гранита.

Механическую фрезу сменил термоядерный бур, а на смену червячному винту пришел реактивный двигатель. Лодка превратилась в настоящий корабль. Однако за три минувших десятилетия не удалось опуститься ниже сорока километров. Здесь кончалась литосфера — зона твердых кристаллических пород. Дальше начиналась астеносфера, где под действием нарастающего давления и внутреннего тепла земли горные породы превращались в пластическое вещество.

В пределах литосферы подземоход передвигался подобно тому, как сверло врежется в металл, оставляя за собой отверстие и почти не испытывая давления со стороны его стенок.

В зоне раскаленного пластического вещества действовал закон Паскаля. Непрерывно возрастающее давление грозило раздавить корабль, как яичную скорлупу. Применение сверхпрочных альфа-металлов позволило вплотную приблизиться к барьеру, но не перешагнуть его. Конструкторы поняли: нужна коренная перестройка корабля, принципиально новое решение вопроса.

Три десятилетия длились поиски, их возглавил главный конструктор завода подземоходов Ремизовский. Позднее в исследованиях принял участие молодой и талантливый инженер Вадим Сурков. Именно Вадиму принадлежала идея защитного магнитоплазменного поля.

И вот «ПВ-313» отправился в первый опытный рейс.

Медленно, но безостановочно прокладывает себе дорогу огнедышащая стальная башня. Она опускается строго по отвесу.

Вадим не спускает глаз с приборов. Изредка он делает пометки в журнале. И ждет. Ждет того момента, когда автоматы включат защитное поле. Потoki оголенных водородных ядер устремятся из реактора. Образуется магнитная плазма. Центробежная сила ее

будет так велика, что уравновесит давление астено-сферы на оболочку корпуса.

Ждать нужно еще долго. Подземоход миновал всего лишь восемнадцатый километр, а глубинный барьер лежит за тридцать пятым.

— Работайте спокойно, — сказал Вадим Бирон-ту, — все будет в порядке, если нам даже придется преодолеть не один, а десять глубинных барьеров.

И тут же, забыв о присутствии ученого, стал то-ропливо записывать показания приборов.

С досадой Валентин Макарович почувствовал, что краснеет. В то время как он мучается со своими необоснованными страхами, водитель и командир подземохода продолжают работать. Они не сомкнули глаз, забыли о пище, об отдыхе...

— Смотрите, какая красота! — сказал Михеев.

На экране светлело, вокруг корабля занималась необычная заря. На темно-вишневом экране возникли просветы. Создавалось обманчивое впечатление, будто гранит лопается и в конце длинных и глубоких расщелин видны клочки ясного неба. Над расщелинами висят желтые полосы тумана. Просвет приближается. Кажется, еще минута-другая, и подземоход выберется на яркий солнечный простор.

Но свет внезапно угас, экран снова затянуло кирпично-грязным массивом гранита.

— Последствия ионизации... — пробормотал Биронт оживляясь. — Необыкновенно!

Вдруг экран сразу весь вспыхнул мягким белым сиянием. От неожиданности ученый схватился за спинку кресла, в котором сидел водитель. Подземный корабль, казалось, повис в пустоте. С нею нельзя было сравнить простор полуденного неба. Нет, это было совсем что-то особенное, переливающееся отблесками граненого хрусталя, без сомнения твердое (бур продолжал действовать на полную мощность) и вместе с тем удивительно прозрачное, почти неосязаемое глазом.

А в этом прозрачном то тут, то там появлялись тонкие золотистые нити. Их становилось все больше. Они свисали распушенной косой или поднимались

вверх, точно наэлектризованные, перепутывались, преграждали путь вездеходу, грозили оплести его, взять в плен.

— «Волосы Вероники»... — Михеев понизил голос.

— Вероники? — машинально переспросил Валентин Макарович, не в силах оторвать глаз от удивительного зрелища. Ничего подобного по своей красоте ему видеть не приходилось. Да он и не подозревал, что в недрах может существовать мир таких чудес.

— ...Дочь царя Киренейского, — скорее себе, чем Биронту, сказал Михеев. — Если верить историкам, была красавица. И будто бы таких роскошных волос, как у нее, не было ни у одной женщины. Ни до, ни после. — Водитель помолчал, неслышно вздохнул и уже равнодушнее добавил: — Сегенитовый хрусталь. На больших глубинах встречается удивительной чистоты. Светится под влиянием радиоактивного распада. А золотые нити — включения минерала рутила, двуокиси титана.

— Мда-а-а... — вздохнул и атомист, который на минуту представил себе дочь царя Киренейского. Волосы окутывали ее до самых ног, шлейфом тянулись за нею.

В прозрачном сиянии на экране появились грязно-оранжевые облака, серые потеки. Золотые нити лопались, растворялись. С краев экрана к центру двигались острые гребни гранитных скал.

Однако гранит не успел сомкнуться. Он исчез вместе с хрусталем. Экран стал черным. На смену сказочному дню пришла столь же сказочная ночь.

Теперь подземоход пересекал метаморфические породы с большим содержанием красного железняка. Когда глаза привыкли к темноте, разлитой на экране, Биронт разглядел темно-красные утесы, как бы погруженные в черную пучину. Утесы меняли свои формы и оттенки. Они то выстраивались колоннадой, то походили на застывшие гребни морских волн.

— Ах, черт!

Михеев порывисто протянул руку к пульту и нажал зеленую кнопку. Электрический смерч, извергае-

мый подземоходом, погас. Внезапно наступившая тишина оглушила Биронта.

— Что случилось? — поднимая голову, спросил Вадим.

— Да вы только посмотрите на это диво!

Среди черных схлестнувшихся волн, точно всплывшая со дна морского, цвела огромная каменная роза. Она была так велика, что корабль свободно уместился бы на одном из ее лепестков. Только большой угол охвата лучами локатора позволил увидеть ее всю.

Лепестки ее, темно-красные у пестика, становились постепенно черными, с вороненым блеском.

— Вы что, никогда не видели кристаллы железного блеска? — удивился Вадим. — Я совсем не узнаю вас, Петр Афанасьевич. Взять и остановить машину... Ну и ну!

Михеев нажал красную кнопку. Подземоход двинулся прямо в середину розы, сокрушая ее каменные лепестки.

Теперь и Биронт с любопытством посмотрел на водителя. Вот Сурков равнодушен ко всему, что окружает корабль. А водитель, уже столько повидавший, выражает наивное, почти детское восхищение. И чем? Мертвыми каменными породами.

Но из всего экипажа только Валентин Макарович не знал, что у Михеева есть вторая профессия. Уже давно Петр Афанасьевич увлекался живописью. Страсть эта появилась у него после первых же подземных рейсов. Мир поистине фантастической красоты, наполненный сверканием алмазных пещер и горного хрусталя, раскрывался перед ним в земных недрах. Ему приходилось прокладывать путь сквозь слои яшмы и пересекать светящиеся подземные реки. Часто позади подземной лодки оставался тоннель, проложенный в чистейшем золоте. У Петра Афанасьевича занималось дыхание от восторга, когда машина вторгалась в причудливое нагромождение кристаллов берилла, прозрачных, как воздушная дымка в знойный день, но с множеством желтых и нежно-розовых переливов. В недрах таились самые настоящие «заросли»

турмалина — они вздымались огненно-красными хвойными ветвями среди мутно поблескивающей лиственной слюды.

Никакой калейдоскоп не воспроизвел бы тех сплетений красок, которые приходилось видеть Петру Афанасьевичу, видеть совсем не теми глазами, какими смотрели на окружающее его спутники. И он взялся за кисть.

Сейчас бы водителю уйти на заслуженный отдых — ему давно перевалило за пятьдесят, но он все оттягивал этот момент, не решаясь расстаться с подземным миром. Узнав о предстоящем испытании «ПВ-313», он сам явился к Ремизовскому и не попросил, а потребовал зачисления в экипаж...

На экране кончились черные утесы. В розовом море гранита появились фиолетовые льдины, одни матовые, другие с зеркальным блеском.

— Аметист! — с выдохом вырвалось у Михеева. — Сколько его, а? Когда-нибудь из него будут строить города. Представляете себе — дворцы и жилые дома, отделанные аметистом?

Вадим покачал головой и встал.

— Безнадежный вы романтик, Петр Афанасьевич, — сказал он. — Разве можно сосредоточиться, слушая такие восклицания? Посочувствуйте мне, Валентин Макарович.

Биронт развел руками.

— А ведь я, кажется, проголодался, — Вадим взглянул на часы. — Ого! Над нами люди уже обедают.

Теперь и Валентин Макарович почувствовал забытый было голод.

Весь экипаж собрался за столом. Разбудили Дектярева. Тот слез с гамака хмурый и явно невыспавшийся, молча набросился на предложенную ему коробку с мясным концентратом, опорожнил ее и стал высматривать заспанными глазами новую жертву для своего проснувшегося аппетита. Скорюпин, исполнявший по совместительству обязанности буфетчика, пододвинул ему консервированные фрукты.

Биронт с осуждением косился на своего коллегу.

Поведение геолога за обеденным столом выглядело прямо-таки неприличным.

Зато Андрею Дектярев пришелся по душе.

Геолог появился на заводе за месяц до того, как «ПВ-313» сошел с монтажного стенда и поступил в цех на испытание основной аппаратуры. Облачившись в комбинезон, Николай Николаевич целыми днями пропадал на участке сборки подземохода, требуя разъяснений у монтажников, технологов, механиков. Он вникал во все тонкости устройства машины, что ему, как геологу, знать совсем не требовалось.

Когда же очередь дошла до установки оборудования, предназначенного для геологических исследований, ученый засучил рукава. Сборщик он оказался очень посредственный и больше мешал, чем помогал, но молодежь с радостью встречала появление словоохотливого и добродушного профессора. Николай Николаевич с одинаковым увлечением мог рассказывать о научных проблемах, обсуждать вопросы любви, давать советы на все случаи жизни. И покорила ребят своей необыкновенной физической силой: стальной прут диаметром в пятнадцать-двадцать миллиметров в его руках легко превращался в пружину.

Теперь же оказалось, что и аппетит у Дектярева, как у целой бригады сборщиков.

— Глубина?—спросил Николай Николаевич, неизвестно к кому обращаясь.

— Пошли на девятнадцатый, — ответил Андрей.

— Мель...

Биронт поперхнулся от возмущения, когда увидел, что Дектярев снова направляется к гамаку. Прежде чем остальные поднялись из-за стола, уже раздалось шумное сопение геолога, перешедшее затем в богатырский храп.

6

На исходе были первые сутки после старта, а Вадим так и не смог заставить себя вздремнуть хотя бы на минуту. Не спал и водитель. Оба оставались у пульта, молча наблюдая за перемигиванием сигнальных ламп.

Медленно возрастала глубина: двадцать восемь километров... тридцать один... тридцать четыре... тридцать шесть...

Все горячее становился гранит вокруг вездехода, все плотнее прижимался он к стальному телу корабля.

Случалось, что машина часами двигалась сквозь бурный радиоактивный распад, сквозь залежи чистого радия и свинца.

Но ни температура, ни радиация уже не останавливали на себе внимания Вадима. Сейчас он наблюдал только за показателями давления и видел, как сжатие на корпус постепенно расплзается от полости бура вдоль всей обшивки. Вещество становилось пластическим, еще немного, и оно сдавит корабль, как пучины океана сжимают подводные лодки.

Едва давление достигнет тридцати тысяч атмосфер, автоматы включают защитное поле. Это будет означать, что «ПВ-313» миновал глубинный барьер и вошел в астеносферу.

Вадим не сомневался: автоматы сработают точно. Защитное действие поля проверено не только расчетами, но и кибернетическими испытаниями. И все же каждый нерв натянут как струна в ожидании, когда заработает полеобразующая установка. «ПВ-313» первому предстоит перешагнуть этот рубикон.

Скорее бы, скорее!

Кажется, время остановилось.

И там, наверху, тысячи, нет, миллионы людей ждут сигнала от подземохода: барьер пройден! С этого часа начнется подлинное завоевание земных глубин, не менее, а может быть и более трудное, чем завоевание космоса.

Вместо раскаленного гранита Вадим видит на экране кабинет главного конструктора. Он знает: Ремизовский тоже не сомкнул глаз в эту ночь. Сцепив за спиной пальцы рук и опустив голову, он ходит, наверно, из угла в угол, ходит без усталости, час за часом в ожидании телефонного звонка.

И главный конструктор и его молодой помощник вынашивали в себе одну мечту: создать подземоход,

способный достичь центра земли. Ремизовский отдал этой мечте почти сорок лет своей жизни, Вадим Сурков — только четыре. Итог их совместной работы — «ПВ-313». Трудно сказать, чьей заслуги в этом больше. Вадим, как и Ремизовский, никогда не мерил и не учитывал своего труда. Если что-то и отличало его от главного конструктора, так это нетерпение, порывистость.

Аркадий Семенович работал не спеша, обдумывая каждый шаг, проверяя расчет каждого винтика машины. Любил советоваться. Сам искал возражений на собственные доводы. Его лозунгом было: «Абсолютная надежность!»

Лозунгом Вадима было: «Дерзать!»

Главный конструктор сдерживал Вадима, часто приводил его в бешенство своей медлительностью. Но каждый раз, поостыв, помощник главного конструктора убеждался в правоте своего руководителя.

Аркадий Семенович мог оставаться у себя в кабинете и ждать результатов испытания «ПВ-313». Он и в молодости не принимал участия в подземных рейсах.

Вадим ждать не мог. Он решил сам руководить испытанием...

— Базальт!

Восклицание Михеева заставило Вадима очнуться от размышлений. Экран стал черным, иссеченным паутиной огненных трещин.

— Базальт, — повторил Вадим. — И расплавленная магма. Пятнадцать-двадцать минут хода до астеносферы.

— Аппаратура работает устойчиво.

— Другого и быть не должно.

Глухие раскаты раздавались где-то совсем близко. Они следовали один за другим почти непрерывно, перекрывая шум двигателя и бура. Гораздо заметнее ощущалась вибрация корпуса. Сейсмографические датчики короткими прыжками фиолетовых светящихся нитей отмечали расстояние от очагов взрывов: триста десять километров, четыреста два, триста семьдесят... Расплавленный сжатый камень отлично

проводил звуковые волны, и оттого создавалось впечатление, будто до очагов не более сотни метров. Там, на большой глубине, происходило нечто такое, что рождало на поверхности землетрясения.

Однако не везде гипоцентры лежали под слоем в триста-четырееста километров. Они образовывали дно своеобразной чаши, края которой поднимались к берегам Тихого океана, охватывали гряду Курильских островов, Японию, Индонезию, угрожающе приближались к поверхности земной коры. Именно здесь вулканы извергали огненные потоки, а от сотрясений почвы целые города обращались в руины.

7

Николай Николаевич проснулся мгновенно, словно кто толкнул его в бок. Он сел в гамаке, прислушался, произнес свое излюбленное: «Ах, зангезур-занзибар!» — и довольно проворно спустился в кабину к Биронту.

— Мы еще не возвратились на поверхность, — едко заметил Валентин Макарович. — Можете спать на здоровье.

— Нет, вы послушайте, — Дектярев поднял палец. — А? Гудит!

— Что гудит?

— Астеносфера. Как-то она встретит нас, матушка. Можете представить, что останется от вездехода, если не сработает защитное поле?

Валентин Макарович не имел никакого желания представлять себе это. Он метнул на геолога гневный взгляд, продолжая записывать в журнал показания приборов. Но пальцы его после слов Дектярева стали непослушными. Отвратительный человек, он появился только для того, чтобы отравлять ему, Биронту, рабочее настроение.

Николай Николаевич сел к пульту. Одним взглядом, по-хозяйски, окинул четыре дугообразные линии приборов, перевел взгляд на экран.

— Нефелиновый базальт, — с удовлетворением

констатировал он вслух, — с преобладанием авгита. Пока не ново. Посмотрим, что будет дальше.

Ломаные огненные зигзаги на экране исчезли, чтобы появиться вновь еще более утолщенными. Их причудливые очертания напоминали то многоветвистую молнию, то перепутанный моток провода. Расплавленные потоки магмы пытались проложить себе путь сквозь камень. Они тянулись своими щупальцами к корпусу подземохода. А он рвался навстречу огню, желая померяться с ним силой.

Дектярев с хрустом развел руки в стороны, согнул их в локтях, зевнул, широко открывая рот, а затем извлек из ящичка пульта электроперо и журнал для записи наблюдений.

— Нефелиновый базальт, — вслед за побежавшей по бумаге строчкой повторил геолог. — Кремнезема... ох, — он опять зевнул, — кремнезема пятьдесят один процент, титанистого железняка...

— Позвольте напомнить вам, — остановил его Биронт, — вы здесь не один. Я не могу работать, когда рядом разговаривают вслух.

— А... ну-ну!

Спустя несколько минут Дектярев, забывшись, заговорил снова. Он называл процентное содержание элементов в породе, диктовал все это самому себе, издавал недоуменное мычание или удивленное: «Ах, зангезур-занзибар!»

Биронту приходилось скрепя сердце выслушивать длинные монологи, горячие споры с воображаемым оппонентом по поводу состава пород, иронические замечания о том, что не будет ничего удивительного, если в центре земли окажется обыкновенная бologная вода.

Добрый час крепился Валентин Макарович. Бормотание геолога вызывало у него столь сильное раздражение, что на минуту он перестал слышать отзвуки глубинных взрывов. Ученый оторвал глаза от приборов, чтобы выразить самый решительный протест.

Яркое сияние, заполнившее весь экран, заставило Биронта забыть обо всем на свете. Сначала он в недоумении щурился от яркого света. Потом ему пока-

залось, что посреди пульта в огромной чаше клокочет расплавленная медь. В лицо полыхнуло жаром.

— Что... что это?

Николай Николаевич рассеянно покосился на экран.

— Обыкновенная магма, — пояснил он и опять погрузился в записи.

Вездеход слегка качнуло, скорость его движения увеличилась. Машина оказалась среди расплавленного камня. Огненная жидкость окружила корабль со всех сторон, и он погружался в нее, как батисфера в пучины океана. Отдаленный грохот, доносившийся из недр, стал глуше. Под приборами, контролирующими давление на корпус, разом вспыхнули красные лампочки.

Прошел еще час... другой... третий...

Машина продолжала двигаться среди огня, вниз, вниз, вниз...

Вдруг раздался приглушенный свист, и на пульте вспыхнула еще одна красная лампочка. Автоматы включили магнитоплазменное поле.

Пальцы Вадима вцепились в подлокотники кресла. «ПВ-313» миновал глубинный барьер и вошел в астеносферу!

Михеев положил обе руки на клавиатуру кнопок. Так пианист, готовый взять первые аккорды, медлит в ожидании, пока утихнет зал. Небольшое усилие того или другого пальца, и автоматы немедленно выполнят волю водителя: заставят машину остановиться, повернуть обратно или с еще большей скоростью устремиться вперед.

Михееву тоже было не по себе. Если откажет поле, едва ли он вообще успеет нажать кнопку. Все произойдет очень быстро...

Приборы показывали тридцать с половиной тысяч атмосфер.

— Сорок один километр, — с усилием размыкая пересохшие губы, проговорил Вадим. — Сорок один километр и семьдесят два метра, — повторил он окрепшим голосом. — Мы в астеносфере. Слышите, Петр Афанасьевич? В астеносфере!

Михеев медленно отнял пальцы от кнопок, разгладил онемевшие суставы. «А похоже, я струсил», — мелькнуло в голове. Сто семь рейсов, кроме самого первого, учебного, совершил он, не испытывая страха. И вот сейчас все напряглось в нем, окаменело в каком-то мучительном ожидании.

— Механик, связист? — спросил Вадим в микрофон.

— Все отлично, — отозвался Чураков. — Поздравляю с победой, Вадим.

— Спасибо. Связист, приготовиться к передаче сообщения.

— Есть!

И еще один звук вплеся в общую симфонию работающих механизмов. Был он низким, торжествующим, точно звон туго натянутой басовой струны виолончели. Это заработал ультразвуковой передатчик.

— Можете говорить, Вадим Аркадьевич, — сказал Скорюпин.

Вадим нагнулся к микрофону.

— Говорит вездеход «ПВ-313». Мы только что миновали глубинный барьер и вошли в астеносферу. Расстояние до поверхности сорок один километр. Давление тридцать с половиной тысяч атмосфер. Температура окружающей среды тысяча девяносто градусов. Механизмы в отличном состоянии.

И ни слова больше. Вадим не хотел быть многословным, хотя он испытывал настоящую ребячью радость, желание с кем-то поделиться ею.

— Что же вы не поздравили Аркадия Семеновича? — тихо подсказал Михеев. — Весь коллектив надо бы поздравить, передать спасибо за такую машину.

— Правильно, — спохватился Вадим, но связист уже перешел на прием.

8

— Стоп!

По приказу Вадима водитель выключил бур и двигатель. Вездеход остановился. Работать продолжала только защитная установка.

Вадим и Андрей занялись осмотром аппаратуры. Проверили состояние всасывающей системы и камер подогрева. Убедились в жаростойкости термополимерных стенок. Затем перешли к осмотру релейной системы, хотя автоматика и находилась под непрерывным контролем вторичной системы и каких-либо нарушений замечено не было.

Теперь пора возвращаться. Успех есть, победа есть. Но до чего же все оказалось просто, без борьбы, без крайнего напряжения физических и духовных сил. Борьба была там, наверху, в конструкторском бюро, она длилась много лет и вот закончилась рейсом «ПВ-313».

Подземоход остановился на глубине сорока одного километра. А ниже еще шесть тысяч семьсот. Сорок и шесть тысяч...

Вадим мысленно заглядывает дальше вниз, и у него кружится голова, как у человека, заглянувшего за край пропасти. Бездна притягивает, манит...

— Чертовски не хочется поворачивать обратно, — признался он Андрею. — Машина мощная, надежная. Когда мы раньше пытались пробиться к барьеру, то в какой-то степени рисковали собой. А сейчас...

— Ты же сам составлял программу испытаний.

— Не один. И не думал, что почувствую такое... неудовлетворение.

Андрей осматривал реле. Вот человек, у которого нет собственных желаний. Скажи сейчас Вадим: «Давай двинемся к центру земли», — Андрей пожмет плечами и ответит: «Ну что ж, к центру так к центру».

С детства, со школьной скамьи, они были рядом. Судьбы их складывались как будто одинаково: в один день закончили школу, поступили на один завод в один и тот же цех, учились в одном институте, стали инженерами.

Но застрельщиком всегда был Вадим. Он вел за собой товарища, именно вел, а не заражал своими идеями. У Вадима появилась цель: посвятить себя созданию подземоходов. Андрей, выслушав восторженное признание друга, сказал: «Ну что ж, корабли так корабли».

Дальше рядового механика у Андрея дело не пошло. Правда, он завоевал симпатии товарищей своим удивительным самообладанием, которое не покидало его в минуту опасности.

Андрей привыкал к подземоходу, как к собственной квартире. Изучал его самым добросовестным образом, пока не запоминал каждый винтик, каждую катушку, каждый провод. Неисправности находил быстро, устранял по-хозяйски, наверняка.

— Поступай как хочешь, — закрывая коробку автомата, ответил, наконец, Андрей. — Но я бы на твоём месте не стал торопиться. Побываешь ещё на любой глубине. Успеешь.

Ждать!

До сих пор рейсы походили один на другой. Цель испытаний формулировалась просто: увеличение срока службы того или другого узла. Другое дело, рейс «ПВ-313». Машина висит над раскалённой каменной бездной, в которую ещё никому не доводилось заглянуть.

Возвращаться? Теперь?

Но с чем? Подземоход оправдал себя, это хорошо. Но не в характере Вадима довольствоваться малым — ведь не случилось ничего такого, что заставило бы работать мысль, подсказало бы новые идеи.

9

— М-м-м... — промычал Дектярев и потрогал свою лысину. — Продолжить исследование астено-сферы... Заманчивое предложение. Риска, говорите вы, никакого?

— Вы имели возможность убедиться в этом, — пожал плечами Вадим. — Глубинный барьер пройден без всяких осложнений. Особых усилий от нас и не потребовалось. Но меня, как конструктора, интересуют условия, в которых машина получила бы настоящую, солидную нагрузку.

— Понимаю вас. А что скажете вы, Валентин Макарович? — Дектярев повернулся к атомисту.

— Я настаиваю на немедленном возвращении! — тонким голосом выкрикнул Биронт. — Мне было обещано кратковременное пребывание под землей. Я не желаю более задерживаться здесь. С меня вполне достаточно.

— Насколько я вас понял, — вежливо заметил Вадим, — весь комплекс намеченных вами исследований полностью выполнен?

— Напротив, я не сделал и половины того, что собирался сделать. Для этого мне нужен месяц, а не двое суток, — обезоружил себя Валентин Макарович. — Пока привыкнешь к вашей душной коробке...

— Ясно. А вы, Николай Николаевич?

— Я подтвердил лишь то, что мне было известно по опыту прошлых рейсов. Самое интересное для меня находится значительно глубже.

— Итак, насколько я понял, — Вадим улыбнулся самыми краешками губ, — общее желание — возвратиться.

Ирония, прозвучавшая в словах Вадима, задела самолюбие Дектярева. Геолог насупился, лицо его потемнело.

— Я привык уважать дисциплину, — сказал он. — У каждого командира подземохода имеется программа испытаний, утвержденная главным конструктором завода.

— Я не только командир подземохода, — напомнил Вадим, — я к тому же заместитель главного конструктора. Мне предоставлено право менять программу в зависимости от сложившихся обстоятельств. Иначе не было бы этого разговора.

«Хитер! — с удовольствием отметил про себя Дектярев. — И умен. За словом в карман не лезет».

— Ну, ежели вы прикажете, — геолог выпятил губы, глаза его лукаво прищурились, — мы будем вынуждены подчиниться.

— Позвольте, позвольте, кто это «мы?» — Атомист, отчаянно жестикулируя, вскочил на ноги. — Я категорически настаиваю...

— А, бросьте вы! — неожиданно разозлился Дектярев. — Трясетесь от страха, как... как не знаю кто.

Ведь все уши прожужжал своей теорией переохлаждения, а когда появляется возможность проверить ее на деле — в кусты. Стыдно, коллега! Ничего-то с вами не случится, если мы нырнем еще на сотню-другую километров.

Валентин Макарович задохнулся от негодования. Он сел, бросая на Дектярева такие уничтожающие взгляды, что Михеев, Чураков и Скорюпин заулыбались.

— Я полностью за предложение Вадима Сергеевича, — вмешался в разговор Андрей. Ему хотелось поддержать товарища. — Машина в отличном состоянии. За безотказность механизмов я ручаюсь.

— Уговорили, — сокрушенно покачал головой Дектярев. — Мы с Валентином Макаровичем не возражаем, — он подмигнул атомисту, — чтобы погрузиться еще на сотенку километров. На сотенку — не больше. И эдак осторожненько, осторожненько.

— Разумеется, — сдержанно улыбнулся Вадим.

— Зато я решительно против, — заговорил молчавший до того Михеев. — Я требую безоговорочного выполнения указаний главного конструктора.

— Не забывайте, здесь его помощник! — вскинулся Вадим.

— Вот именно помощник, а не главный конструктор. Распоряжаться опытной машиной можно только с его согласия.

— Павел Игнатьевич, — Вадим повернулся в сторону связиста, — будьте добры, соедините товарища Михеева с бюро завода.

Скорюпин виновато улыбнулся и пожал плечами.

— На какое давление рассчитана полезащитная установка? — спросил Вадим водителя.

— На триста миллионов атмосфер.

— Так. А что показывают приборы?

— Тридцать с половиной тысяч.

— И вы, водитель опытных глубинных машин, считаете такую проверку вполне исчерпывающей? Михеев смешался.

— Совещание считаю оконченным, — Вадим встал. — С общего согласия продолжаем испытание

корабля. И научные исследования, — он с насмешкой посмотрел на Биронта. — Глубина погружения будет зависеть от обстоятельств и... от нашей выдержки. — Глаза командира загадочно улыбались. — Механику и водителю — по местам!

Он направился к люку. За ним последовал Андрей.

— И все-таки вы поступаете опрометчиво, Вадим Сергеевич, — сказал Михеев, усаживаясь за пульт напротив Суркова. — Несерьезно это.

— Старт! — вместо ответа скомандовал Вадим. Заработал двигатель, корабль вздрогнул.

«К центру земли! К центру земли! — стучало сердце Вадима. — К неведомому! К неиспытанному!»

10

Расплавленная магма осталась над головой. Все ярче светился экран локатора. Цвет кипящей меди сменился на нем золотым сиянием, да таким ослепительным, что пришлось понизить силу тока, питающего локаторный излучатель.

Разогретый почти до двух тысяч градусов, базальт оставался твердым, хотя температура давно перешагнула точку его плавления. Сжатое вещество приобретало высокую плотность. Атомы в кристаллических решетках вместо того, чтобы рассыпаться от теплового воздействия, вынуждены были теснее прижиматься друг к другу.

Приборы отметили глубину пятьдесят километров, а «ПВ-313» спокойно продолжал движение. Давление превысило сорок с половиной тысяч атмосфер.

Вниз... вниз... в неизвестность.

Ничто не нарушало четкой и слаженной работы механизмов. У Вадима крепла вера в свою правоту.

Наверх послали официальное уведомление: «Все благополучно. Продолжаем идти в глубину, чтобы испытать подземоход в более тяжелых условиях и провести более полный комплекс научных исследований».

Ответа не получили. Может быть, не дошло сообщение, посланное с корабля, а может быть, луч с наземных станций затерялся где-то далеко в стороне от курса «ПВ-313».

Вадим с головой ушел в работу. Приборы давали ему сведения о взаимодействии плотной среды с механизмами. Командир был теперь только конструктором — он проверял в действии реакторы, бур, двигатель, магнитоплазменное поле.

Водитель все еще колебался, не зная, как ему поступить: воспротивиться ли воле своего непосредственного начальника или, наоборот, самым решительным образом поддержать его.

Дерзость Вадима пришлась Петру Афанасьевичу по душе. Если ради пользы дела, то отчего и не пойти на риск? Но главный такого своевольтва не спустит. Тут всем достанется на орехи. И доверия лишиться...

Михеев нахмурился, бросил взгляд на командира: молодой, горячий и, видно, жадный до открытий. На заводе его уважают, называют талантливым. А Ремизовский человек осторожный, может быть возраст уже такой...

Михеев вздохнул, встряхнулся и занялся приборами управления.

Дектярев и Биронт после разговора с Сурковым вернулись к себе в кабину, чтобы продолжать прерванные исследования. Но едва пол дрогнул под ногами и поплыл вниз, Биронт захлопнул журнал и, точно подброшенный пружиной, вскочил на ноги.

— Коллега, куда вы? — удивился Дектярев.

Атомист поднялся в кабину отдыха и лег в гамак. Ему действительно было не по себе. Куда они движутся? Что задумал этот фанатичный Сурков?

Лежать и ничего не делать было непривычно. Дома Валентин Макарович никогда бы не дошел до такой бесцельной траты времени. Но здесь он не видел другого способа выразить свой протест. Ему казалось, что экипаж вездехода будет потрясен его самоотречением.

Увы, кроме Дектярева, никто не обратил внимания на странное поведение атомиста. Все были заняты своей работой. Что касается геолога, то этот грубиян сказал ему:

— Вот такое пространственное положение более подходит для вашего тела.

— Попрошу оставить меня в покое, — раздраженно отрезал Биронт.

Оставшись в одиночестве у пульта, Николай Николаевич исписывал страницу за страницей, удовлетворенно хмыкал, произносил длинные монологи. В его распоряжении находилась точнейшая электронная аппаратура. Она позволяла ему установить не только химический состав базальтовых пород, сквозь которые прокладывал себе путь подземоход, но и то, что составляло главный интерес для геолога, — физические свойства вещества.

— Проверим диалектику в действии, — повторял он себе. — Количество непременно приведет к появлению нового качества.

И наблюдал, как под влиянием нарастающего давления все теснее сближаются атомы в молекулах. Дело не только в увеличении плотности. Наступит момент, когда чрезмерное сближение атомов вызовет переход вещества в новое состояние.

Но в какое?

К концу подходили вторые сутки пути. Девяносто километров земной коры осталось над головой путников.

Девяносто километров.

Когда Дектярев торжественно сообщил об этом лежащему в гамаке атомисту, у того защемило под ложечкой, его и без того длинное лицо еще более вытянулось. А Николай Николаевич, твердя «Зангезур-занзибар!», сел за стол и открыл банку с желе-концентратом. Аппетит геолога показался Биронту прямо-таки противоестественным.

Подошло время спать. Биронт закрыл глаза, но ему мешал яркий свет лампы. Он выключил ее. И тут услышал, как вибрирует корпус, — звук, к которому начал было привыкать. В темноте особенно четко за-

звучали глубинные взрывы, они придвинулись к самой кабине (уплотняясь, вещество все лучше проводило сейсмические волны).

Валентин Макарович поспешил снова включить свет и понял, что уснуть ему не удастся.

Не выдержав одиночества, атомист спустился в свою рабочую кабину, хотя его заранее мучило от необходимости сесть лицом к лицу с Дектяревым. Антипатия атомиста к геологу росла с каждым часом.

На его счастье, Николай Николаевич спал. Биронт решил, что здесь, в кресле, удастся соснуть и ему. Правда, в кабине тоже было светло от сияния, излучаемого экраном. Биронт протянул руку к кнопке. Экран погас, осталось только мерцание разноцветных нитей на белых шкалах.

Устроившись поудобнее в кресле, Валентин Макарович закрыл глаза. На минуту почувствовал покой. Но только на минуту. До его обострившегося слуха долетел храп Дектярева. Даже спящий, геолог управлял ему существование.

Валентин Макарович включил экран, часто моргая, смотрел на оранжевый диск. Потом повернул голову к указателю глубины.

Сто километров! Ужасно...

Он заерзал в кресле, глаза его расширились. Чем же все это кончится?

В ближайшем ряду приборов мигнул красный глазок счетчика атомных частиц, мигнул один раз и потух. Крошечная вспышка света не сразу дошла до сознания атомиста. Гнев на Дектярева ослеплял его значительно сильнее.

Но вдруг возмущение его разом испарилось: лампочка мигала не переставая.

— Мезоны?

— Что такое? — Дектярев открыл глаза.

— Мезоны?!

Валентин Макарович с такой быстротой начал вращать переключатели счетно-решающей установки, что опешивший Дектярев никак не мог сообразить, что произошло.

— Здесь еще не должно быть мезонов, — бормотал Биронт. — Я их не ожидал так рано...

— Мезоны? Так вы не шутите?

Николай Николаевич встал и обошел пульт, чтобы лучше видеть счетчик атомных частиц.

11

Когда-то существовало убеждение, будто земля состоит всего из двух геосфер: твердой, но тонкой оболочки — коры и расплавленной магмы, которая простирается уже до самого центра.

Наблюдая за скоростью распространения сейсмических колебаний, ученые установили, что ближе к центру земли плотность вещества необыкновенно высока и превышает плотность стальных сплавов.

Итак, земля — твердое тело.

Однако оставался нерешенным другой вопрос: химический состав вещества на различных глубинах.

Одна группа ученых утверждала, что по мере увеличения глубины начинают преобладать тяжелые элементы, а ядро уже состоит из чистого железа, никеля, кобальта и хрома.

Другая группа ученых (к ней принадлежал и Дектярев) считала строение земного шара однородным по всей глубине. Что касается большого удельного веса ядра, то тут все легко объяснялось мощным давлением, которое внутренние слои испытывают со стороны внешних.

Но как давление сказывается на физических свойствах вещества? Остается ли каждый химический элемент самим собой, или давление коренным образом преобразует его внутриатомную структуру?

Еще задолго до рейса «ПВ-313» геофизики подтвердили: на границе литосферы с астеносферой кристаллические структуры переходят в аморфные. Кристаллы рухнули! А дальше? А глубже? Не рухнут ли молекулы? Не распадется ли атом? И что вообще тогда останется?

Современные электронные ультрамикроскопы и

ионные проекторы позволили постичь до конца строение клетки и увидеть атом.

Современные радиотелескопы дали возможность увидеть новые галактики, недоступные прежде для наблюдений.

Лишь инструмента, с помощью которого ученые смогли бы заглянуть в центр планеты, создать не удавалось. Плотная завеса — почти три тысячи километров уплотненного вещества — надежно скрывала ядро от глаз наблюдателей.

Оставалось самым пробиться сквозь астеносферу.

Именно поэтому геолог-изыскатель Дектярев связал свою судьбу с испытанием глубинных подземоходов. Его заветной целью было проникнуть в астеносферу. Здесь он надеялся обнаружить хотя бы отзвуки тех явлений, которые происходят в ядре, если не до конца то в первом приближении понять, какие силы порождают землетрясения, передвигают континенты, перемещают магнитные полюса.

Подтрунивая над Бирнотом и над его теорией переохлаждения, Николай Николаевич не мог не видеть в нем и своего союзника. Усилия атомиста были направлены к той же цели: увидеть превращения вещества под воздействием давления. Дектярева интересовала внешняя форма превращений, Бирнота — внутренняя.

Вот сейчас, например, давление продолжает нарастать, а температура поднимается гораздо медленнее, чем это положено ей по законам физики. Спрашивается, во что же тогда переходит энергия сжатия?

Не будучи достаточно сильным в атомной физике, Николай Николаевич с нетерпением ждал, к каким выводам придет Бирнот. Но, увы, тот устроил бунт и покинул кабину.

И вдруг появились мезоны.

Не сразу Николай Николаевич понял волнение Бирнота. Свойства мезонов изучаются в каждой школе. Их обнаружили в 1937 году в атмосфере, где они образуются под воздействием космических лучей. Эти частицы в двести раз тяжелее электрона, имеют по величине такой же заряд, но по знаку могут быть

и положительными и отрицательными («тяжелые электроны»). Возникая, мезоны живут всего две миллионные доли секунды. Исчезая, они оставляют после себя обыкновенные электроны и излучение.

Исследователям долгое время не удавалось получить мезоны искусственной бомбардировкой атомов. Ведь космические лучи несут с собой огромную энергию. Стоит убрать атмосферу только на одно мгновение, чтобы все живое на земной поверхности обратилось в пепел. Да и не только на поверхности. Космическое излучение пронизывает толщи вод, достигая дна океана. Оно проникает на сотни метров в глубь каменных пород.

Искусственное получение мезонов стало возможным, когда в распоряжении атомистов оказались синхрофазотроны с энергией в миллиарды электронов-вольт.

Сюда, на глубину ста километров, не могли попасть мезоны, порожденные космическими лучами. Значит, приборы обнаружили какое-то другое излучение. И если оно не космического происхождения, то есть не попадает сюда извне, значит источник его спрятан в недрах земли.

Дектярев понял теперь, что взволновало Валентина Макаровича.

Мезоны возникали и гибли. Щелканье счетчика слилось в один сплошной звук, напоминающий звук дисковой пилы, идущей по сухому дереву. У Валентина Макаровича вздыбились волосы, приоткрылся рот, округлились глаза.

Что он сейчас переживал!

Мезоны принесли ему долгожданную весточку: вся толща астеносферы пронизана необычайно мощным излучением, о существовании которого Биронт догадывался еще там, наверху, у себя в кабинете. Излучение возникало в результате распада атомных ядер, но без выделения термоядерной энергии в виде тепла. Именно такая возможность была подсказана теорией переохлаждения.

Валентин Макарович ликовал. Ему хотелось кричать от радости, и он, пожалуй, сделал бы это, если

бы в горле не появились спазмы. Вот они, первые факты! Гипотеза переохлаждения перестает быть гипотезой, она становится (и он теперь добьется этого!) такой же аксиомой, как и закон тяготения. Не зря положено столько трудов и перенесено столько огорчений. Истина торжествует!

Но очень скоро пыл ученого охладила другая, уже неприятная мысль: подземоход вместе с ним, Биронтом, движется навстречу излучению, породившему мезоны. Поглощающая способность астеносферы будет непрерывно падать. Экипаж подвергается такой опасности, вполне оценить которую не мог еще и сам Биронт.

Ясно одно: дальше смерть.

Валентин Макарович похолодел, посмотрел на Дектярева круглыми глазами. Он глотнул слюну и снова вцепился в переключатели. Кончики его длинных костлявых пальцев вспотели, так что от прикосновения их к рычажкам переключателей рычажки становились липкими.

Нет, ничто не могло сейчас заставить его уйти от пульта.

— Пока меня не было у пульта, вы не замечали появления мезонов? — спросил он у Дектярева. — Очень важно знать, на какой глубине появляются признаки излучения.

Николай Николаевич развел руками.

— Ну, ничего. Ничего... — успокоил себя атомист. — На обратном пути я уточню это.

Минули третьи сутки с тех пор, как подземоход покинул поверхность земли. Сто пятьдесят километров протянулись между кораблем и солнечным светом.

Жизнь в кабинах «ПВ-313» входила в своеобразную колею. В определенное время работали, сидели за обеденный стол, отдыхали. Но больше всего времени уделяли работе, и никто не заговаривал о возвращении на поверхность.

Каждый раз, когда страх подкрадывался к Валентину Макаровичу, он спешил успокоить себя доводом, что до источника излучения еще очень далеко, что вездеход движется медленно, а лучевая защита его стенок пока вполне надежна.

Подобно Дектяреву, пытался он спать, сидя за пультом, но, повертевшись некоторое время в кресле, обращался в бегство, ибо органически не переносил храпа.

Его по-прежнему раздражала и привычка Николая Николаевича высказывать свои мысли вслух, хотя уже не так сильно, как вначале. Бывали минуты, когда, увлеченный наблюдениями, Биронт вообще не замечал ничего окружающего и даже забывал, где он находится.

И все же он предпочел бы работать в одиночестве. Однако Дектярев теперь словно прирос к пульту. Геолог и спал у пульта, проявляя удивительную способность засыпать мгновенно, если приборы не сообщали об изменениях в окружающей среде, и так же мгновенно просыпаться, если такие изменения происходили. А ведь сигналы приборов были беззвучными, нити передвигались по шкалам — только и всего.

Таким образом, Николай Николаевич спал подряд не более четверти часа, хотя в общей сложности набирал за сутки никак не меньше десяти часов.

Меньше всех спал Вадим. Придирчиво присматриваясь и прислушиваясь к работе машин, он нащупал слабое звено в конструкции подземохода. Корпус должен иметь иной профиль! Это выяснилось только сейчас, на глубине в двести тридцать километров. Электронно-счетная машина, получив более миллиона замеров давления в разных точках обшивки, составила и решила интегральное уравнение. В воображении Вадима вырисовывался новый корабль — вытянутый эллипсоид с заостренным носом.

Вадим переживал спокойное удовлетворение. Он посвящал в свои наблюдения водителя. Вдвоем они часами прикидывали, как можно переключить «ПВ-313», а главное — как повысить его скорость.

— Главное — скорость, — повторял Вадим. — Год назад, два-три года назад наши подземоходы тоже делали полметра в секунду. Пора перешагнуть и этот барьер.

Не знал отдыха и Скорюпин. Передача следовала за передачей. Наверх о своих успехах торопились сообщить Вадим, Дектярев, Биронт. Когда же не было передач, Паша терзал приемник, пытаясь поймать ответное сообщение. Однако наземные станции молчали.

Начались четвертые сутки пути.

Далекое сотрясение базальта заставили встревожиться Вадима. Заметно возросла вибрация корпуса. Вадим, выпрямляясь в кресле, прислушивался, отвечал взглядом на взгляд Михеева. Иногда включал звуковой индикатор, пытаясь по спектру сейсмических колебаний определить силу взрывных волн в гипоцентре. На помощь ему приходил Дектярев. Получив результат расчета, геолог и конструктор исподтишка наблюдали друг за другом. Недра угрожали изрядной встряской.

— Выдержим? — спрашивал Николай Николаевич, кивком головы указывая на стены кабины.

— Да. Вполне.

— А может, того... пора и восвояси? — геолог понижал голос и косился на Биронта. — Или задержать на месте. А то, знаете, наши наблюдения прямо-таки не успевают за движением подземохода. Невозможно учесть все, что подкарауливает нас в этой преисподней.

— Всякое явление лучше всего наблюдать вблизи, — возражал Вадим. — Ну, хорошо, мы вернемся. Разве вы не пожелаете больше участвовать в рейсах? И разве вы успокоитесь на глубине в двести километров?

— Ох, пасую, Вадим Сергеевич, пасую.

К исходу четвертых суток вибрация корпуса нарушила спокойное существование экипажа. Корпус гудел растревоженным гигантским пчелиным ульем. Мелко дрожали кресла, пульт, крышки люков. Толь-

ко вытянувшись в гамаке, можно было освободиться от этого неприятного ощущения.

У Биронта разболелась голова. Схватившись за нее руками, он громко стонал, охал, пытался продолжать наблюдения и, не выдержав, спасался бегством. Отлежавшись, торопился обратно к пульту. Теперь Валентин Макарович и не заикался о возвращении, угрюмо отмалчивался, когда ему напоминали об этом. Атомист не желал терять ни минуты. Вибрация корпуса не внушала ему страха (за безопасность корабля пусть беспокоится Сурков), но приводила его в отчаяние, потому что мешала работать.

Атомист с завистью поглядывал на Дектярева. У того был невозмутимый вид. Разве такого человека проймет вибрация?

Все чаще Михеев, Чураков да и сам Сурков искали спасения в гамаках.

— Нужно прекратить погружение, — настаивал Михеев.

— Еще немного, Петр Афанасьевич, — отвечал Вадим. — Должны же мы иметь представление о том, что такое гипоцентры.

А сам стискивал зубы. Его бесило только одно — пришлось оставить исследования. Вибрация мешала сосредоточиться.

Однажды Скорюпину после долгого и утомительного блуждания в море звуков удалось услышать человеческий голос. На шкале индикатора ожила голубая линеечка, затрепетала змейкой, посредине возникла пика.

— Станция на приеме! — закричал Паша.

Его обступили выскочившие из гамаков Михеев, Сурков, Чураков и Биронт. Только Дектярев остался сидеть в своем кресле за пультом и ограничился тем, что включил репродуктор внутренней связи.

Паша повернул переключатель. Кабины вездехода наполнились ревом и грохотом. В этом шуме слышался звон колоколов, вой вентиляторов, скрежет металла о металл, крики каких-то животных. Можно было подумать, что где-то в глубине под кораблем

таится мир, населенный сказочными гигантами, и звуки этого мира грозным предупреждением проникли в помещения подземохода.

Резонансная настройка автоматически освободилась от помех. Из репродукторов во всех четырех кабинах раздался отчетливый голос директора наземной станции.

«...От вас принято восемь сообщений. Вами проделана большая и ценная работа. Тем важнее ваше скорейшее возвращение...»

Минуту было тихо. Голубая змейка утомленно выпрямилась в неподвижную линию.

— Нет, ты у меня так не отделаешься! — зашипел рассерженный Скорюпин и грудью лег на край пульта, ожесточенно завертел лимбами настройки.

— Вот досада, — проворчал Биронт. — Неужели нельзя было придумать хорошую связь?

Ему не ответили. Все продолжали стоять вокруг Паши и через его плечо заглядывали в матовый прямоугольник прибора. Приемник молчал.

13

Несмотря на вибрацию, механизмы работали по-прежнему безотказно. Андрей сидел в кресле и привычно поглядывал на приборы.

Двести два километра глубины... Давление семьдесят две тысячи атмосфер... Температура, правда, поднимается не так уж быстро. Перешагнув через две тысячи градусов, за четвертые сутки она прибыла всего на сто градусов.

На экране оранжевое сияние перешло в зеленое. Световое излучение смещалось в сторону фиолетовой части спектра.

В голову лезут непрошенные мысли. Вибрация мешает думать, но мысли назойливо тянутся друг за другом.

Лена... Конечно, она не догадывается. И до чего это нелепо: знать девушку столько лет, но полюбить ее, когда она стала женой твоего лучшего друга.

Глаза Андрея бездумно устремлены на экран. Неожиданно вспоминаются яблоневые сады, высокий берег реки. Потом переезд в другой город, куда отца назначили начальником строительства. Знакомство с Вадимом... Завод... Лена-лаборантка...

Вдруг его сознания уколom иглы касается мысль: правильно ли было связать свою судьбу с подземоходами? Вот уже четыре года провел он в подземных рейсах, добросовестно выполняя свои обязанности. Но ничто ни разу не взволновало его, не поразило его воображения.

Андрей пришел на подземоходы следом за Вадимом. Он втайне завидовал пытливой и порывистой натуре товарища, старался во всем подражать ему, тянулся за ним.

Правильно ли он поступил, посвятив себя чужой мечте?

Ну, а если бы ему довелось принять участие в космическом рейсе, опуститься на поверхность луны, Марса или планеты чужой солнечной системы? Неужели и тогда не дрогнуло бы сердце?

В душе Андрея зашевелилось глухое и безотчетное беспокойство. Оно посетило его впервые и почему-то именно во время такого напряженного и ответственного рейса.

Вибрация путает мысли, от нее в висках тяжесть. Андрей бросает взгляд на приборы. Нити застыли неподвижно. Машине нет дела ни до происходящего в душе механика, ни до той звуковой бури, которая нарастает вокруг корабля.

По скобам Андрей добирается до кабины отдыха, ложится в гамак. Рядом стонет Биронт. А Вадим, Дектярев и Михеев продолжают обсуждать все тот же вопрос: поворачивать ли подземоход обратно или двигаться дальше.

— Я настаиваю на возвращении, — говорит Михеев. — Этого требует главный конструктор. Мы не знаем, что нас ожидает внизу.

— Если бы знали, Петр Афанасьевич, — отвечает спокойный, приглушенный гулом вибрации голос Вадима, — действительно не имело бы смысла послуши-

ваться начальства. Может быть, у вас есть более серьезные доводы?

Андрей улыбается в подушку: кого захотели переговорить — Вадима Суркова.

— Хотя бы вибрация.

— Ну, хорошо. А вы представьте себе, что вибрация захватила бы нас в самом начале рейса, на глубине, скажем, километров двадцать пять — тридцать. Вы бы что, тоже потребовали возвращения?

Михеев молчит. Он никак не может найти убедительных слов.

— Я решительно протестую, — раздается вдруг болезненный возглас Биронта.

— Вот видите, — подхватывает Михеев, — нельзя же злоупотреблять здоровьем людей.

— Вы не поняли меня, — Валентин Макарович садится в гамаке и сбрасывает со лба мокрое полотенце. — Остановиться сейчас — это настоящее преступление. Мои исследования только начинаются. Вокруг появилось столько необыкновенного.

Дектярев похохатывает. Вадим уже с уважением поглядывает на атомиста.

— А ты что скажешь, Андрей?

Вопрос Вадима застаёт механика врасплох.

— Я согласен куда угодно, — отвечает Андрей, — хоть до центра земли.

Но произносит он это без всякого энтузиазма.

Вадиму показалось, что его разбудил смех Лены.

Открыв глаза, он понял — сон прервала вибрация. Смехом Лены звенел корпус машины. К нему примешивалось хаотичное сплетение звуков, среди которых можно было различить шум морского шторма, свист ветра, грохот горных обвалов, стоны, уханье, скрежет.

Вадим сделал попытку думать только о Лене. Ничего не получилось — по корпусу бешеной дробью стучали тысячи тяжелых молотов. Ни магнетоплаз-

менное поле, ни двойные стены корпуса не спасали более экипаж от дикой пляски базальта.

В соседнем гамаке лежал Чураков, ниже Михеев, оба с открытыми глазами.

— Не спится? — спросил Вадим.

— Где же тут уснешь, — ответил Михеев.

Андрей промолчал. Он хотел одного: пусть вибрация будет такой сильной, чтобы в голову не лезли мысли, не мучали его непривычными сомнениями.

Вадим прыгнул с гамака. И вскрикнул. Ему показалось, что подошвы коснулись раскаленной поверхности. Вибрация уже просачивалась сквозь найловок. Она иглами прошла через тело. От нее на минуту перехватило дыхание, ляснули зубы. Но самое болезненное ощущение было в голове — там, в мозгу, словно завертелось, запрыгало множество острых камешков.

— Ф-фу! — командир задышал часто, но остался стоять, упрямо не желая сдаваться. — Ч-черт... как пробирает! Ну, ничего.

Он направился к люку.

В следующей кабине Скорюпин вел двойную борьбу: то, прикинувшись к аппарату, вращал лимбы настройки и всматривался в голубую линейку, то, всхлипнув, закрывал лицо ладонями и откидывался в кресле, запрокинув голову.

— Не слышно? — спросил Вадим. Ему пришлось кричать, чтобы преодолеть жужжание корпуса.

Связист отрицательно покачал головой.

То, что увидел Вадим в следующей кабине, поразило его. Геолог и атомист сидели друг против друга. У атомиста было истрадавшееся лицо, он то и дело хватался руками за голову, за сердце, но не выпускал зажатое в пальцах электроперо. Над лбом его топорщился хохолок рыжих волос, на измятых бессонницей щеках выступила рыжая щетина. С минуты на минуту готов он был сдаться и запросить возвращения на поверхность. Однако минуты складывались в часы, а Биронт продолжал изучать характер излучения, породившего мезоны.

Николай Николаевич имел более крепкую нату-

ру. Но и ему нелегко давалось сидение в кресле. Было видно, как вздрагивают мясистые щеки ученого, как морщится он от изнуряющей вибрации. А в глазах и упрямство и творческий азарт.

— Открытие за открытием! — приветствовал Дектярев появление Суркова. — Вы только представьте себе, Вадим Аркадьевич, он имеет кристаллическое строение.

— Кто он?

— Базальт, который нас окружает.

— Что ж... поздравляю.

В этот момент Вадима не очень-то интересовала структура базальта.

— Да, да! — кричал Дектярев и даже привстал, чтобы Сурков его лучше слышал. — Ультракристаллическая структура. Кристаллы настолько мелки, что мне удалось обнаружить их только с помощью вот этого. — Николай Николаевич постучал суставом указательного пальца по шкале одного из приборов. — Получается следующая картина: на глубине сорока километров под воздействием давления кристаллическая структура переходит в ультракристаллическую, а не в аморфную, как мы до сих пор думали. Каково, а? А вот на глубине трехсот километров она примет настоящее аморфное состояние. Это произойдет гораздо ощутимее, с выделением той энергии, которая и порождает землетрясения.

— Я понял вас, Николай Николаевич. А как дела у Валентина Макаровича? Он тоже делает открытия?

Дектярев уловил насмешку в голосе Суркова, но не обиделся, а, наоборот, улыбнулся и потрогал кончик собственного носа.

— Да, похоже, что и Валентин Макарович поймал крупную рыбину. Во всяком случае, мы уже не вернемся с пустыми руками. Не так ли, Валентин Макарович?

— Не отвлекайте, пожалуйста, не отвлекайте! — взмолился Биронт. — Вы же видите, как трудно сосредоточиться. Идите разговаривать в другое место. Убедительно прошу вас.

Взгляд атомиста тотчас же застыл на одном из приборов, а растопыренные пальцы нацелились на переключатель, будто это был не переключатель, а птица.

Вадим спустился к себе. Сел в кресло, чтобы продолжать работу. Ему хотелось до возвращения на поверхность окончательно решить вопрос о выборе наиболее рационального профиля корпуса подземохода. Однако у него было такое ощущение, будто он сел не в кресло, а в какое-то средневековое приспособление для пыток, изготовленное из грубого необработанного металла, и что это приспособление с бешеной скоростью катится по неровной каменной поверхности.

«На следующем подземоходе придется поставить кресла на виброгасители», — подумал Вадим.

Попытка увлечь себя расчетами потерпела неудачу. С растерянностью убедился Сурков, что не сможет сосредоточиться в таких условиях. Проклятая тряска выворачивала все внутренности.

Вадим вскочил. Стоять на мягком наиловойлочном покрытии оказалось все-таки легче. Но не работать же стоя?

Он возвратился в кабину геолога и атомиста. К его удивлению, оба ученых все еще оставались за пультом. Они, казалось, приросли к своим местам. Даже Биронт, этот костлявый капризный человек, проявляет необъяснимое упрямство. Лицо у него измученное. Видно, что крепится из последних сил. А ведь в начале рейса, когда ничто не мешало работе, капризничал, предъявлял ультиматумы. Интересно, сколько способен он вы сидеть в кресле?

Вадим поймал себя на том, что его раздражает упрямство Биронта. Да и внешняя невозмутимость Дектярева тоже.

Валентин Макарович, словно угадав мысли командира, захлопнул журнал и в изнеможении уронил голову на грудь. Посидев так немного, он с усилием поднялся на ноги и походкой пьяного человека добрался до скоб.

Дектярев остался у пульта. Этого, казалось, ни-

чем не проймешь. Похоже, геолог даже напевает песенку. Да, так и есть! Мурлычет, как сытый кот. Вибрация между тем должна доставлять ему куда больше неприятностей, чем худосочному Биронту.

Разгневанный на себя и на своих спутников, Вадим возвратился к пультам. Он заставил себя работать. Что за самоистязание! Каждое показание приборов приходилось пересчитывать дважды и подолгу думать над результатами вычислений, пока они доходили до сознания.

15

Нет, у него так ничего и не получилось.

Вокруг все ревело и грохотало. От длительного действия нарастающей вибрации Вадим почувствовал боль в желудке. В горле появились судороги, рот непрерывно наполнялся слюной.

От недавнего покоя, среди которого Вадим принял решение идти к центру земли, не осталось и следа.

На экране локатора зелень сменилась густой синевой, ровной и чистой, совсем как небо в июльский полдень. Экран походил бы на круглое окно, будь он в стене, а не в полу. И не хотелось верить, что это синее не воздух, а раскаленный базальт, готовый раздавить «ПВ-313», как яичную скорлупу, стоит только отказать защитному действию магнитоплазменного поля.

Вадим соединился с геологом.

— Николай Николаевич, — спросил он, — каков будет ваш прогноз в отношении нарастания вибрации?

— По совести говоря, неутешительный. До зоны гипоцентров не меньше суток хода. Да еще столько же от нее вглубь, где прекратится эта камнедробилка.

— Плохо...

— Да куда хуже.

Дектярев ждал, что еще скажет Сурков. Но тот молчал. Командир подземохода колебался. Не пора ли остановить машину и прежде прощупать недра

с помощью всей имеющейся на корабле аппаратуры? Не поспешил ли он, взяв на себя смелость сразу же устремиться на «ПВ-313» к центру земли?

— Остановиться? — спросил он геолога.

— Н-не знаю, что и посоветовать.

Николай Николаевич тоже колебался. Страсть исследователя толкала его дальше, звала в недра. Голос благоразумия советовал повернуть обратно.

Если бы геолог начал уговаривать Вадима прекратить рейс, Вадим сдался бы. Но Дектярев надеялся, что командир подземохода примет такое решение самостоятельно. Оба молчали. Оба глядели в репродукторы на пульте, однако так ничего и не услышали друг от друга.

Сверху спустился Михеев, хмурый и усталый. Он сел в кресло, взглянул на приборы и сказал Вадиму:

— Идите передохните в гамаке. От вибрации мозги превращаются в кашу. Нужно дать им отдых.

Вадим остался на месте — в такой заботе он не нуждался. Но самочувствие у него было отвратительное. Голову разламывало от непрерывной тряски, вытряхивало из нее все мысли, все желания.

Время тянулось нестерпимо медленно. Командир подземохода избегал смотреть на хронометр, но все чаще поглядывал на виброметры. Можно было гордиться конструкцией «ПВ-313»: никаких нарушений в работе автоматики.

«Нужно остановить подземоход», — сказал себе Вадим, но остался неподвижным. Он привык доводить до конца каждое начатое дело, а сейчас ему приходилось отказываться от самого большого, от самого заветного, ради чего он жил и работал.

«Поспешил... — с досадой признался Вадим. — К вибрации машина не подготовлена. Нужно возвращаться».

И не находил в себе сил протянуть руку, чтобы нажать кнопку остановки.

Вдруг в синеве экрана он увидел Лену.

Четверо суток разлуки...

Четверо суток!

Но это лишь начало рейса. Подземоход прошел

двести двадцать километров, а Вадим хотел достичь центра земли. Значит, остается еще шесть тысяч сто пятьдесят километров. Даже при существующей скорости движения потребуется сто пятьдесят суток. Да столько же на обратный путь. Почти год!

На минуту Вадим перестал ощущать вибрацию. Острая, отчетливая мысль, что вся его затея представляет сплошное безрассудство, заглушила другие переживания, заставила исчезнуть даже образ Лены. Вдруг он почувствовал и грозную силу подземной стихии и бесконечность дороги. Что значит пресловутый глубинный барьер, когда впереди могут оказаться настоящие барьеры и за преодоление каждого из них можно поплатиться жизнью.

На душе Вадима было смутно и тревожно.

— Вадим, — произнес из репродуктора голос Чуракова, — поднимись поскорее к нам в кабину.

— Что там у вас стряслось?

— Скорюпин потерял сознание.

— Иду!

Следом за Вадимом в кабину механика поднялся и Михеев. Скорюпин лежал на полу, около него хлопотал Андрей: приподняв голову Павла, он пытался остановить идущую у него из носа кровь.

Михеев, не говоря ни слова, отстранил Андрея, взвалил безжизненное тело связиста на плечи и вскарабкался с ним в кабину отдыха. Там он бережно уложил Павла в гамак, открыл шкаф с медикаментами, достал кровоостанавливающее, вату, марлю.

На исходе были пятые сутки.

В кабине собрался весь экипаж. Обступили гамак Павла и ждали, пока связист придет в себя.

Павел открыл глаза, виновато посмотрел на товарищей.

— Укачало, — сказал он. — Но вы не беспокойтесь. Со мной на море всегда такое случается. А потом привыкаю.

— Сознание на море тоже теряешь? — рассердился Михеев.

— Лежи и помалкивай, — сказал Вадим. Потом взглянул на Михеева. — Петр Афанасьевич, остановите подземоход.

Михеев не успел ответить. Гудение за стенами подземохода приобрело иную тональность, зазвучало на самых низких октавах, напоминая вой раскручиваемой сирены. Подземоход качнуло сначала тихо, потом с такой силой, что люди попадали друг на друга, покатались в угол кабины.

— Гипоцентр! — крикнул Николай Николаевич.

С необыкновенным для своего грузного тела проворством, цепляясь руками за войлок пола, он добрался до люка и нырнул в его отверстие.

— К пультам! — приказал Вадим.

Но, несмотря на спортивную закалку, ему далеко не сразу удалось последовать за Дектяревым. В последний момент, когда он уже готов был ухватиться за поручни люка, его отбрасывало обратно. Он наталкивался на товарищей, сбивал их с ног и вместе с ними оказывался у противоположной стены.

Происходило что-то невообразимое. Огромную металлическую машину раскачивало, как утлое суденышко на морской волне в десять-двенадцать баллов. Сходство дополнялось шумом извне. Казалось, на борта «ПВ-313» обрушиваются многотонные кипящие валы.

Вадим, Андрей, Михеев друг за другом покинули кабину. В кабине оставались Скорюпин и Биронт. Но и Биронту удалось выбрать момент, когда наступило сравнительное затишье, и не очень принятым у взрослых людей способом, на четвереньках, достичь люка.

Скорюпин остался один. Он сел в гамаке, закрыл глаза, а когда снова открыл их, на ресницах повисли капли слез — немилосердно болела голова. Медленно перевалился он через край гамака и спрыгнул на пол.

...Большого труда стоило Николаю Николаевичу спуститься по лесенке в свою кабину. Еще труднее

было добраться до кресла. Разбушевавшийся базальт пытался опрокинуть подземоход и увлечь его за собой. Гироскопические автоматы выравнивали машину. Шла борьба стихии и механизмов, созданных разумом человека. Люди, члены экипажа, оставались безмолвными свидетелями этой схватки. Их вмешательство не облегчило бы положения подземного корабля.

Дектяреву удалось сесть в кресло. От вибрации он оскалил зубы, сжался, замер, не спуская, однако, глаз с приборов. Теперь вибрация проходила через тело частыми и горячими импульсами электрического тока. И жар от нее разлился в животе, медленно поднялся вдоль позвоночника, заполнил голову.

Прежде всего геолог обратил внимание на темносинее поле экрана. Оно уже не было однотонным, оно искрилось. Искры были крупными, как снежинки, попавшие в полосу яркого света.

— Ага, началось! — вслух констатировал Николай Николаевич. — Вот она, борьба двух начал: жизни и смерти кристаллического мира.

Показания приборов подтвердили его догадку. На глубине двухсот шестидесяти километров кончилась ультракристаллическая геосфера. Здесь давление превысило силы сцепления в кристаллах, и кристаллы, распадаясь, обратились как бы в пыль. Только пыль эта, вместо того чтобы быть подхваченной ветром, слилась в еще более плотное аморфное вещество. Молекулярная связь продолжала существовать. Анализаторы показали наличие в окружающей среде простейших химических соединений: окислов, карбидов, сульфидов. Более сложных соединений не оказалось. Почему? Возможно, мешала высокая температура. Но скорее всего не только она. Николай Николаевич угадывал наличие других, более существенных причин. После открытия Биронта уверенность в существовании таких причин крепла, но их вмешательство оставалось пока незримым и рагадать их суть было уделом самого Биронта.

Распад ультракристаллов освобождал ту энергию, которая заставляла оживать потухшие вулканы,

вызывала землетрясения и причиняла человечеству немало бедствий.

Дектярев видел, как спустились к себе Михеев и Сурков. Они спешили к пульта управления. Теперь, как никогда, следовало быть начеку. В случае отказа автоматики придется вступить в борьбу со стихией самим людям.

Подземоход вздрагивал от ударов извне. Пол кабины принимал почти вертикальное положение, вибрация угрожающе нарастала.

В отверстии люка показались длинные ноги Биронта. Атомист пытался нащупать ими скобы. Раскачивание подземохода мешало ему. К тому же он, как и все, очень спешил оказаться у пульта.

— Да ведь он уж и не так труслив, — проворчал Дектярев, наблюдая за ногами Биронта. — Просто человек не в спортивной форме. Нет, сей муж определенно начинает мне нравиться.

Николай Николаевич встал, чтобы помочь Биронту. И вовремя. Очередной толчок выбил из рук Валентина Макаровича край люка. Атомисту прямо таки везло на падения. Но на этот раз он угодил в богатырские объятия геолога.

— Благодарю, — сухо буркнул Биронт.

Едва Николай Николаевич открыл рот, чтобы сказать «пожалуйста», как новый толчок сбил с ног его самого. Падая, он всей тяжестью своего тела придавил тщедушного атомиста. Валентину Макаровичу показалось, что на него рухнули все двести шестьдесят километров базальта, которые простирались над подземоходом.

Когда же Биронт убедился, что вселенная осталась на месте, а придавил его только Дектярев, гневу его не было границ.

Вадим спускался по лесенке так быстро, как только мог. Мускулы его были крепки, руки легко выдерживали тяжесть тела, когда ноги теряли опо-

ру. На одну минуту он испытал сладостное ощущение настоящей борьбы. Нечто подобное переживали, наверное, мореплаватели далекого прошлого, захваченные ураганом на своих ненадежных каравеллах. Ветер срывает паруса, ломает мачты. Побеждает только смелый духом.

В следующее мгновение в Вадиме заговорил конструктор. С тревогой подумал Вадим, что программные датчики вовсе не приспособлены к резким изменениям курса, что в любой момент может наступить неразбериха в сложном взаимодействии механизмов вплоть до того, что автоматы возьмут и выключат защитное поле.

Скорее, скорее к пульту!

В кабине, едва Вадим выпустил из рук перекладину лесенки, его вдруг с силой швырнуло в сторону. Пульт, стены, потолок — все завертелось в каком-то бешеном вихре. Вадим ударился затылком о стену. Несмотря на толстую найловолочную обшивку, удар оказался настолько сильным, что в глазах у него потемнело и на мгновение он потерял сознание.

Дело принимало серьезный оборот. Хватаясь руками за раму, за пульт, глотая воздух широко открытым ртом, Вадим кое-как добрался до кресла. Здесь он немного пришел в себя, наблюдая, как стремительно поворачиваются стены и потолок вот-вот станет полом.

Взрывы вокруг подземохода сливались в один грозный рев, от которого корпус машины грохотал подобно разорванному на части, подхваченному ветром листу железа.

Взгляд Вадима задержался на показателе давления. Нить прибора металась по шкале, за стенами кабины рвались настоящие водородные бомбы. Мгновенная нагрузка на обшивку корпуса достигала двух с половиной миллионов атмосфер, опрокидывая все предварительные расчеты. У Вадима волосы зашевелились на голове. Два с половиной миллиона сопровождалась не менее сокрушительной вибрацией. Каждый рядовой конструктор сказал бы, какой это

страшный союз и как легко он способен разрушить самое прочное техническое сооружение.

Нужно что-то немедленно предпринять. Каждая последующая минута может принести гибель и самому Вадиму и его спутникам. Но что? Вадим никак не мог сосредоточиться. Он привык решать вопросы в спокойной обстановке, в тишине. И оттого, что в голову ничего не приходило, Вадим впервые потерял самообладание. Вцепившись в подлокотники кресла, он с ужасом наблюдал за прыгающей нитью прибора.

Дальше случилось такое, чего он и сам не ожидал от себя. Его пальцы потянулись к маленькой зеленой кнопке. Нет, это не Вадим, а кто-то посторонний решил остановить подземоход и повернуть его обратно.

Прежде чем Сурков успел нажать кнопку, чьи-то сильные руки схватили его за кисти и с такой силой рванули в сторону, что он не устоял в накренившемся кресле и оказался выброшенным вон. Этому способствовал и сильный наклон подземохода. Вадим почувствовал себя летящим в пространстве, падающим в какую-то бездну. На мгновение перед ним мелькнуло суровое лицо Михеева, потом все завертелось, смешалось.

Его швырнуло сначала к одной стене... к другой... и опять обратно. Нечеловеческим усилием удалось ему поймать скобу. Ноги Суркова повисли в воздухе — так сильно вздыбился пол. Постепенно кабина приняла горизонтальное положение, но, ослепленный и потерявший всякую ориентировку, Вадим не решался разомкнуть судорожно стиснутые пальцы.

Не будь гироскопических автоматов, машину опрокинуло бы, завертело, закружило, она превратилась бы в подобие падающего самолета, у которого отвалился хвост.

Пол снова еще круче накренился, и Вадим опять повис в воздухе. Он закричал, но не услышал собственного голоса. Ему казалось, что сейчас он не выдержит и лишится рассудка.

Вдруг рядом появился Михеев. Водитель подста-

вил ему плечо, выбрал момент, и Вадим не заметил, как снова очутился в кресле.

— Поворачивать обратно рискованно! — закричал Петр Афанасьевич в самое ухо Вадима. — В момент переключения гироскопа машину начнет вращать, и нас разобьет о стены. Нужно выбраться сначала из зоны гипоцентров.

Слова Михеева не сразу дошли до сознания командира подземохода. Когда же он понял их смысл, то содрогнулся. Настоящая смерть только что стояла за его спиной, и не окажись рядом Михеева, он бы, Вадим, погубил и себя и всех остальных членов экипажа.

«Трус! — обругал себя Вадим. — Не выдержал, расписался... Исследователь, первооткрыватель. Дрянь ты, вот кто!»

Ему удалось взять себя в руки. Он плотнее устроился в кресле, не рискуя, однако, взглянуть водителю в глаза. Ему было стыдно собственной слабости.

Вадим включил внутреннюю связь, вызвал поочередно механика, связиста, геолога. Все находились у пультов, на своих местах.

Каким образом могли возникнуть течения в твердой среде, сжатой почти до плотности металла? Дектярев так ответил на вопрос Вадима:

— При распаде ультракристаллов освобождается огромная энергия. Происходят резкие скачки в давлении в результате распада кристаллов. А вещество вокруг нас пластическое, совсем как резина. Взрывы заставляют его сжиматься. Затем оно возвращается в исходное состояние. Слои базальта, таким образом, передвигаются в различных направлениях, увлекая за собой подземоход. Если учесть, что деформация охватывает участки в сотни и тысячи километров, то мы практически остаемся неподвижными.

— Оно и заметно...

— Скорюпину опять плохо, — перебил Дектярева голос механика. — Потерял сознание.

Михеев начал выбираться из кресла, но Вадим опередил его.

— Оставляйтесь у пульта! — крикнул он. — Не спускайте глаз с приборов.

Водитель кивнул головой.

Вадим выждал, пока кресло взмыло вверх, а лестница оказалась внизу, и прыгнул, вытянув руки вперед. Он поймал скобу, как перекладину трапеции.

В следующий момент кресло провалилось вниз, а лестница оказалась на потолке. Вадим повис на руках. Он стиснул зубы и, перебирая перекладину за перекладиной, стал подвигаться к открытому люку.

Петр Афанасьевич следил за Сурковым, пока тот не исчез в отверстии люка. Тогда он в изнеможении откинулся на спинку кресла. Водитель чувствовал себя очень скверно, может быть немногим лучше, чем Скорюпин. Сказывались годы.

«Это твой последний рейс, Михеев, — с горечью подумал он. — Пора уступить свое место молодым».

Подземоход продолжало швырять из стороны в сторону. Пласты базальта то сильнее сжимали его, то на минуту ослабляли свой натиск. Скачки давлений, вызванные распадом ультракристаллов, действительно походили на взрывы. Вместе с давлением резко подпрыгивала температура, мощные звуковые волны заставляли вибрировать каждый винтик внутри корабля.

Вадим возвратился бледный, на лбу его выступили крупные капли пота.

— Зачем вы... сюда? — спросил Михеев. — Я справлюсь один.

— Н-не знаю... Там не лучше.

Отдышавшись, Вадим вторично вызвал Дектярева.

— На какой глубине прекратится распад ультракристаллов? — спросил он.

— Примерно на глубине четырехсот километров.

Глубиномер показывал двести девяносто километров. Значит, еще... От шума и скрежета вокруг, от нестерпимой боли в голове командир подземохода никак не мог сообразить, сколько же еще времени потребуется, чтобы преодолеть оставшиеся сто десять километров.

— Шестьдесят один час, — подсказал Николай Николаевич. — Двое с половиной суток.

Потянулись часы сводящей с ума вибрации и непрерывных бросков подземохода. Люди, не выдержав, бежали из кресел в гамаки, доверив свою судьбу автоматам.

Но вибрация уже заставляла дрожать сам воздух в кабинах, как если бы он был твердым телом. Вибрация передавалась и через упругие нейлоновые подвески. От нее раскалывалась голова, распухали суставы, появилась боль в мышцах и кожа на теле горела. Чтобы не видеть мелькающих стен, приходилось лежать с закрытыми глазами.

Не могло быть и речи о сне, о пище. Мутило всех, особенно Скорюпина. Биронт стонал, руки его все время чего-то искали, он зарывался лицом в подушку, садился в гамаке, охая, падал обратно.

Чураков и Дектярев мучались молча. Вадим ждал последней минуты: он был уверен, что программные датчики вот-вот сойдутся и выкинут что-нибудь такое, что сразу положит конец всем мучениям.

Один Михеев нашел в себе силы подать воды обессилевшему связисту. Возвратившись в гамак, он тут же сам потерял сознание.

Застонал Андрей. Вадим закричал: «Будь оно все проклято!» — и разрыдался, как ребенок. Дектярев мычал сквозь стиснутые зубы.

И подземоход стонал, покачивался, как смертельно раненный человек. Дрожь пробегала по его огромному стальному телу. Однако машина продолжала двигаться туда, куда ее направили люди: вниз... вниз... вниз... сквозь бешеную пляску раскаленного вещества.

Только на исходе шестых суток начала стихать качка. Гироскопические автоматы все увереннее отражали натиск подземной стихии.

Пошла на убыль и вибрация. Корпус по-прежнему грохотал и гудел, но в этом шуме все отчетливее проступали знакомые звуки работающего двигателя.

И седьмые и восьмые сутки люди оставались в гамаках. В себя приходили медленно. Головная боль

вытеснила способность воспринимать окружающее. От нее настолько оступели, что, открыв глаза, лежали ко всему безразличные и не узнавали друг друга.

Первым встрепенулся Вадим.

— Живы! — закричал он, преодолевая боль в голосовых связках. — Мы живы! Слышите?

На девятые сутки подземоход достаточно удалился от зоны гипоцентров. В кабинах наступила благодатная тишина. Тогда разом, точно сговорившись, уснули. Спали часов двенадцать или четырнадцать. Сон прогнал головную боль. Придя в себя, почувствовали голод.

Но выбраться из гамаков оказалось не так-то просто. Суставы распухли, особенно в локтях и коленях. Мускулы настолько ослабли, что не удавалось натянуть на себя одеяло или принять сидячее положение. Когда же Андрей, перевалившись через край гамака, прыгнул на пол, он не устоял и растянулся в нелепой позе, с недоумением поглядывая на своих товарищей. Те, примолкнув, в свою очередь растерянно наблюдали за механиком.

Это было и смешно и грустно. Шесть взрослых мужчин заново учились ходить. Кое-как добравшись до стола, они не смогли утолить голода: руки не держали ложку, усилия пальцев не хватало, чтобы открыть коробку с концентратами.

Только сутки спустя они с грехом пополам принимали пищу. А насытившись, стали с любопытством рассматривать друг друга.

— Однако... — сказал Дектярев. — С кем имею честь? Призраки вы или люди?

Он шутя дернул Биронта за отросшую рыжую бородку. Ученый не обиделся. Улыбка его была счастливой и всепрощающей.

Обросшие, похудевшие, они действительно не походили на себя.

— Что мы пережили! — вздохнул Скорюпин. — Будешь кому-нибудь рассказывать, так и не поверят.

— Петр Афанасьевич, — Вадим взглянул на водителя, — вы не будете возражать, если я остановлю подземоход?

Михеев развел руками.

Экипаж следом за командиром подземохода спустился в кабину управления. Вадим сел за пульт, посмотрел на приборы, но прежде чем нажать кнопку, спросил:

— А все-таки игра стоила свеч?

Дектярев сразу стал серьезным. Он ответил:

— Стоила, Вадим Сергеевич. Пусть твоя совесть будет чиста. Влетит нам крепко, это уж как пить дать. Я характер Аркадия Семеновича знаю. Крутой у него характер. Но мы тебя в обиду не дадим. Пусть уж всем голову снимают. Так, Валентин Макарович?

— О, я теперь такой богач! — Биронт потер руки.

Командир подземохода нажал кнопку. Двигатель смолк, прекратилось действие бура. Тишина стала идеальной.

Тогда Биронт щелкнул пальцами обеих рук и, к удивлению окружающих, сделал попытку выполнить какое-то замысловатое па. Но так как он никогда в своей жизни, даже в молодости, не знал, что значит танцевать, то и сейчас у него получилось нечто неопределенное и нелепое.

— Не забывайте, коллега, — напомнил ему Дектярев, — нам предстоит еще раз пройти сквозь гипоцентры.

И тем сразу охладил пыл атомиста.

Отдохнув и восстановив силы, люди обрели способность подтрунивать друг над другом. Дектярев и Биронт заспешили к своим рабочим местам.

Нервное напряжение спадало.

Четырнадцать часов подземоход оставался неподвижным — ровно столько времени, сколько потребовалось для проверки аппаратуры. И за эти четырнадцать часов Андрей успел передумать больше, чем за всю свою прошедшую жизнь. Он думал о себе, о том, как он жил и работал и как ему нужно бы жить и работать.

Трудно сказать, что послужило толчком к тому перелому, который так неожиданно назрел в душе Андрея. Да и был ли он неожиданным?

Смутное беспокойство росло. Стоило закрыть глаза, и воображение тотчас же переносило Андрея на стремительный космический корабль. Андрею хотелось простора, ощущения неизмеримости пространства.

Решение было сначала смутным, неопределенным. Постепенно оно становилось все более осмысленным. Переходя от аппарата к аппарату, Чураков мысленно уточнял свое дальнейшее поведение: после возвращения «ПВ-313» он кладет на стол главному конструктору заявление об уходе с завода. Прощай, подземная техника! Затем он напишет другое заявление — в космический отдел при Совете Министров. Работа ему найдется.

Жаль только расставаться с Вадимом. Столько лет прожили рядом и работали бок о бок! Одиннадцать раз ходили вместе на подземных кораблях в далекие путешествия. Воспоминания детства и юности неразрывно связаны с Вадимом. И если у Андрея что-то не так получилось, так виноват в этом сам Андрей.

Вот так. Учился, работал, дожил до двадцати девяти лет, и оказалось, забрел не на свою дорожку. Особенно ясным все стало после прохода сквозь гипоцентры. Пусть не подумают, что его испугали опасности. Если потребуется, он готов еще раз пройти на «ПВ-313» на любую глубину, хотя бы до центра земли.

— Программные устройства в отличном состоянии, — доложил Андрей Вадиму. — Будем ли проверять сигнальную систему?

— Я думаю, это лишнее, — сказал Вадим. — Теперь отдохнем, да и в обратный путь.

— А может быть, дальше?

Вадим задумался.

— Рано или поздно мы будем там с тобой, Андрей. Но сейчас для меня ясно одно: «ПВ-313» не подготовлен для такого дальнего рейса. Да и мы

к нему не подготовлены. Психологически по крайней мере.

«Сказать ли ему, что это мой последний подземный рейс? — колебался Чураков. — Нет, лучше потом, там, на поверхности. Мне не суждено сопровождать подземоход к центру земли, но я верю, что именно Вадим поведет его. Этого человека ничем не остановишь...»

Вадим лег в гамак и уснул. Но Андрею не спалось. Он чувствовал себя уже так, словно прощался с подземоходом, еще раз побывал в машинном отделении, посмотрел на молчаливые, но неутомимые ряды автоматов, погладил теплые поверхности синтезаторов. Потом спустился к себе в кабину, чтобы посидеть за пультом.

Скорюпин встретил его предупреждающим жестом, требуя молчания. Сам он давился от смеха и зажимал ладонью рот. На пульте был включен репродуктор внутренней связи. Густой ворчливый бас геолога действительно нельзя было слушать без улыбки. Репродуктор чертыхался, негодовал на воображаемого оппонента, на минуту умолкал, чтобы затем разразиться восторгом или потоком брани.

Механик поднялся в кабину ученых.

— А, Андрей! — приветствовал Дектярев его появление. — Посадить тебя негде, кресла для посетителей в кабинах не предусмотрены. Так что же, поворачиваем оглобли? А у нас с Валентином Макаровичем самый разгар работы. Смотри,— он кивнул на экран, — две с половиной тысячи градусов, а базальт синий. Каково сжатие! Спектр продолжает смещаться, хотя все соотношения летят к чертям. Сдвиг не соответствует температуре. Ну, что ты скажешь на это? Тут есть над чем поломать голову.

И минут пятнадцать без передышки геолог пространно излагал свои взгляды на взаимосвязь давления с физическим состоянием вещества, а Андрей все время ловил себя на том, что многое в рассуждениях Николая Николаевича прямо-таки фантастично. Механик подземного корабля, совершивший немало рейсов сквозь бесконечное разнообразие горных пород,

он считал себя достаточно осведомленным и в теоретической области.

Теперь, на фоне исследований Дектярева, этот запас знаний выглядел весьма ограниченным.

— Вот, к примеру, древний, но до сих пор не решенный вопрос, — гудел Николай Николаевич, — почему бывают землетрясения? Источник мы увидели, на себе прочувствовали. Однако над этим источником трехсоткилометровая броня. Как передаются скачки уплотнений в литосферу? Пока неизвестно. Или вот: земля дышит. Дважды в сутки все города, села, пустыни, леса, горы поднимаются и опускаются на добрых полметра. Но почему? Почему, я спрашиваю? Предположений множество. И если тебя спросить, ты, поди, без запинки отчеканишь: так, мол, и так, всякие там приливы магмы, вызванные притяжением луны. Че-пу-ха! Схоластика! Причина там, — Дектярев внушительно постучал ногой по полу, — в центральных областях. Оттуда все начинается. Кое о чем мы, конечно, догадываемся. Но требуются неопровержимые доказательства. Факты, черт побери! Ведь сумели же мы доказать, что материки — это глыбы гранита, плавающие в базальте. Не верилось сначала: как может твердое плавать в твердом? Проверили, свыклись, убедились.

— А удалось вам выяснить что-нибудь о прежнем расположении магнитных полюсов? — спросил Андрей.

— Ого! — Николай Николаевич вскочил, засунул совсем по-мальчишески руки в карманы комбинезона и встал перед механиком, широкий, неуклюжий и добродушный. — Смотрите-ка на него! — крикнул он Биронту. — В самую точку попал.

Атомист, уже привыкший к непрерывным разглагольствованиям своего напарника, поспешил согласно покивать головой, не поднимая ее над журналом.

— Видишь ли, — одной рукой геолог обхватил Андрея за плечи, а другую поставил кулаком на пульт, — видишь ли, Андрей, это один из самых каверзных вопросов в геологии нашей планеты. Единственное, что нам удалось установить, это то, что на месте Юж-

ного полюса когда-то был Северный, а на месте Северного — Южный. Короче говоря, земля вращалась в обратную сторону. И по сей день продолжается совместное путешествие географических и магнитных полюсов. Чем это вызывается? Ответ опять-таки спрятан там, — геолог постучал ногой по полу.

Николай Николаевич отпустил плечо Андрея и возвратился в кресло. Прикрыв один глаз, другим он посмотрел поверх головы Андрея куда-то в пространство.

— Вот если бы нам удалось проникнуть на глубину двух тысяч километров, — произнес он мечтательно, — может быть, многое стало бы достоверным. Пока это невозможно. Тем не менее я питаю надежду дожить до такого времени, когда меня пригласят принять участие в рейсе к центру земли. И мы с Валентином Макаровичем не откажемся. Как, Валентин Макарович, не откажемся?

Биронт положил электропери на журнал и принялся пощипывать подбородок. Вопрос Николая Николаевича ему явно понравился. Шум заработавшего двигателя не дал ему ответить.

— Все, — вздохнул геолог. — Возвращаемся. И уже не хочется.

— Да, знаете, не хочется, — согласился Биронт.

— Бегу к пульта, — сказал Андрей.

Машина пришла в движение. Вместе с нею ожили нити приборов, замигали сигнальные лампы. Кораблю предстояло описать широкую дугу радиусом в восемь километров, прежде чем снова пойти по вертикали, но уже в обратном направлении.

Андрей включил вторичную сигнальную систему, которая ведала подачей звуковых сигналов и контролировала показания приборов. Рассеянный взгляд его остановился на экране, потом на Скорюпине. Связист насвистывал и в такт свисту покачивал головой.

«Наверх! К солнечному свету! — пронеслось в го-

лове Андрея. — Там Лена... Прощай и ты, Лена. Мое будущее теперь — космос».

— Что показывает твой курсозадатчик? — привел его в себя голос Вадима.

Только теперь механик заметил неладное в показаниях одного из приборов, на который смотрел, но которого не видел. В квадратном окошечке ползла широкая белая лента с мелко расчерченной красной сеткой. Два электрических пера оставляли на ней яркие светящиеся следы. Одно перо чертило желтую линию — заданный подземоходу курс. Второе — красную линию: действительную траекторию движения. Обычно обе линии шли рядом, плотно прижавшись одна к другой. Автоматы в точности выдерживали заданное водителем направление.

Но сейчас линии непрерывно удалялись друг от друга. Желтая, искривляясь, уходила в сторону, в то время как красная оставалась прямой. Под окошечком прибора тревожно и призывно мигала красная лампочка.

— Машина уклоняется от заданного курса, — сказал Андрей.

— В чем дело?

Взгляд механика побежал от прибора к прибору. На пульте перемигивались целые созвездия разноцветных лампочек, непрерывно жужжал зуммер курсозадатчика. Наметанный глаз механика сразу расшифровал симфонию звуковых и световых сигналов: гиродователь в точности выполняет заданную программу управления, но встречает необъяснимое противодействие подземохода. Машина упрямо продолжает идти по вертикали.

— Мощность двигателя в норме, — скорее для себя, чем для Вадима, проговорил Чураков, — боковые дюзы работают с полной нагрузкой, никаких нарушений в системе автоматики нет.

Андрей начал мысленный экскурс по всем узлам двигателя, по всей схеме автоматики. То же самое делал в это время и Вадим. Тот и другой в совершенстве знали конструкцию «ПВ-313». И оба оказались в затруднении.

— Стоп! — скомандовал Вадим.

Михеев выключил бур и двигатель. Командир подземохода, водитель и механик всматривались в приборы. А приборы успокаивали, говорили: «Все в порядке. Не суетитесь напрасно. Верьте нам».

— Старт!

Подземоход сделал новую попытку развернуться. Боковые дюзы, выполняя роль газовых рулей, стремились занести его хвостовую часть в сторону, как поворот руля заносит корму морского судна.

Вадим сам выключил центральную осевую дюзу, оставив только боковые. Но даже при одном только косом направлении выхлопной струи подземоход продолжал двигаться прямолинейно вниз. Газовые рули не выполняли своего назначения.

— Стоп!

Наступила почти мертвая тишина. Доносился лишь едва уловимый свист полеобразующей установки.

— Ничего не понимаю... — Вадим снова включил двигатель. — Если бы не хватало усилия для передвижения в этой уплотненной среде, — начал он рассуждать вслух, — мы не смогли бы двигаться вообще. Однако скорость поступательного движения не уменьшилась.

— Не стряслось ли что-нибудь с самими дюзами? — подсказал Михеев.

— Что думаешь на этот счет ты, Андрей?

— Еще не бывало у нас, чтобы дюзы отказывали. Но больше подумать не на что. Может быть, на них как-то поле воздействует?

— Чепуха!

Вадим совершенно отчетливо представляет себе боковые дюзы-трубы с расширяющимися и одновременно загибающимися выходами. Своими формами они напоминают раковину улитки. Сурков утверждал их конструкцию, присутствовал при изготовлении и при испытании на механическую прочность. Какой же дефект может возникнуть в дюзах? Прогар? Искажение профиля? Закупорка сужений? Наивные предположения.

— Попробуем еще раз.

Опять заработали бур и двигатель. Включили боковые дюзы. Подземоход задрожал от напряжения, оно передалось людям. Андрей не обратил даже внимания на спор, внезапно возникший между геологом и атомистом. В репродукторе их возбужденные голоса звучали одновременно.

Прошел час. Потом другой... Третий... Глубина возросла еще на пять с половиной километров. Самые элементарные расчеты показывали, что движение остается вертикальным. Не хотелось верить этому, и нельзя было не верить.

В сердце Вадима зашевелилась тревога. Он подумал: «Ну, а что, если дюзы окажутся в порядке?»

— Хорошо, — согласился он, — проверим дюзы.

Пятичасовое ожидание, пока охладится двигатель и ослабнет радиоактивность материала, истомило и командира подземохода, и механика, и водителя. Все трое не находили себе места. Они поднялись в кабину отдыха и там, сидя за столом, прикидывали, какой из автоматов может выкинуть шутку, не предусмотренную ни практикой, ни теорией. Но какой бы фантастический вариант ни приходил им в голову, Вадим тут же опровергал его. И доказательства Вадима были настолько ясными, что не вызывали возражений.

20

Вадим, Андрей и Михеев поднялись в складской отсек. Там они надели костюмы из мягкой зеленоватой материи, достаточно плотной, чтобы защитить от остаточной радиации двигателя. Круглый капюшон с очками прикрывал голову и лицо.

Теперь следовало открыть люк в потолке отсека. Тесный колодец высотой около двенадцати метров вел к выхлопному коллектору, двигателю, к дюзам. Сверху колодец прикрывался еще одним люком.

— Корпус в области дюз не имеет лучевой защиты, — напомнил Андрей.

Вадим пожал плечами.

— Какая в ней сейчас необходимость? — сказал он. — Залежи радиоактивных пород остались высоко над нами. Что касается внутреннего излучения, то вы сами видели показания дозиметров.

— Не посоветоваться ли нам с Валентином Макаровичем? — предложил Михеев.

— Нужно снова раздеваться, — Андрей посмотрел вниз.

— И что, собственно, нам может грозить? — сказал Вадим.

— Похоже ничто, — согласился Петр Афанасьевич.

Андрей стоял самым верхним, касаясь головой люка. Рукой он нащупал кнопку на стене колодца. Нужно было нажать ее, и люк распахнется.

— Можно начинать?

— Пошли, — сказал Вадим. — Потеснитесь, Петр Афанасьевич.

Михеев стоял между Андреем и Вадимом. Вместо ответа он схватил механика за руку и отвел ее в сторону.

— Пусти-ка меня, Андрюша.

— В чем дело, Петр Афанасьевич? — удивился Вадим. — Вы начинаете вмешиваться не в свои дела.

— Тут наши общие дела. Я наравне с командиром отвечаю за состояние машины. И еще, молодые люди, не худо бы вспомнить, что я не четыре, а двадцать восемь лет совершаю подземные рейсы. Зачем рисковать собой всему экипажу?

— Рисковать? Чем?

— Этого я не знаю. Стряслось же что-то с дюзами.

Разговаривая, водитель протискивался мимо Чуракова, оттесняя того от люка.

Верхний люк раскрылся. На людей пахнуло горячим воздухом. Двигатель и дюзы не успели еще полностью охладиться.

Михеев решительно протиснулся сквозь круглое отверстие и довольно бесцеремонно захлопнул крышку перед самым носом командира подземохода.

— Ничего не понимаю, — удивился Вадим, оставшись наедине с Андреем. — Петр Афанасьевич ведет себя так, будто мы его подчиненные, а не наоборот.

Прошло пятнадцать-двадцать минут очень неприятного ожидания. Стоять на скобах вдвоем было неудобно и тесно. В плотном костюме потели грудь, спина, ноги. Вадим порывался перешагнуть отверстие люка, но в ушах его продолжали звучать странные слова, сказанные Михеевым: «Зачем рисковать собой всему экипажу?» Хотел того Петр Афанасьевич или не хотел, но его поступок насторожил командира подземохода.

Андрей в это время стал копать в замке люка. Что ему там не понравилось — неизвестно, но он будто забыл, зачем здесь находится, и с головой ушел в свое никому не нужное сейчас занятие. Согнувшись в неудобной позе, Андрей шелкал электромагнитным фиксатором, прислушивался к звукам его работы, пытался заглянуть в контрольный глазок.

— Оставь замок в покое! — не выдержал Сурков. — Или тебе поиграть захотелось?

— Да нет, показалось, что фиксатор запаздывает на включение.

Наконец появился Петр Афанасьевич. Закрыв за собой люк, он сдернул с головы капюшон. Пот струился по его щекам, волосы перепутались и слиплись.

— Дюзы в порядке, — глухо и коротко произнес он.

Вадим сильнее сжал руками скобу, за которую держался, плотнее прижался к горячей стене колодца. Лучше бы Михеев обнаружил неисправность, пусть очень сложную, серьезную, но тогда бы все было понятным. Теперь же неопределенность навалилась на людей призраком надвигающейся беды.

— Я осмотрел не только дюзы, — отдышавшись, заговорил Михеев, — но и всю выхлопную систему. Нет даже намека на неисправность. Ее нужно искать где-то в другом месте.

— В конструкции «ПВ-313» ее искать негде, — отрезал Вадим.

Трое мужчин молча смотрели друг на друга.

Как ни были увлечены Дектярев и Биронт исследованиями, они все-таки обратили внимание на частые остановки подземохода.

— У нас что-то происходит, — первым забеспокоился Валентин Макарович. — Вы слышите? Михеев и Сурков поднялись наверх. Куда, как вы думаете?

— Спать, — буркнул Дектярев.

А спустя минут сорок на пульте заговорил репродуктор внутренней связи.

— Николай Николаевич, — голос принадлежал Вадиму, — и Валентин Макарович, поднимитесь, пожалуйста, в кабину отдыха.

— Я уверен, что случилось что-то неладное, — судорожно вздохнул Биронт. — Ужасно...

В кабине отдыха светил мягкий «солнечный» свет. Шесть человек сидели в глубоких креслах за круглым столом. Кабина походила на салон пассажирского самолета. Она оставалась мирным, тихим и привычным уголком того мира, в котором выросли сидевшие за столом люди.

— В качестве единственного аргумента я могу со своей стороны выставить только высокую плотность базальтовых пород, — сказал Дектярев, после того как выслушал Вадима.

— Нет, не то, — отверг Вадим предположение геолога. — В астеносфере, как и в жидкости, справедлив закон Паскаля. На корпус подземохода со всех сторон действует равное удельное давление.

— Да, разумеется.

— Но с прежней скоростью мы имеем возможность двигаться только по вертикали. Двигаться в ином направлении машина отказывается. Валентин Макарович, ваше мнение?

— Весьма любопытно, — атомист потер ладонь о ладонь и посмотрел на потолок. — Я должен подумать. Может быть, это как раз и по моей части. Очень, очень любопытно.

— Как бы это не стало для нас печальным, —

криво усмехнулся Вадим. — Учтите, подземоход не имеет заднего хода. До сих пор в нем не было нужды. И пока мы ничего не придумаем, нам придется торчать здесь, на глубине пятисот километров.

— То есть как это торчать? — опешил Биронт. До его сознания только сейчас дошла вся серьезность создавшегося положения.

— Вадим Сергеевич, — предложил Михеев, — давайте попробуем еще раз развернуть подземоход. Временем мы не ограничены. И возможно, разворот получится по более пологой дуге, допустим не в восемь, а в сто километров. Раз уж такое дело.

— Пока ничего другого нам не остается, — согласился Сурков. — Искривление траектории, безусловно, должно существовать. Пусть в конце концов оно будет практически мало — неважно. Запасом энергии мы не ограничены и рано или поздно выберемся на поверхность. Но причина — понимаете, причина! — должны же мы ее понять.

— Поймем, Вадим Сергеевич, — заверил его Дектярев. — На то мы и в школе учились.

Еще несколько суток неизвестности! За ними скрывается надежда на благополучное возвращение, а может быть, новые неодолимые преграды.

«ПВ-313» проходил километр за километром, продолжая удаляться от поверхности.

В кабинах тишина. Резко снизилась вибрация подземохода даже от работы двигателя бура. Видимо, сказывалось воздействие окружающей среды, ее непрерывно возрастающая плотность. Не так давно экипаж узнал истинную цену этой тишине, а сейчас она угнетала людей, удлиняла время, превращая минуты в часы, а часы в бесконечность.

Утро, день, вечер, ночь сливались в однообразном сиянии «дневного света». Время тянулось монотонно. Вадим на память перечерчивал схему автоматики и, переходя от узла к узлу, все пытался найти ответ на загадочное поведение «ПВ-313». Однако он все время ловил себя на том, что к чему-то прислушивается, что тревога давит на грудь и, как он ни старается увлечь себя работой, нет привычной ясности мыслей. Да, это

для него, конструктора и исследователя, самое страшное — путаница в мыслях.

Нечто похожее на это состояние испытывал и Валентин Макарович. Он продолжал исследовать свое излучение с жадностью истинного ученого-экспериментатора, но стал легко раздражаться по каждому пустяку. У него пропал аппетит и появилась бессонница. Вопросы Дектярева оставались без ответа. Он часто и неожиданно вскакивал, покидал кабину, чтобы через несколько минут появиться вновь.

Наверх, в кабину отдыха, часто подымался Михеев. Водитель жаловался на головные боли, внезапные и очень сильные, чего с ним раньше никогда не случалось. Биронт сочувствовал ему. «Даже этот мужественный человек начинает сдавать, — невесело думал Валентин Макарович. — Что же с нами будет?»

22

Прошло еще двое суток. Красная линия на широкой полимерной ленте курсозадатчика оставалась идеально прямой. «ПВ-313» продолжал двигаться строго в направлении к центру земли. Искривление траектории если и существовало, то настолько ничтожное, что пока его не могли уловить даже чувствительные, как нерв человека, приборы «ПВ-313».

«Думай! Думай! — приказывал себе Вадим, и оттого, что принуждал себя думать, мысли его разлетались, как стая вспугнутых птиц. — Что же это я? — он растерянно присматривался к самому себе. — Откуда во мне эта слабость? Чего я боюсь? Гибели? Нет!»

Он поднял глаза на Петра Афанасьевича, чтобы найти у него поддержку. Вадим вдруг слепо уверовал в опыт водителя, в его многолетнюю закалку. Ведь случалось же, что люди делали открытия в совершенно чуждых для них областях науки и лишь потому, что не бывали скованы установившимися понятиями, догмами. Не блеснет ли в голове Петра Афанасьевича спасительная идея?

Михеев морщился от головной боли. Он расстегнул комбинезон, ему не хватало воздуха. Страдающий вид Петра Афанасьевича заставил Вадима совсем упасть духом.

— Вам что, нездоровится? — спросил Вадим.

— Пустяки... Что-то стряслось с головой. Первый раз в жизни. У меня никогда не бывало головокружений, а сейчас я все время падаю куда-то, лечу в бездну... Старость подходит.

Михеев силился улыбнуться и никак не мог сделать этого. Подошло время обеда. Водитель встал, чтобы пойти следом за Вадимом и беспомощно упал обратно в кресло. Лицо его сразу покрылось испариной, глаза расширились.

Вадим застыл посреди кабины.

— Петр Афанасьевич, что с вами?

— Если не трудно... воды...

Так быстро Вадим еще никогда не взбегал по лестнице. Возвратился он в сопровождении геолога и механика. Михеев пил воду жадно, шумными глотками.

— Да ты, никак, раскис, Афанасьевич? — удивился Дектярев.

— Пустяки... — Михеев закрыл глаза. — Пройдет.

И тут только Вадим обратил внимание, что на щеках водителя проступили мучнисто-белые пятна. Должно быть, их заметили и Андрей с Николаем Николаевичем, потому что притихли и тоже пристально всматривались в лицо Михеева.

— Станция на приеме! — закричал сверху Скорюпин.

— Давай! — Вадим засуетился у пульта.

«...Внимание на «ПВ-313»! — заговорил рупор. — Немедленно возвращайтесь на поверхность. Главный конструктор отстраняет Суркова от командования подземоходом и возлагает все руководство экспедицией на водителя Михеева. Несмотря на всю ценность ваших наблюдений...»

В рупоре треск, звон колоколов, оглушительный хохот. Затем внезапная тишина и молчание.

— К дюзам... не под...ходи...те... — неожиданно громко и отчетливо произнес Петр Афанасьевич. — Там... смерть. Кругом подземохода... смерть.

— С ним плохо! — закричал Андрей.

Потерявшего сознание водителя уложили тут же на полу. Появились перепуганные Биронт и Скорюпин.

— Если бы это случилось у нас, там, наверху, — пробормотал Биронт, — я бы подумал, что Петр Афанасьевич оказался в непосредственной близости от включенного синхрофазотрона. При мне такого не случалось, но я слышал. Мне рассказывали. Симптомы...

— Лучевой удар? — подсказал Дектярев.

— Именно.

— Он упоминал дюзы, — Дектярев взглянул на Вадима. — Что бы это значило? Не мог же Петр Афанасьевич вскрывать полости работающего двигателя. Или буре. Такую оплошность и новичок не допустит.

— Петр Афанасьевич осматривал дюзы, — пояснил Чураков. — Но двигатель был выключен.

— Дозиметры показывали всего сорок рентген, — сказал Вадим. — К тому же на Петре Афанасьевиче был надет защитный костюм. Мне не раз самому приходилось осматривать двигатель при радиации в двести рентген. Костюм рассчитан на тысячу пятсот.

— Дюзы, говорите вы, — не сводя пристальных глаз с безжизненного тела Михеева и невольно прислушиваясь к разговору, проговорил Биронт. — Насколько я себе представляю, они расположены там, — он вытянул палец в сторону потолка кабины, — на самом верху.

— Да, это выхлопной коллектор двигателя.

— Благодарю за разъяснения, — в голосе атомиста послышалось раздражение. — И насколько мне известно, корпус в области этого самого выхлопного коллектора не имеет защиты от внешнего излучения.

— Петр Афанасьевич выходил в защитном костюме, — как можно терпеливее пояснил Вадим. — Ра-

диоактивные слои остались высоко над нами. Дозиметры внешнего излучения...

— И что вы мне твердите о дозиметрах, — закричал и замахал руками Валентин Макарович, — все дозиметры здесь, кроме моих, настроены на определенный диапазон частот. Они хороши там, в литосфере, среди обычного радиоактивного распада. А мы, разрешите вам напомнить, с некоторого времени находимся в астеносфере.

— Значит, Петр Афанасьевич действительно получил лучевой удар... — сказал Дектярев. — Андрюша, попрошу тебя: коробку ЛЗ. И шприц захвати.

— Пойдите, пойдите... — атомист замер с растопыренными руками, бессознательно наблюдая за Чураковым и Дектяревым, хлопотавшими над Михеевым. — Как мне это сразу не пришло в голову... Вадим Сергеевич, покажите мне приборы, которые контролируют магнитоплазменное поле.

Вадим непонимающе глядел на Биронта.

— Мне нужна полная характеристика поля, — Биронт боком, мимо распростертого на полу Михеева, пододвинулся к пульту.

Вадим молча указал на приборы.

— Эти и эти? Ага, уже вижу. Понимаю. Сейчас сопоставим. И если я не ошибаюсь... это будет ужасно.

Почти бегом ученый направился вон из кабины. Вадим посмотрел ему вслед. Чисто инстинктивно почувствовал он, что именно из уст этого человека услышит смертный приговор подземоходу.

Вскоре из репродуктора послышалось:

— Вадим Сергеевич, прошу вас, поднимитесь ко мне.

Биронт сидел в кресле, вид у него был пришибленный, глаза растерянно бегали по сторонам, руки не находили себе покоя.

— Что случилось, Валентин Макарович?

— Я увлекся и забыл об опасности. Но я никак не ожидал, — Биронт вскочил, заговорил уже громко. — Я не ожидал, что оно обладает направленностью.

— Что?

— Извините... Я совсем потерял голову, — ато-

мист потер лоб ладонью. — Вот взгляните на приборы. Видите? Это вектор открытого мною излучения. Излучение взаимодействует с магнитоплазменным полем подземохода. Механизм взаимодействия мне еще неясен, но факт налицо. И вот что у нас получается: с одной стороны — магнитоплазменное поле огромной мощности, с необыкновенной плотностью силовых линий, а с другой — еще более мощное излучение. Излучение имеет направленность, то есть лучи его строго прямолинейны, подобно лучам света, и исходят из центра земли. Не знаю, какое привести сравнение... Ну, скажем, наш подземоход уподобился стальному стержню, опущенному в соленоид. Нам не удастся сойти с вертикали, для этого потребовалась бы тысячекратная мощность двигателя. Вы поняли меня?

— Да, — выдавил из себя Вадим, — кажется, понял.

Валентин Макарович снова опустился в кресло, уронил голову.

Подземоход очутился в плену. Сравнение с сердечником соленоида было не совсем точным. Подземоход скорее оказался в положении морского судна, которое угодило в узкий пролив и имеет только три возможности: двигаться вперед, назад или стоять на месте. Берега вплотную подступают к бортам судна, и разворот исключен. Однако и в этом сравнении «ПВ-313» проигрывал — он не имел заднего хода.

— Что же вы посоветуете? — спросил Вадим.

— Разворот получится только при одном условии: если мы выключим защитное поле.

— Это же невозможно!

— Увы, да, — Биронт принялся терзать свой подбородок. — А больше мне ничего не приходит в голову.

Вадим уже не слушал Валентина Макаровича. Обстановка окончательно прояснилась, и злое бессилие овладело командиром подземохода. Поторопился... Что же теперь делать?

Вадим молчал. Сказать ему было нечего.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В МИРЕ ОГНЯ И ХОЛОДА

1

Михеев скончался, не приходя в себя.

Труп завернули в простыни. Оставлять его в кабине было невозможно. Посоветовавшись, решили предать его своеобразной кремации. Андрей открыл выход в полость бура. Тело водителя положили во всасывающую трубу и на минуту включили двигатель...

Смерть товарища, затруднительное положение, в котором оказался подземный корабль, — все это сблизило людей. Они собрались в кабине механика. Скорюпин включил передатчик, Вадим сел к микрофону.

«Дорогие друзья! — заговорил он. — У нас случилось большое несчастье: погиб Петр Афанасьевич Михеев. Вот как это произошло...»

Рассказав о самопожертвовании водителя, Вадим умолк. Ему пришлось стиснуть зубы, чтобы остановить нервный тик на щеках.

«Кроме того, мы не имеем возможности возвратиться на поверхность. Излучение сильнее подземохода, оно не дает нам развернуться, — голос Вадима окреп, он выпрямился. — Едва ли вы сможете прийти к нам на помощь. Мы будем рассчитывать прежде всего на себя и не опустим руки, пока не вырвемся на поверхность. Мы будем продолжать борьбу...»

— Правильно, Вадим Сергеевич, — негромко подхватил Дектярев. — Вот замечательное слово — борьба.

Подземоход неподвижен. Двигатель выключен, бур бездействует. В кабинах безмолвие. Над головой — пятьсот девяносто два километра плотной, раскаленной брони. Под ногами — бездна пылающего и еще более сжатого вещества. Базальт цепко держит в своих тисках такую сильную прежде, а теперь такую беспомощную машину.

В центре каждого пульта светится темно-синий глаз экрана. Он похож на самоцвет невиданной величины, заключенный в ожерелье из белых светящихся прямоугольников с разноцветными нитями.

За пультами нет никого. Скорюпин и Чураков забрались в гамаки. Дектярев, Сурков и Биронт устроились в креслах за столом.

Найловойлок на полу, на стенах, на потолке чист и мягок. Но как ни ярко светит лампа, кажется, сумерки выползают из углов кабины, и тишина, плотная, тягостная, становится физически ощутимой, давит на уши.

— Напрасно вы берете всю вину на себя, Вадим Сергеевич, — продолжая начатый разговор, сказал Дектярев. — Если уж по совести, то прежде всего следовало бы надрать уши вашему покорному слуге. Я-то пожил на свете и воробей стреляный. Это мне бы сказать свое «Нет!», и гуляли бы мы сейчас с вами под солнышком. Не устоял... Сколько лет мечтал заглянуть в астеносферу... Вы что, думаете, обхитрили тогда меня? — геолог вздохнул. — Не-е-ет, Вадим Сергеевич. Кто Дектярева обманет, тот в сей же час умрет. Так-то!

— Ну что вы тут покаяние устроили! — закричал Биронт. — Кого собираетесь обмануть? Вот, — он с остервенением постучал себя пальцем по лбу, — вот где началась беда с кораблем.

Андрей и Павел притихли, слушая удивительный спор. «Кто, в самом деле, виноват?» — подумал Андрей и не смог ответить. Конечно, началось все с Вадима, но ведь он поступил так не во имя каких-то личных интересов, а из желания сделать «ПВ-313» еще совершеннее. И потом ведь его действительно поддержали.

Наступило молчание.

— Если подсчитать путь, который мне довелось проделать вместе с Афанасьевичем под землей, — снова заговорил Дектярев, — получится солидное расстояние. Его наверняка хватит, чтобы добраться до центра земли. Ей-ей, хватит!

Дектярев вздохнул, посмотрел на свои большие, беспомощно сложенные на коленях руки.

— Это был человек дела, — продолжал Николай Николаевич. — Сядет, бывало, за управление и сидит сутками, словно приклеенный. На первых подземных лодках автоматика была не та, что на нашем «ПВ-313». Случалось, и пошаливала. Так Афанасьевич при необходимости мог вести машину без приборов, полагаясь исключительно на свое чутье. Представляете? — чутье под землей, когда перед глазами нет ориентиров и не знаешь толком, где верх, где низ. Только один раз оно изменило ему. Отказал курсозадатчик. По расчетам мы шли на глубине двух с половиной километров. Но Афанасьевичу показалось, что мы продолжаем погружаться, и он стал подтягивать машину кверху. Неожиданно наша лодка выползла на край обрыва. Под нами оказалось метров семьдесят отвесной скалы. Почему мы сразу не свалились, осталось загадкой. Но если бы такое случилось... мда-а... некому было бы рассказывать вам об этой истории.

— А с нами один раз была вот такая история... — подхватил Скорюпин.

— Подожди, Паша, я еще не кончил... Дело в том,

что ходовая часть машины высунулась наружу, а хвостовая осталась в грунте. Задний ход дать нельзя, выйти наружу тоже невозможно. Позднее выяснилось: Михеев спешил на собственную свадьбу. Потому его чутье и притупилось. Тут уж, конечно, все ориентиры в голове перепутаются. Посмотрели бы вы тогда на нашего Михеева, в какую ярость он пришел.

Николай Николаевич вспоминал другие случаи из своих подземных путешествий, уже без участия Михеева. Его перебивали, каждый торопился рассказать свое. Только один Андрей молчал, слушая с вежливым вниманием.

— Все это хорошо, — заметил он, когда наступила пауза, — но вот как мы отсюда выберемся?

— Ты плохо слушал меня, — огорчился Дектярев. — Целый час я растолковывал тебе преимущество здравого смысла. Помню, в детстве кто-то из товарищей доказал мне, что дважды два равно пяти. Знаешь такое? Я был потрясен и сразу потерял веру в непогрешимость математических аксиом. Года полтора, наверное, носил я в себе это презрение к матери наук, пока сам — самостоятельно! — не нашел разгадку. Поверишь ли, ни до, ни после я в своей жизни такой радости уже не испытывал. И когда мы с Михеевым выползли на край обрыва, положение наше казалось безнадежным. Нам представлялась возможность либо свалиться вместе с машиной и, значит, сразу отдать богу душу, либо сидеть и ждать помощи.

— Вы, конечно, ждали помощи?

— У нас не работал передатчик. Лодка была потеряна наземными станциями. Нет, мы действовали, искали выхода. И когда нашли его, сами поразились его простоте.

— Ну, какой же?

— Вот тебе и ну! Попробуй сам сообразить. Ты механик.

Время шло. Возможно, наверху уже приняли тревожные сообщения с «ПВ-313», но можно ли надеяться на помощь оттуда?

«Допустим, — рассуждал Вадим, — совершится

чудо, и Ремизовский разработает такое поле, которое не будет подвержено взаимодействию с этим дьявольским излучением. Пусть при самых сумасшедших темпах завод построит новый подземоход за восемь, ну, за шесть месяцев. Пусть эта новая машина совершит другое чудо: разыщет «ПВ-313». А дальше? Разве удастся вытащить застрявшую в недрах металлическую громадину? Это не то что взять на буксир электроход на реке или автомашину на дороге. Буксировка подземохода подземоходом технически невыполнима. Хуже того — людям даже нельзя будет покинуть «ПВ-313» и перейти в другую машину».

Да, все чудеса исключаются. Поиски нейтрального поля отнимут долгие годы. Иссякнет запас энергии на «ПВ-313», а задолго до этого экипаж погибнет от холода. Чудеса возможны только в рассказах Дектярева. Но скорее всего он их сам и придумал. Выход нужно искать здесь, в самом корабле.

Однако, какие бы варианты ни придумывал Вадим, даже самые фантастические, выхода из создавшегося положения он не видел.

2

Электронный хронометр отсчитывал часы, складывал их в сутки. Тайком друг от друга обитатели «ПВ-313» поглядывали на шкалу прибора, где с неумолимой последовательностью менялись цифры, обозначающие секунды, минуты, часы, сутки...

Кабина вдруг стала тесной и неуютной. Стены словно ближе придвинулись друг к другу. Легким не хватало воздуха, хотя его в изобилии подавали синтезаторы.

А где-то высоко, невероятно высоко, над подземоходом по-прежнему светило солнце и жизнь шла своим чередом. Там остались семья, родные, друзья. Там осталось счастье. Здесь же за спиной уже притаилась смерть, правда не скорая, но страшная в своей неотразимости.

Что оставалось делать? Проснувшись, они часами

предавались воспоминаниям, но разговор получался вялым, поддерживать его было трудно, потому что все темы казались неинтересными. Все, кроме одной: как выбраться наверх?

— Это напоминает мне дом отдыха, — невесело шутил Андрей. — Можно сколько угодно спать, есть, ничего не делать. Когда нас извлекут отсюда, мы прибудем в весе.

— Вот это мне уж никак не желательно, Андрюша, — заворочался в гамаке Дектярев. — Да, кстати, какой у нас запас провизии?

Чтобы перетряхнуть склад с концентратами, потребовались почти сутки (на поверхности управились бы за несколько часов). В ревизии приняли участие все пять человек. Подсчитывали, спорили из-за пустяковых расхождений, перекладывали коробки с места на место и вносили путаницу, которой втайне радовались, ибо работа затягивалась, отвлекала от неизбежных размышлений о судьбе корабля, людей.

Наконец получили результат: при нормальном питании запасов хватит месяцев на семь, а если экономить, так и на все десять.

Десять месяцев жизни... Кого это могло успокоить? Мечты, планы на будущее — все это сразу теряло смысл. В груди разливалось гнетущее ощущение пустоты. Мучило сознание, что там, наверху, твои родные, твои товарищи и миллионы незнакомых тебе простых людей страдают, приходят в отчаяние от невозможности оказать помощь.

Минули шестнадцатые сутки, семнадцатые...

Скорюпину не удавалось поймать ни одной наземной станции. Случалось, что в симфонию звуков подземного мира вплетались людские голоса, но то были отраженные где-то волны, беспорядочные обрывки импульсов.

На восемнадцатые сутки Дектярев не выдержал.

— Довольно заниматься демагогией, — сказал он. — Разговоры делу не помогут.

— Вы что-то хотите предложить? — заинтересовался Биронт.

— Да, хочу.

— Ну-с?

— Работать.

— Работать? А какой в этом смысл?

— Не знаю. Но я не могу, коллега, ничего не делать. Не могу! Хватит с меня. Мы погибнем, так подземоход останется целым. Наши исследования, наши записи сохраняются.

— Вы ошибаетесь, — Биронт поморщился. — Подземоход тоже погибнет. После того как иссякнет энергия, прекратится действие защитного поля...

— С вашей дурацкой логикой... — буркнул Дектярев и вдруг поймал на себе сосредоточенный взгляд Паши Скорюпина. В этом взгляде было ожидание, надежда услышать нечто спасительное. — Нет, друзья, так невозможно. — Николай Николаевич легко, по-юношески, соскочил на пол. — Мы живы, здоровы, значит должны работать. Это хуже всего — лежать и ждать прихода костлявой. Все-таки мы здесь не сами по себе. Нас послали, нам доверили большое дело, за нашей работой наблюдают. Тем более связь позволяет нам посылать сообщения, нас слышат.

Николай Николаевич направился к люку. Мурлыча под нос какой-то весьма неопределенный мотив, он исчез в нижней кабине.

Уже сидя в кресле, геолог прислушался. Нет, никто не последовал его примеру. Да и ему самому не удавалось сосредоточиться. Вопрос Биронта: «Работать? А какой в этом смысл?» — занозой сидел в голове.

«Какая чепуха! — Николай Николаевич встряхнулся, пытаясь избавиться от сомнений. — Впереди десять месяцев. Для ученого — целая вечность. Работать! Работать!»

3

Андрей смотрел на опустевший гамак Дектярева, а сам прислушивался к звукам в соседнем гамаке. Там лежал Вадим, человек, который ненавидел бездействие.

Ожидание не обмануло механика. Зашумело отброшенное одеяло, и с криком, от которого радостно вздрогнуло сердце Андрея: «Встать, лежебоки! Протереть глаза!» — Вадим выпрыгнул из гамака.

Андрей выждал, когда Вадим, мелко стуча ботинками по скобам, исчез внизу. Не торопясь, совсем как дома, Андрей побрился, умылся, причесался. Подумав, сменил рубашку. Сел к столу и с аппетитом опорожнил коробку сочного мясного паштета...

Прежде всего он отправился в свою кабину.

Безжизненно лежали разноцветные нити приборов. Безмолвствовали счетно-решающие устройства. Мертвыми зрачками глядели погасшие сигнальные лампы. Сильная и сложная машина казалась обреченной на бездействие. Механик почувствовал себя так, будто его самого связали веревками по рукам, по ногам и бросили в угол кабины.

Андрей спустился к Дектяреву. Геолог ободряюще кивнул ему головой, улыбнулся одними глазами. Вздохнув облегченно, механик заторопился к Вадиму.

Вадим, низко согнувшись, съжившись, уронил голову на пульт и закрыл ее руками, словно в ожидании удара. В кабине было тихо. Приборы бездействовали, установки молчали, журнал для записей оставался закрытым. Во всей позе Вадима было отчаяние.

Андрей застыл на лесенке.

— Вадим! — позвал он.

Вадим медленно поднял голову, посмотрел на механика мутными глазами.

— Что с тобой, Вадим?

— Я не могу... — пробормотал командир подземохода. И вдруг обоими кулаками грохнул по пульту. — Понимаешь, ничего не могу с собой поделать... заставить себя работать, думать, искать.

Андрей спустился с лестницы, подошел ближе.

— Вадим, а Лена? — шепнул он.

— Лена... Мне сейчас разве до нее? Я погубил подземоход. Если бы кто-нибудь знал, как я себя презираю, как... как я себя ненавижу!..

Ни жалеть, ни сочувствовать вслух механик не умел. Он переступал с ноги на ногу и не знал, что сказать. К тому же он угадывал, какие сложные, противоречивые чувства и мысли одолевают товарища. А в таких делах он не советчик, нет, как хотите, не советчик.

— Может, я помогу тебе, — Андрей кивнул на пульт. — Ты же еще не закончил расчет нового профиля.

— Спасибо. Не нужно. — Лицо Вадима постепенно прояснилось, он глубоко вздохнул и пригладил волосы. — И вообще не обращай на меня внимания. Уже отлегло. Буду работать.

Он придвинулся к пульта, повернул переключатели. Ожили приборы, перемигнулись лампы, мягким звоном зуммера счетно-решающая установка известила о своей готовности.

Чураков еще немного постоял за спиной Вадима. Брови его сумрачно сдвинулись. Только убедившись, что Вадим действительно работает, он оставил его одного. Он поднимался по лестницам из кабины в кабину, нигде не останавливаясь, миновал все пять этажей подземохода, добрался до машинного отделения.

Чтобы как-то убить время, Андрей занялся проверкой работы синтезаторов. Проконтролировал систему охлаждения, вскрывая одну коробку реле за другой. Осмотр вел так тщательно, будто готовил машину к длительному и трудному рейсу.

Утомившись, сел тут же на полу, обхватив колени руками и положив на них голову. Так сидел он добрый час, ни о чем не думая, ничего не переживая. Механик принадлежал к той редкой категории людей, которые испытывают страх только при непосредственном соприкосновении с опасностью. Если же до гибели остается хотя бы один день, то в течение этого дня они сохраняют полное спокойствие и хороший аппетит.

Единственное, что тяготило Андрея, это вынужденное бездействие. Только сейчас убедился он, насколько привык всегда быть чем-нибудь занятым.

Размышления Андрея были прерваны появлением Скорюпина.

— Как вы думаете, Андрей Гаврилович, надолго мы тут застряли? — тихо спросил Павел.

— Навсегда.

— Вы серьезно?

— Ты же не первый раз в подземном рейсе. Тут не до шуток.

— Я, конечно, все понимаю. Я только не понимаю, как это могло случиться. Вадим Сергеевич такой замечательный конструктор. И вот...

— Конструктор он действительно хороший, — согласился Чураков.

Скорюпин заглянул в лицо механику.

— Вы что-то еще хотели сказать?

— Да нет, что мне теперь говорить...

Не делиться же, в самом деле, с Пашей тем, какой неприятный осадок на душе у него, Андрея, после недавней сцены в кабине управления. Его словно в чем-то обманули или отобрали самое дорогое и сокровенное.

— У вас кто-то остался там, наверху?

— Конечно. Отец, мать, две сестренки.

— И девушка?

Вопрос кольнул Андрея в самое сердце. Здесь, в кабине подземохода, он все чаще вспоминал Лену, не жену Вадима, а ту девушку в скромном сереньком платье, которая принимала и контролировала собранные им узлы машины. Почти всю рабочую смену они находились в цехе рядом. И не замечали друг друга. Он и сейчас для Лены ничего не значит. Но Лена для него...

— Нет, — Андрей отрицательно покачал головой, — девушки у меня нет.

— Когда меня зачислили на «ПВ-313», — сказал Паша, — ребята чуть от зависти не лопнули. И такой прощальный банкет организовали, какого я еще никогда в своей жизни не видел. Прямо бал настоящий. Ребята у нас хорошие, настоящие товарищи. Жаль, им не разрешили посмотреть на старт подземохода. Поговорить бы с ними сейчас. Или пись-

мецо переслать — как бы сразу на душе посветлело, верно?

Паша говорил, перепрыгивая с одной темы на другую. Даже Чураков при всей своей жизненной неопытности почувствовал в нем еще мальчишескую наивность. Светло-карие Пашины глаза смотрели доверчиво. Долговязый, угловатый и вообще какой-то нескладный, Паша вместе с тем привлекал своей бесхитростностью и доверчивой откровенностью.

За полчаса Андрей выслушал биографию связиста во всех ее незамысловатых подробностях. Узнал и где тот учился, и с кем крепче всего дружил, и как познакомился с замечательной девушкой Таней, и до чего сильно увлечен ультразвуковой техникой.

Сравнивая себя с Пашей, Андрей, к собственному удивлению, отметил, какая между ними ощутимая разница в восприятии окружающего. «Вроде и я когда-то был точно такой же, — подумал Чураков. — И вот уже не такой. Изменился, значит».

— Все же я верю в Вадима Сергеевича, — неожиданно закончил Скорюпин, возвращаясь, видимо, к мучившему его вопросу. — У него светлая голова. Вот увидите, он найдет выход из положения. Что-нибудь такое придумает, что мы только ахнем. А что беда с нами приключилась, так это даже интереснее. Будет о чем ребятам рассказать.

Вдвоем они вернулись к себе в кабину к пульту. Скорюпин вздохнул: «Эх-хе!» — и стал возиться с приемником. Чураков ловил себя на том, что прислушивается, будто сможет угадать отсюда, чем занят Вадим.

4

Николаю Николаевичу вдруг вспомнилось детство, бесконечно далекое, но яркое и счастливое. Он со школьной скамьи любил туристские походы и уже в тринадцать лет не боялся с рюкзаком за плечами отшагать пятнадцать-двадцать километров по лесным тропам, в обществе таких же, как и он, любителей провести ночь у костра. Николай Дектярев исколесил

все Подмосковье, дважды пересек Кировскую область, а в пятнадцать лет принял участие в длительном и трудном походе по Южному Уралу.

Тут и произошло одно очень важное событие.

Во время перехода из Карабаша в Кыштым, поспорив с товарищами и желая доказать свою смелость, Николай отделился от группы, чтобы в одиночку перевалить через горы. Места были глухие, таежные. В лесу он заночевал один. Вначале не спалось. Темнота вокруг костра казалась особенно плотной, в ней притаились невидимые опасности.

И вот, когда сон и усталость начали смежать веки юного путешественника, в свете костра неожиданно появилась девочка, маленькая худенькая фигурка. Николай замер. Несмотря на твердую уверенность, что на свете не существует волшебников, он сжался, боясь пошевелиться. На него пахнуло бажовскими сказками, которыми он зачитывался. Девочка появилась так внезапно, что Николай не удивился бы, если бы она вдруг исчезла, а на ее месте остался чудесный каменный цветок или сверкающая золотая россыпь.

Однако девочка продолжала стоять на том же месте, прижав к груди перепачканные в земле ручонки. Ей было лет шесть, не больше.

— Кто ты? — оправляясь от невольной робости, крикнул Николай.

— Я Катя, — ответила девочка чуть слышно, и в голосе ее послышались слезы.

— Откуда ты взялась?

— Я заблудилась. Я хочу кушать.

И она заплакала почти беззвучно, беспомощно. Николай подошел к ней ближе. Отвечая на вопросы, девочка все время всхлипывала. С большим трудом ему удалось понять ее сбивчивые объяснения. Катя жила в каком-то новом поселке лесорубов и не успела запомнить, как он называется. Утром родители ушли на работу, а ей захотелось насобирать ягод. Она углубилась в лес и... не нашла обратной дороги.

— И целый день ты ничего не ела? — ужаснулся Николай.

— Только ягодки...

Он накормил Катю, завернул в свое одеяло, укачивал, успокаивал, пока девочка не уснула. Она так ослабла, что на следующий день пришлось нести ее на руках. Селенья поблизости не оказалось. Только к полудню, страшно измученный своей ношей (рюкзак тоже весил прилично), мальчик добрался до лесничества. Позвонили в район. Оттуда ответили: девочка пропала в поселке Арьяр и, значит, в общей сложности ушла почти за двадцать километров от дома.

...Прошло двенадцать лет. Дектярев, уже молодой геолог-изыскатель, прибыл с партией в район Карабаша. И ему вспомнилась девочка, которую он подобрал когда-то в лесу. Какая она теперь? Помнит ли тот случай?

Ему помогли разыскать ее. Катя работала на Миасском автомобильном заводе. Вместо прежней худенькой девчушки Дектярев увидел настоящую красавицу, перед которой как-то сразу оробел.

Через год они поженились.

Теперь Катюша осталась одна. Конечно, ей, жене изыскателя, очень часто приходилось оставаться одной и подолгу ждать его возвращения из экспедиций. Но тогда ни он, ни она не думали об опасностях и тем более о том, что он вообще может не вернуться.

Далекie славные походы сквозь дебри лесов... Николай Николаевич шумно втянул носом воздух. Ему показалось, что в кабине запахло дымом костра. Ох, сколько он повидал на своем веку! Памир, Урал, Камчатка, совместные с индийскими геологами поиски на Гималаях, работа в Египте, Китае, Тунисе...

Однако ему постоянно хотелось необычайных, неповторимых исследований. Земная кора и до него была достаточно изучена. Он первым из геологов принял участие в испытании подземных лодок. Настала пора, когда исследователи уже не мысленным взором, а сами, вооруженные сложнейшей аппаратурой, устремились в недосягаемые до того недра.

Дектярев был пионером подземных экспедиций.

И вот, кажется, допутешествовался. Вместо того чтобы сдержать юношескую нетерпеливость Суркова, изменил собственной сдержанности и последовательности. Не вытерпел... Эх! И вот попали в такую переделку, из которой, похоже, не выпутаешься. Помощи ждать неоткуда.

Неоспоримо одно: нужно работать. Он обязан работать. Но легко сказать: «нужно». Одно дело заставить трудиться свои руки, а вот как заставить себя сосредоточиться, думать, анализировать, когда в голову лезут назойливые мысли о гибели.

— Хорошо, ты можешь не работать, — сказал себе Николай Николаевич. — У тебя есть возможность встретить смерть в гамаке. Только что же ты будешь делать все десять месяцев или триста суток, или семьсот двадцать часов, или сорок две... нет, сорок три тысячи... ну да, сорок три тысячи двести минут?

Николай Николаевич презрительно выпятил губы. Что бы там ни было, но прокисать в постели, когда в теле нет и признаков недуга, а голова полна идей... Не-ет, дудки! Такой роскоши он себе не позволит. Отрицать нельзя, при одной мысли о смерти ему становится как-то холодновато. Но вот сел в кресло, и уже немного легче. Будто оказался рядом с теми, с кем провел не один год в лабораториях исследовательского института академии.

— Друзья мои, — обратился Николай Николаевич к своим воображаемым ученым сотоварищам, — давайте добывать зверя. У нас крупная добыча: третья геосфера, мир подлинно пластического вещества плюс излучение Биронта.

Его никто не одергивал. Геолог мог разговаривать с собой сколько угодно. В разговоре находили выход мучившие его колебания. Сейчас перед глазами находилось такое, к чему рвутся ученые, как и он, посвятившие себя изучению земных недр. Быть единственным свидетелем преобразования вещества, провести ценнейшие наблюдения и остановиться на полпути — это будет равносильно предательству, дезертирству, преступлению перед наукой.

Часы тянулись бесконечной чередой. Николай Николаевич работал до изнеможения. Проработав около четырнадцати часов без отдыха, геолог заснул так внезапно, словно потерял сознание.

Проснувшись, он увидел напротив в кресле Биронта. Атомист часто моргал глазами, и лицо у него было виноватое, измученное.

— Я не могу, — пролепетал Валентин Макарович, — я не могу ничего не делать. И работать тоже не могу.

— Мы будем систематически передавать наверх результаты наших наблюдений, — сказал Николай Николаевич.

— Вы думаете, их услышат?

— Может быть, и не все, но услышат. Доказательства тому у нас уже имеются, хотя бы последняя весточка сверху.

Кончиками пальцев Биронт несмело дотронулся до рычажков переключателей, помедлил и сокрушенно покачал головой.

— Я совершенно не подготовлен к этому, — он умоляюще взглянул на Дектярева. — Я только ученый, теоретик. Если бы вы знали, какой у меня письменный стол, мягкое кресло. И окно в моем кабинете огромное. Я люблю работать при восходе солнца. Тогда оно не очень яркое, но света полно. Все еще спят. Только голуби слетаются к окну. У нашего дома столько голубей.

— Все мы здесь обыкновенные люди, Валентин Макарович, — как можно мягче возразил Дектярев. — Нам свойственно увлекаться и... делать ошибки. Но никто не дал нам права изменять долгу. На вашей совести — природа излучения. Наверху ждут от вас полных и точных сведений.

— Да, да, конечно.

— Ту-ту, ра-ра, ру-ру, та-та, — загудел Дектярев, хотя один вид Биронта нагонял на него тоску.

Оба ученых имели очень мирный нрав и менее всего мечтали о героических поступках. Они привыкли

к своим семьям, к постоянному, определенному кругу друзей. Даже Николай Николаевич, который, возвратившись из одной экспедиции, уже начинал готовиться к другой, скучал о доме. С годами, вместо того чтобы свыкнуться с частыми разлуками, он переносил их все тяжелее. Это было связано сначала с появлением детей, потом внучат.

— У вас ведь тоже есть дети, — обратился Николай Николаевич к Биронту.

— Два сына. Дочь.

— У меня побольше. И куча внучат. И знаете, что я подумал? Дети — самые строгие судьи наших поступков. Детям всегда хочется иметь выдающихся родителей. Ну, ладно, мы не выберемся отсюда.

Биронт содрогнулся и шире раскрыл глаза. Геолог сделал вид, что ничего не заметил.

— Допустим. Наша гибель оправдает все наши промахи. А если выберемся? Сумеем ли мы скрыть, что дрожали от страха, как зайцы?

— Мне кажется... вы очень... правы.

— Еще бы! Как можно ничего не делать, когда сама судьба привела нас в сокровенные тайники природы. Вы только посмотрите, какой богатейший материал для обработки. Разве не нашлись бы исследователи, которые, не колеблясь, согласились бы оказаться на нашем месте, лишь бы увидеть то, что видим мы с вами?

— Да, да, вы, конечно, правы, — пробормотал Биронт, и руки его невольно потянулись к переключателям. — Вы правы. И все-таки то, что случилось с нами, ужасно. У меня голова раскалывается на части. Я же совсем не храбрый человек. Я не переношу физических страданий. Я просто сойду с ума.

— Чепуха! — отрезал Николай Николаевич. — Наши головы имеют особую закалку и раз выстояли пятьдесят лет с гаком в борьбе с матушкой природой, сейчас им совсем ничего не сделается.

Он опять загудел и погрузился в вычисления. Биронт сосредоточенно наблюдал за ним, за движениями его рук, за выражением лица. Спокойствие Дектерева казалось ему непостижимым.

Медленно двигались ленты на барабанах самописцев и счетно-решающих устройств, сухо пощелкивали переключатели. Каждый прибор, как раскрытая книга, рассказывал удивительные вещи. Сжатие вещества достигло фантастических размеров, но химический состав в окружающей среде оставался без изменений. В свободном состоянии находился только кремний. Прочие элементы цепко держались за кислород, образуя с ним простейшие безводные окислы.

А куда же девалась вода? Вода, которая являлась неотъемлемой составной частью сульфатов, бурого железняка, карбонатов? Водорода и кислорода в свободном состоянии Дектярев не обнаружил.

Тогда он принялся за поиски воды.

Ему удалось обнаружить ее с помощью лучевых электронных анализаторов. Вокруг было полно воды, гораздо больше, чем во всех земных океанах, вместе взятых. Но в каком физическом состоянии? Наблюдения принесли любопытные результаты.

Вода под действием давления приобрела удельный вес, близкий к удельному весу цинка. Дектярев получил возможность наблюдать твердую, раскаленную до трех тысяч градусов породу, которую он не мог назвать никак иначе, как водой.

С расчетным бланком, на котором решающая установка выбила колонки чисел, Дектярев поспешно поднялся наверх.

Скорюпин, Чураков и Сурков сидели за столом, они только что открыли подогретые коробки с концентратами. Был ли это завтрак, обед или ужин, никто из троих уже не знал. Они ели с таким видом, с каким больной человек принимает необходимое, но страшно горькое на вкус лекарство.

Дектярев протянул бланк с расчетами Суркову и, прикрыв окончательные расчеты, спросил:

— Что это по-вашему?

— Цинк, конечно, — небрежно пробежав глазами колонку цифр, ответил Вадим.

— Вода! — открывая окончательные результаты

вычислений, торжествующе провозгласил Николай Николаевич.

Вадим, не сводя замороженных глаз с бланка, встал. Машинально провел он рукой по волосам, сел и снова поднялся.

— А мы двигались с постоянной скоростью, — вслух подумал он. — Как же происходило распыление вещества? Да и вся механика взаимоотношений бура и среды становится непонятной.

В его воображении медленно вырисовывались очертания нового термоядерного бура. Поскольку скорость движения подземохода, несмотря на увеличение плотности базальта, оставалась неизменной, можно с уверенностью сказать, что бур не полностью использует подаваемую энергию.

Чтобы проверить свое предположение, Вадим спустился к пульту управления, сел в кресло и нажал кнопку. Бур заработал, автоматы включили двигатель. Корабль пришел в движение.

Дектярев, открывший рот, чтобы диктовать Скорюпину, застыл на месте. Замерли Биронт и Чураков. Но Вадим уже протянул руку к другой кнопке, и движение прекратилось. Паша глотнул вставший в горле комок. Николай Николаевич смотрел поверх головы связиста, а когда его глаза встретились с глазами Павла, Скорюпин понял, что геолога поразила какая-то новая, необычайная идея.

— Подожди-ка минуту, — Дектярев потер лоб ладонью, — подожди...

Несколько секунд работы бура оказалось достаточно, чтобы подтвердить предположение Вадима. Электронная счетно-решающая установка выбросила ему бланк с результатами расчета: сила тока, идущего на распыление, могла быть снижена на восемь процентов!

«Ну и что же? — сказал себе Вадим. — Не все ли равно теперь?»

Но остался за пультом и раскрыл журнал.

«Обреченный на смерть ищет новую конструкцию бура, — мысленно усмехнулся Вадим. — Самообман...»

Дектярев и Биронт теперь были всецело поглощены наблюдениями. Ни на минуту не забывали они о своей обреченности, но продолжали работать с какой-то особенной настойчивостью, граничащей с истступлением. Каждый час наблюдений приносил новые, неожиданные открытия.

Электронный хронометр отсчитывал двадцатые сутки с начала старта.

Николай Николаевич поднялся в кабину связи-ста. Тот, не ожидая приказаний, включил передатчик. Паша привык к частым посещениям геолога. По требованию Дектярева передача следовала за передачей. Наверх посылалась самая подробная информация о состоянии машины, о проделанных исследованиях, сообщались предположения, выводы, расчеты, советы на будущее.

Закончив диктовать, Дектярев соединился с Вадимом.

— Вадим Сергеевич, ты сильно занят?

— Если очень нужно, устрою передышку.

— Да, очень. Мне бы хотелось устроить небольшое совещание. Мы сейчас все к тебе спустимся.

Последнее время как-то само собой получилось, что руководство в жизни экипажа перешло к геологу. Он с общего молчаливого согласия установил твердые часы сна и приема пищи, дважды в сутки собирал экипаж, чтобы «поболтать о пустяках» по его собственному выражению. Оптимизм геолога заражал и его спутников.

Николай Николаевич говорил без умолку, первый начинал хохотать над самой безобидной шуткой, кем бы она ни была произнесена. И удивительное дело: трагизм положения во время его пространных рассуждений как-то незаметно приобретал оттенок комизма. Лица у всех светлели, на час, на два грядущее не казалось таким уж страшным.

Беседа кончалась, и все возвращались к своей работе.

Дектярев понимал: неподвижность и существова-

ние без цели — страшные вещи. Нужно огромное самообладание, чтобы устоять в борьбе с ними. Тут легко прийти в отчаяние, лишиться рассудка.

Необходимо что-то придумать, чем-то встряхнуть всех, да и себя тоже, раз уже добровольно принял на себя ответственность за судьбу каждого члена экипажа.

И, оставшись наедине с Валентином Макарови-чем, Николай Николаевич нет-нет да и заводил странные разговоры, во время которых лицо атомиста становилось мертвенно-бледным, а расширенные глаза неподвижными. После каждого такого разговора Биронт уже не мог заниматься наблюдениями. Схватив подбородок, он часами сидел растерянный, вялый и подавленный, то вопросительно, то с ужасом поглядывая на Дектярева. Но думал, все думал над словами геолога.

Однажды, почти сутки промучавшись без сна, он выдавил из себя:

— Пусть будет по-вашему. Я согласен.

В кабину к Суркову спустились сначала геолог и атомист, потом, дробно топоча по скобам, сбежал Скорюпин. Последним появился Андрей Чураков.

Дектярев сел в кресло водителя, остальные расположились на полу.

— Что вы нам собираетесь рассказать? — спросил Вадим.

— Рассказать? Ничего. — Дектярев колебался, не решаясь начать разговор. С минуту он молчал, собираясь с мыслями, косился то на одного, то на другого. Биронт уже сказал свое «да». Что скажут остальные? — Но у меня есть предложение относительно наших дальнейших действий. Мы с Валентином Макарови-чем уже обсудили его и пришли к общему выводу...

Дектярев опять сделал паузу, кашлянул в кулак.

Вадим с любопытством оглянулся на атомиста. К какому выводу могли прийти ученые?

У Биронта было странное окаменевшее лицо, он смотрел в пространство невидящими глазами. Андрей

перехватил взгляд Вадима и улыбнулся — Валентин Макарович сегодня как никогда тщательно побрился, выглядел необыкновенно подтянутым и решительным. Что они задумали с Дектяревым? Неужели нашли способ пробиться к поверхности?

— Давайте рассуждать так, — Николай Николаевич положил кулаки на стол. — Мы проделали большую работу, собрали уйму ценного материала. И наши чисто научные сведения и твои, Вадим Сергеевич, конструктивные изменения подземохода помогут тем, кто двинется следом за «ПВ-313».

Вадим наклонил голову на бок.

— А если без лирических отступлений, Николай Николаевич? — предложил он.

— Ну, если вкратце, то я скажу так: мы далеко еще не используем всех наших возможностей. Перед нами настоящий океан непознанного. И мы дадим стране во много раз больше ценных сведений, если...

— Если?..

— ...если избавимся от нашей мертвой неподвижности.

— Вы имеете в виду «ПВ-313»?

— Да, ты угадал, Вадим Сергеевич.

— И предлагаете... — голос у Вадима дрогнул. Он откинулся в кресле, еще не желая поверить Дектяреву.

Геолог утвердительно наклонил голову.

— Вниз? — выдохнул Андрей.

— Вниз, — сказал Николай Николаевич.

— Это... это несерьезно, Николай Николаевич, — Вадим переглянулся с Андреем, остановил свой взгляд на Биронте. — Вы же предлагаете безумство.

— Безумство уже совершено, — вздохнул Биронт. — Во всех случаях нас ожидает одно и то же. Вопрос теперь только в том, чтобы принести как можно больше пользы человечеству.

— И этим сказано все, — поддакнул Дектярев.

Он разжал кулаки, посмотрел на ладони, пошевелил пальцами.

— Остается только нажать вот это, — он протянул руку к маленькой красной кнопке.

— Постойте! — закричал Вадим. — Что вы делаете?

— Извини... Это уж, конечно, не входит в мои функции. Так, может, ты сам, Вадим Сергеевич... того... нажмешь?

— Как вы сразу оглушили... — Чураков встал на ноги и засунул руки в карманы комбинезона. — Снова вниз. Да-а-а... Ловко же вы! Ох, как ловко!

Он глядел на пульт и уже слышал гул заработавшего двигателя, видел ожившие нити приборов, радостное перемигивание сигнальных лампочек.

Страшновато, конечно. Ведь одно дело — ждать прихода смерти, которая еще неизвестно когда пожалует, и другое дело — идти ей навстречу.

Андрей повел плечами — сила в плечах у него была недюжинная. Навстречу гибели... с боями! Это будет настоящая драка.

— Вадим, — сказал механик, — давай, а?

Вадим побледнел и отрицательно покачал головой.

— Я не могу, — сказал он. — Вы правы: так нужно. Но, честное слово, я не могу.

Тогда Николай Николаевич встал и кивком головы указал Чуракову на место водителя. Андрей медленно приблизился к креслу. Он все глядел на Вадима, а Вадим, не отрываясь, следил за каждым движением товарища.

Андрей сел. Впервые ощутил он в себе такую внутреннюю силу, которой было тесно в груди. Сейчас он поведет подземоход, но не просто поведет, а начнет настоящее сражение с природой.

Дектярев обнял за плечи Павла.

— Извини, Павлуша, — сказал он, — мы ведь еще не спросили твоего согласия.

Скорюпин застенчиво улыбнулся, посмотрел себе в ноги.

— Если так нужно, — тихо сказал он, — я, конечно, буду с вами.

— Старт!

Команда из уст геолога прозвучала сухо, как выстрел. Глаза его были жесткими, холодными и неумолимыми.

Механик нажал кнопку. Высоко над головой зарокотал двигатель, и совсем близко под ногами взвыл термоядерный бур.

8

Рейс протекал спокойно, гораздо спокойнее, чем в первые часы после старта. Но с каким напряжением и с какой настороженностью приходилось теперь вглядываться в приборы! Не таит ли глубина новые неожиданные опасности, борьба с которыми окажется не под силу экипажу «ПВ-313»?

На экранах локатора как будто сгущались сумерки. Темно-синее поле подергивалось фиолетовыми тенями.

Прошли шестьсот километров, шестьсот пятьдесят, семьсот. Давление перевалило за четырнадцать миллионов атмосфер. Зато температура оставалась почти неизменной.

Биронт спешил, очень спешил, и эта спешка нервировала его. Прежде он решительно восставал против торопливости, ибо считал ее неизбежной причиной ошибок и ложных выводов. Но сейчас его подстегивало непрерывно растущее обилие объектов наблюдения: излучение, превращение атомных частиц, деформация электронных оболочек, соотношение температур и давлений.

Мощность излучения достигла такой величины, что атомист поминутно косился на дозиметры: не проникнет ли радиация сквозь защитные прослойки корпуса? Пока все обстояло благополучно, оболочка надежно прикрывала экипаж от губительного лучевого воздействия. К тому же излучение несколько ослаблялось взаимодействием с магнитоплазменным полем.

Жизнь в корабле приобрела новую, более суровую размеренность. Люди работали, двигались, ни на минуту не забывая о том, что идут навстречу грозной неизвестности. Спали, чутко прислушиваясь. Ели, едва ощущая вкус пищи. Но теперь у них была большая цель и было ощущение движения. Даже мысли об опасности как-то притупились и не наводили

прежней тоски. Работу двигателя чувствовали, как биение собственного сердца. Каждый из пятерых слился с подземоходом, принимая на свои плечи давление недр, поживаясь от прикосновения раскаленного вещества к обшивке корпуса.

К чему только не привыкает человек!

Когда минуло еще четверо долгих суток, а с подземоходом ничего не случилось, стали приходить в себя, спокойнее смотреть в будущее. Только взглянув на глубиномер, тайком друг от друга вздыхали. Корабль все дальше уносил их от семей, от дома, от бурлящей жизни земли. Томительно ныло в груди. Воображение уже не справлялось с тем неизмеримым массивом огненного вещества, которое распростерлось над подземоходом.

Дектярев желал только одного: услышать, что посланные наверх сообщения приняты. Скорюпин не отходил от приемо-передаточной аппаратуры. Но в репродукторе включенного приемника слышен был лишь монотонный шелест. Как Паша ни вслушивался, ему не удавалось различить в нем даже далекого отзвука человеческого голоса.

Лучше всех чувствовал себя Андрей. Он ожил, все время был занят чем-то — проверял автоматику, сверял показания приборов с расчетами. Часто ему хотелось обнаружить серьезную неполадку, такую, для устранения которой потребовались бы все его силы.

Утомившись, Андрей спускался в кабину ученых, садился на пол неподалеку от кресла Дектярева и вслушивался в его разговор с атомистом. За несколько минувших суток он узнал о строении земли и о строении атома больше, чем за все время учения в институте.

Для молодого механика явились откровением такие давно известные науке истины, как возможность превращения протона в нейтрон и наоборот. С искренним недоумением узнал он от Валентина Макаровича о том, что ни электронов, ни позитронов, ни мезонов в ядре не существует и что при разрушении ядра они, так сказать, образуются на лету.

— Из чего?

— Из того, что в учебниках принято называть энергией распада.

Но самым захватывающим из всего слышанного была теория переохлаждения и теория существования антивещества, то есть вещества с отрицательно заряженными ядрами и положительно заряженными электронами.

— Неужели и вы считаете, что такое вещество возможно в природе? — спросил Андрей атомиста, вспомнив о бесконечных диспутах ученых на эту тему.

— Скоро мы получим его в лабораториях, — с уверенностью ответил Биронт. — А пока его более чем достаточно во всех уголках вселенной; может быть, даже под нашими ногами, — после минутного раздумья добавлял он.

— С нами произойдет аннигиляция*?

— Но это процесс быстрый. Мгновенный...

— И, значит, безболезненный, — подсказывал Дектярев.

Николай Николаевич в присутствии Чуракова принимался мечтать о том времени, когда к центру земли двинутся сразу сотни подземоходов. Одновременный замер позволит тогда точно выяснить направление и силу вертикальных течений в базальте. Люди до конца раскроют тайну строения земного шара, а это поможет и в решении проблемы происхождения солнечной системы. Ох, сколько еще предстоит работы!

— На мою долю в этом рейсе выпала лишь крошечная частица всех нерешенных проблем, — признался Дектярев. — Разве под силу нам вдвоем с Валентином Макаровичем охватить взглядом такую массу явлений?

— Немыслимо! Абсолютно невысказано! — согласился Биронт.

Механик подавил вздох разочарования. Стоит ли

* Аннигиляция (от латинского слова *nihil* — ничто) — превращение в ничто, уничтожение; точнее — превращение одной формы материи в другую.

ради крупницы открытия жертвовать жизнью? Но при-
смотрелся к геологу, поглядел на сосредоточенного
атомиста и понял: стоит!

Кончалась четвертая неделя пути. Четвертая не-
деля! А ведь испытание подземохода планировалось
всего на двое суток.

Наверху наступил сентябрь. Что сейчас на улице:
идет ли затяжной осенний дождь или стоит солнеч-
ная погода и воздух пропитан запахом опадающей
листвы?

Каждый из пятерых до иступления, до отчаяния
мечтал о просторе под высоким небом, о дожде,
о звездах. Судьба же неумолимо толкала их вниз...
вниз... вниз... в тесные объятия раскаленного, сжатого
до металлического состояния вещества.

И на шестые и на седьмые сутки возобновленного
движения ничего не случилось. Недра, казалось, сжа-
лились над людьми и расступились, открывая дорогу.

Однажды во время обеда Николай Николаевич
застыл с поднесенной ко рту ложкой, в сердцах
швырнул ее на стол и обеими руками хлопнул себя
по лысине.

— Ах, зангезур-занзибар! — ликующе вырвалось
у него. — И как же мы этого сразу не сообразили,
Валентин Макарович?

— Что именно?

— Почему бы не случиться, что мы действительно
доберемся до центра земли?

— Допустим. А дальше?

Геолог хлопнул себя по коленям и разразился хо-
хотом. Хохотал он громко, заразительно. Взглянув на
сосредоточенные лица сотрапезников, которые тоже
прекратили обед, хватался за живот.

— Да земля-то круглая, елки-палки! — заорал
он. — Нам же не потребуется разворачивать подземо-
ход — дошло до вас это, дубины вы несчастные, или
не дошло? Дуй вперед — и никаких гвоздей!

Обитатели подземного корабля ошалело смотрели
друг на друга. Биронт поперхнулся и закашлялся,
Чураков хлопнул его ладонью по спине. Раскрытые
банки с концентратами фруктов — излюбленное ку-

шание экипажа — остались нетронутыми. Искорка надежды сразу разгорелась ярким пламенем. У Вадима затряслись губы. Скорюпин улыбался счастливой детской улыбкой. Теперь рейс в неизвестность обещал жизнь.

— Все дело во времени, — воодушевлял Николай Николаевич себя и своих товарищей. — Если скорость подземохода сохранится, нам потребуется меньше года, чтобы оказаться на противоположной стороне земного шара.

— Год — чепуха! — закричал Андрей. — Зато какой год!

— Я согласен на два, — Биронт отчаянно жестикулировал. — За это время я закончу теорию переохлаждения. Я преподнесу академии методику практического использования переохлаждения.

— Вот смешно получается в жизни, — Скорюпин никак не мог избавиться от улыбки, — до самого простого никогда сразу не додумаешься. Почему это?

У Вадима лицо прояснилось. Он сразу стал тем прежним Вадимом, каким Андрей привык видеть его в конструкторском бюро — с живыми глазами, порывистый, нетерпеливый.

9

Николаю Николаевичу снилось, что он идет по родной Москве, по Садовому кольцу, идет уже давно, так что даже немного притомился. Вечер. Вспыхивают электрические огни и разноцветные рекламы. По улице движется множество машин, на тротуарах тесно от прохожих.

Ветер освежает лицо Николая Николаевича. Ветер! До чего хорошо! Дышится легко. А сколько знакомых запахов: запах влажного асфальта, нечаянный дымок папиросы, запах магазинов, аромат духов от одежды женщин...

На него оглядываются, с ним здороваются и знакомые и незнакомые. Теперь его в лицо знает весь город, он только что возвратился из рейса к центру земли. Что ни говори, а знаменитость.

И он шел, шел, не останавливаясь, радуясь, что, наконец, может идти сколько угодно. Кругом простор, улица широченная, ей нет конца. Как хорошо после тесных кабин подземохода! Только... только почему же он идет без Кати?

Николай Николаевич поворачивает обратно, он почти бежит, натывается на прохожих. Кто-то хвагает его за плечо, держит. Николай Николаевич пытается вырваться и... просыпается.

Шепот в самое ухо:

— Проснитесь же, Николай Николаевич!

— А? Что такое?

— Тише, тише.

Геолог с трудом и неохотно освободился от сновидений. Черт возьми, до чего реально он видел Садовое кольцо. Еще немного — и он бы оказался у своего дома, поднялся в квартиру и увидел Катю.

За плечо его тряс Биронт.

— Что-нибудь случилось?

— Идемте скорее к пульту.

Николай Николаевич уже привык, что каждый пустяк приводит атомиста в возбужденное состояние. Но, присмотревшись к лицу Биронта, к его рыжей взлохмаченной шевелюре, он понял, что на этот раз причина для волнения у того совсем особенная. Дектярев прыгнул на пол, с хрустом потянулся, поежился.

— Что это мне как будто холодно?

— Идемте же!

Биронт увлек его за собой. Усевшись в кресло и взглянув на атомиста, Николай Николаевич прищурил один глаз.

— Ага, вспомнил, — он поднял палец, — вы сейчас вылитый Паганини. Только вы рыжий, а он был, кажется, брюнет.

— Оставьте в покое своего Паганини! Извольте взглянуть на приборы.

— Откуда это все-таки дует?

Теперь геолог явственно ощутил на своем затылке прикосновение прохладной струйки воздуха. Стало быть, это было не только сновидением.

— Мы вошли в зону К-захвата электронов.

— Что? В четвертую геосферу?

Нить глубиномера перешагнула внушительное число «1200». Давление приблизилось к восьмидесяти миллионам атмосфер.

— Ах, зангезур-занзибар, — пробормотал Дектярев, — так действительно можно проспать все на свете. А вы, значит, бодрствовали?

— Нет, меня разбудил холод. Я замерз под своим одеялом.

— Наверное, что-то стряслось с охлаждающей системой.

— Не думаю.

— Почему?

— Потому, что моя теория переохлаждения дает более простой и ясный ответ. Смотрите. Подземоход движется среди особенно плотного потока мезонов и позитронов. Давление давно расправилось с молекулами, как до того уничтожило ваши ультракристаллы.

— Почему именно мои?

— Не перебивайте, пожалуйста! Именно с вашими кристаллами. А теперь оно деформирует электронные оболочки, переводит вещество в его пятое состояние. Химические элементы теряют свои валентности, становятся инертными.

— Ну, ну, понимаю, дорогой Валентин Макарович. Электроны вынуждены перескакивать с внешних орбит на внутренние, и кое-кто из них оказывается на К-орбите, самой близкой к ядру. И тогда возможен захват электрона ядром.

— Вы становитесь догадливым.

— Но позвольте, этот захват должен сопровождаться выделением энергии.

— Разумеется. Но какой энергии?

— Прежде всего тепловой.

— Учтите, при определенных условиях, когда атом имеет возможность разлететься вдребезги. А здесь все явления К-захвата идут в мощном панцире.

Приборы подтверждали слова Биронга. Простейшие химические соединения распались. Вокруг под-

земохода было вещество, состоящее из химически свободных элементов в их атомарном состоянии.

Наружная температура оставалась неизменной. Николай Николаевич сосредоточенно задвигал бровями. Температура должна расти — так требовала логика происходящих явлений. Насколько было известно Дектяреву, К-захват электронов вызывал распад ядра с одновременным выделением тепла. Во что же обращается энергия распада, если не в тепло?

— Я ничего не понимаю, Валентин Макарович, — откровенно признался геолог.

— Ну, если бы все было понятным, не пришлось бы выдумывать теорию переохлаждения, — Биронт с достоинством выпрямился, и Дектярев понял, что у атомиста уже готово объяснение. — Дело обстоит так: люди привыкли все виды энергии сводить к положительному эквиваленту тепла. Удобная осязаемая мера. Но что такое тепло? Это движение материальных частиц. А каких? Существующие термометры, даже наши полупроводниковые, реагируют на движение молекул, атомов, электронов. Какую же температуру замерит термометр, если прекратится движение молекул и атомов?

— Абсолютный нуль. Минус двести семьдесят три градуса.

— А если остановить и электроны?

Дектярев пожал плечами. Над таким вопросом задумываться ему не приходилось.

— Одно из двух, — ответил на свой вопрос Биронт, — либо произойдет термоядерный взрыв с выделением тепла, либо, если вещество не имеет возможности расшириться, температура его упадет значительно ниже абсолютного нуля, а выделение энергии произойдет в какой-то неизвестной нам форме.

— В какой же все-таки?

— Я думаю, в форме того самого излучения, которое мы наблюдаем.

Валентин Макарович снисходительно поглядывал на задумавшегося геолога. Он чувствовал себя победителем. Факты все решительнее подтверждали теорию переохлаждения.

— Какова же природа вашего излучения?

— Не знаю. Пока не знаю. Во всяком случае, это что-то среднее между магнитным полем и полем гравитации. Больше всего меня смущает направленность.

— Не приведет ли К-захват к падению положительной температуры? — забеспокоился Николай Николаевич.

— Все может случиться, все может случиться. Чувствуете, похолодало? То-то и оно.

Биронт торжественно потирал руки.

— Действительно, — геолог поежился и оглянулся, словно надеялся увидеть, откуда исходит холод. — Мистика получается: с одной стороны вещество остается горячим, а с другой стороны оно уже холодное. Так быстрее можно рехнуться, чем от вибрации.

Будить других членов экипажа не стали. Ученые поудобнее устроились в креслах и принялись за наблюдения.

10

На всякий случай Вадим и Андрей проверили охладительную систему и лишний раз убедились в ее безотказной работе. Тем сильнее было недоумение и командира подземохода и механика, сначала веселое, потом тревожное.

Для охлаждения оболочки корпуса использовались свойства полупроводникового спая охлаждаться с одного конца и нагреваться с другого, когда через этот спай течет электрический ток. Внешняя оболочка играла роль того конца спая, который должен охлаждаться.

Система реле позволяла оградить корпус от теплового воздействия любой интенсивности и обеспечивала внутри подземохода заданную температуру воздуха.

Вадим начал было подтрунивать над Биронтом и над его пресловутой теорией переохлаждения. То, что было истиной для Валентина Макаровича, казалось, противоречило всякому здравому смыслу. Термоизме-

рители ясно показывали, правда, постоянную, но достаточно высокую температуру в недрах земли. Откуда же здесь взяться холоду?

Но по мере того как в кабинах становилось холоднее, у конструктора пропадала охота смеяться. Все-таки тут что-то было не так. Падение температуры в кабинах могло произойти только в двух случаях: либо при неисправности охлаждающей системы (что уже отпадало), либо при наличии за стенами минусовой температуры порядка семидесятиградусного мороза и ниже.

Да, факты подтверждали слова Биронта.

— Пусть будет переохлаждение, — сдался Вадим. — Для нас это не представляет опасности. Придется только изменить настройку реле-автоматов.

И подумал: «Нужно немедленно заняться наброской универсальной системы охлаждения. Каждый раз производить перенастройку — кустарщина».

Изменение регулировки отняло шесть часов. В кабинах потеплело, и у Дектярева отлегло от сердца. Он уже было насторожился в ожидании новой опасности.

Но спустя одиннадцать часов после перенастройки розовая нить термоизмерителя опять пришла в движение и, покинув отведенное ей постоянное деление «25», сместилась в сторону деления «24», сместилась совсем чуточку, на волос, не более, однако этого оказалось достаточно, чтобы приковать к себе пристальные взгляды экипажа.

Движение нити было безостановочным, и уже через неделю обитатели «ПВ-313» начали поживать от холода, хотя температура снизилась всего до плюс двадцати градусов.

Вадим и Андрей сделали вторичную перенастройку охлаждающей системы.

И еще на сутки в кабинах установилась нормальная комнатная температура. Но когда к возне с реле-автоматами пришлось прибегнуть и в третий и в четвертый раз, у Вадима зануло в груди, зашевелилось предчувствие новой надвигающейся беды.

— Давайте остановим подземоход, — посоветовал

он Дектяреву. — Черт его знает, как сильно может упасть температура.

— Раз не знаем, — равнодушно ответил Дектярев, — так ради чего мы должны торчать на месте?

— Отчаянный вы человек, Николай Николаевич.

— Увы, нет, Вадим Сергеевич. У меня у самого душа в пятки уходит.

— А вы все-таки не унываете?

— Когда нужно — нет.

11

Хронометр отсчитывал сутки за сутками. С экрана окончательно исчезла синева. Поле его напоминало теперь фиолетовый бархат.

На сороковые сутки глубина достигла тысячи семисот километров. Раскаленная до трех тысяч градусов среда угрожала подземоходу холодом. Один Биронт воспринимал это как должное. Если вращались термоизмерители, то экран в точности воспроизводил видимый спектр теплового излучения, и это был спектр звездных температур.

— Ну, а если бы сейчас взять и выйти из подземохода, — пристал Андрей с расспросами к Биронту, — замерз бы я или сгорел?

— Вы бы не успели сделать ни того, ни другого.

— Понимаю. Меня бы стерло в порошок давлением. Хорошо, пренебрежем давлением.

— Тогда бы вы превратились в облако пара.

— Значит, все-таки сгорел бы?

— Не в том смысле, в каком вы привыкли представлять себе процесс парообразования. Просто вещество, из которого вы состоите, было бы мгновенно распылено действием излучения.

— И не почувствовал бы ни тепла, ни холода?

— Наоборот, ощутили бы в полной мере и то и другое.

— Хм, хм...

Андрей смотрел на ученого круглыми глазами. Вид у него был настолько растерянный, что Валентин Макарович засмеялся, довольно потирая руки.

— По законам физики, — запротестовал Чураков, — с повышением давления температура обязана расти.

— А вот теперь она будет падать. — Биронт закрыл один глаз, а второй устрашающе выкатил на механика. Дектярев, наблюдая за этой сценой, давно покатывался от смеха. — Так ли вы применяете диалектику, молодой человек? — загремел изобличающий атомист. — О каких давлениях вы изволите говорить? Сотни, тысячи атмосфер? А вокруг нас уже миллионы. Хе, хе, — Валентин Макарович открыл второй глаз и заговорил уже мягко, благодушно: — Давление давлению рознь. Количество на определенном уровне переходит в новое качество. Нуте-ка, давайте вспомним: на космическом корабле, летящем со скоростью, близкой к скорости света, за один земной год сколько минет? Один день? Так? Надеюсь, с этим вы спорить не станете. А давно ли не только простые смертные вроде вас, но и маститые ученые, — Биронт подмигнул в сторону Дектярева, — кричали: «Вздор! Схоластика!»? Теперь все объясняется просто: при больших скоростях все физические и биологические процессы резко замедляются. Только и всего. Мы же вместо больших скоростей столкнулись с высокими давлениями.

— И все же непонятно, — упрямылся Андрей. -- Ну, пусть бы еще был один холод. Так ведь рядом и то и другое.

— Рядом вещество, материя в ее новом состоянии, можете вы понять это? — рассердился Валентин Макарович. — Внешнее воздействие на нашу охлаждательную систему и на приемные устройства термоизмерителей совсем иное. Какое именно — предстоит еще разобраться.

Андрей взглянул на Дектярева в надежде, что тот разделит его недоумение. Но Дектярев смотрел на Биронта с любовью и уважением. Геолог восхищался смелостью мыслей атомиста, бесстрашием, с которым тот заглядывал в самую глубь явлений природы.

Но его собственная теория о неизменности среднего химического состава вещества по глубине не

оправдывалась. Содержание тяжелых элементов уменьшалось. Ядра металлов распадались, образуя ядра углерода, водорода, кислорода и гелия. Этот распад не сопровождался термоядерным взрывом. Три геосферы общей толщиной почти в две тысячи километров служили надежной броней, которая прочно противостояла внутреннему давлению, порожденному той же броней.

Таким образом, подземный корабль двигался среди неметаллов, часть из которых при обычных условиях представляет газообразные вещества. Здесь же они не уступали по своей твердости закаленной стали. Вокруг лежала толща металла кислорода, металла водорода и металла гелия.

Андрей с любопытством поглядывал на приборы. Подземоход прокладывал себе путь с прежней скоростью, даже немного быстрее, в то время как необыкновенная плотность, на взгляд механика, должна была бы оказать более высокое сопротивление, чем кристаллические гранит или базальт, и замедлить скорость движения.

Биронт не мог полностью объяснить механику действительной картины взаимодействия между буром подземохода и средой. О многом он сам только догадывался.

— Я думаю так, — сказал он Андрею, — металлоподобное состояние вещества чрезвычайно неустойчивое. Бур снимает с него давление, происходит мгновенное испарение, местный взрыв. Но как развивается испарение... это нужно исследовать. У меня всего две руки и одна голова, — Биронт многозначительно поглядывал на Чуракова. — Я думаю, скорость движения со временем возрастет более заметно.

Для Дектярева Биронт давно стал незаменимым консультантом. Ученые объединили свои усилия. Им предстояло решить один основной вопрос: как меняются свойства вещества на внутренней границе четвертой геосферы, там, где она уже соприкасается с ядром, и какими явлениями сопровождаются изменения этих свойств?

Биронт и Дектярев поеживались от холода. В кабине было плюс семнадцать градусов. Отправляясь в рейс, они не захватили с собой теплого белья. Кто мог предвидеть, что в нем появится необходимость? А тонкий комбинезон согревал плохо.

Вадим больше не предлагал останавливать подземоход. Он (в который раз!) сел за пульт, чтобы продолжить разработку универсального варианта системы охлаждения. С яростью заставлял он себя набрасывать один вариант схемы за другим, рассуждать, вести расчеты. Из-под его рук выходили наивные решения, которые он тут же браковал. Вырванные и скомканные листы полипапира летели на пол.

Тщетные усилия... Напрасный и ненужный труд. И все-таки Вадим не хотел поверить в свою слабость. Бывали моменты, когда он ненавидел себя или с изумлением смотрел на себя со стороны и не узнавал. В нем столько сил, столько энергии, почему же он не может привести все это в действие?

Работая, Вадим не замечал холода. Борьба с самим собой — что может быть изнурительнее? Просыпаясь после ночного сна, он как бы тащил себя за шиворот к пульта, в нем все стонало от непривычного душевного напряжения. «Но ты не посмеешь сдаться! — кричал он себе. — Не посмеешь!»

В кабинах между тем продолжала падать температура. Она падала очень медленно, но с неумолимой закономерностью: на градус с четвертью в сутки.

«Может быть, и в самом деле остановить подземоход, пока не поздно? — колебался Николай Николаевич. Поглядывал на Биронта, на Чуракова, на Суркова и плотнее сжимал губы. — Нет, в драке веселее».

— Ничего особенного, — вслух ободрял он своих спутников, когда температура снизилась до пятнадцати градусов, — вполне нормальные квартирные условия. У меня зимой дома никогда не бывает теплее.

— Какая одежда в это время на вас? — усмехнулся Вадим.

— Не припомню.

Сильнее всех страдал от холода Валентин Макарович. За пультом он сидел съезжившись, подняв короткий воротничок комбинезона.

— Завернитесь в одеяло, — посоветовал ему Николай Николаевич.

Атомист поспешил воспользоваться советом, а вскоре его примеру последовали остальные члены экипажа.

...Температура упала до двенадцати градусов. У Биронта появился насморк. Ученый вдруг начинал безудержно чихать. Ему не хватало носовых платков, и по совету того же Дектярева он воспользовался полотенцем. Николай Николаевич не мог без улыбки смотреть на своего напарника, взаимоотношения с которым у него становились все более дружескими. С распухшим носом, слезящимися глазами, с полотенцем в руках вместо носового платка, атомист представлял довольно жалкое зрелище.

Оставляя над собой одну сотню километров за другой, «ПВ-313» продолжал приближаться к центру земли. Бурно нарастал К-захват электронов, убывало содержание углерода, кислорода и гелия. Зато водорода становилось все больше. Металлически твердый, темно-фиолетовый, порождающий неведомое излучение, он куда оставался самим собой.

— Послушайте, Валентин Макарович, — высказал свои соображения Дектярев, — что же это у нас получается: если двигаться не к центру земли, а от центра, то вместо К-захвата можно будет наблюдать синтез легких ядер в тяжелые с одновременным рождением электронов.

— Конечно! — подхватил Биронт. — Иначе и быть не может. Внутри земли находится кухня, в которой идет приготовление всех известных в природе элементов. Мне только остается непонятным, как возникшие элементы попадают в кору земли.

— А течения, Валентин Макарович, а течения!

— Течения в такой плотной среде... В это очень трудно поверить.

— И не вам одному. Иначе мне нечего было бы

делать на «ПВ-313». Течения невероятно медленные. Одной человеческой жизни мало, чтобы их заметить. Но они существуют. И горизонтальные и вертикальные. Другой вопрос, что их вызывает. Даже горизонтальные течения в литосфере остаются для нас загадкой.

— Вспоминаю: Скандинавия поднимается на один и три десятых метра в столетие.

— Э, да разве дело в одной Скандинавии? Вот выйду целехоньким из этой перипетии, — Дектярев мечтательно посмотрел на атомиста, — до конца дней своих посвящу себя рейсам к центру земли. У меня есть предположение... Впрочем, не будем спешить. Теперь можно будет кое-что увидеть собственными глазами.

— Знаете, этот вопрос с вертикальными течениями в четвертой геосфере чрезвычайно интересен. Я...

Биронт недоговорил и сморщился, собираясь чихнуть, но сдержался.

Какое наслаждение находили теперь ученые в беседах друг с другом, какими самыми заветными планами при этом делились! Взаимная помощь из долга вежливости превратилась в прямую необходимость. Все геологические изменения внутри земли и на ее поверхности находились в зависимости от атомных процессов в центральных областях и, в частности, в четвертой геосфере. Но и атомные процессы, в свою очередь, нельзя было истолковать, не зная геологических особенностей планеты. Здесь геофизика и геохимия тесно переплетались с атомной механикой. Труд Дектярева и Биронта становился органически нераздельным.

Если бы не мешал холод... За последние двое суток температура снизилась до десяти градусов. Андрей предложил открыть глухой люк в полость бура, где вдоль корпуса веером расходились раскаленные всасывающие трубы. Это сразу изменило положение экипажа. Нагретый трубами воздух устремился вверх, из одной кабины в другую, вдоль всего помещения корабля.

— Теперь нам море по колено, — сказал Дектя-

рев. — Андрею Чуракову присваивается звание героя первого сверхглубинного подземохода «ПВ-313». С таким-то обогревом мы пройдем сквозь любое переохлаждение.

Четвертая геосфера, как и предполагал Николай Никсалаевич, имела значительную протяженность. Глубиномер отметил уже две тысячи километров, хронометр отсчитывал сорок семь суток со дня старта. Плотность вещества продолжала увеличиваться, а его температура медленно снижалась.

Еще восемьсот, девятьсот километров, и произойдет новое скачкообразное изменение в микроструктуре вещества.

Но какое?

Пять человек с тревожным нетерпением ждали выхода корабля к земному ядру. Сутки тянулись за сутками нестерпимо медленно. На отдых теперь собирались в кабине водителя. Перенесли туда постели и устроились вокруг люка, ведущего в полость бура. Пульт висел довольно далеко над полом, но заслонял собой свет.

— Наше положение становится по-настоящему походным, — сказал Николай Николаевич. — Если бы вместо люка нас обогревал костер, мы бы в этом логове и в наших одеялах походили на доисторических пещерных людей. Не затынуть ли нам песню?

— Вот чего действительно нам не хватает — музыки! — подхватил Вадим, разгибая онемевшую спину. Уже несколько часов подряд он сидел над очередным вариантом системы охлаждения. — Насколько бы легче стало на душе. Ракетопланы всегда слышат голос земли, им передают целые симфонические концерты. Мы же фактически отрезаны от мира.

— Отрезаны? Ну, нет! — заворчал Дектярев. — Лично я никакой отрезанности не чувствую. Мы на одной планете с нашими друзьями, с родными. Что касается музыки, да! Я, брат, тоже питаю к ней слабость. Но, по совести говоря, мне в детстве слон на ухо наступил. Валентин Макарович, может, вы споете?

— А, оставьте ваши шутки!

— Вам очень хочется услышать песню? — спросил Скорюпин.

— Вот где, оказывается, скрывается талант! — Дектярев запустил пятерню в шевелюру связиста и бесцеремонно повернул его к себе лицом. — Лирическое сопрано?

— Да нет, нет, что вы! — застыдился Паша. — Я тоже не пою. — Щеки его порозовели. — Но я подумал, может быть вам понравится, если споет одна девушка.

— Девушка?

Николай Николаевич выпятил губы и оставил в покое голову связиста.

— Уж не в кармане ли спрятана твоя девушка?

Скорюпин вместо ответа действительно полез в карман комбинезона и бережно извлек оттуда небольшую кругленькую коробочку. Он открыл ее, и присутствующие увидели магнитофонную ленту.

— Что же ты молчал до сих пор? — возмутился Вадим. — Кто исполняет? Какие вещи?

— Да нет, здесь совсем не то, что вы думаете, — Скорюпин находился в затруднительном положении. — Здесь записан голос одной моей знакомой. Сначала письмо, а потом она поет. У нее очень хороший голос.

— Пусть будет твоя знакомая, — Вадим устало махнул рукой. — На безрыбье и рак рыба.

— Не ладно ты говоришь, Вадим Сергеевич, — одернул Дектярев Суркова. — Раз Павел говорит, что девушка хорошо поет, значит так оно и есть. Действуй, Павлуша!

Скорюпин вылез из-под пульта и будто на крыльях взлетел по лесенке. Вставляя ленту в звуко-сниматель, он заторопился. Пальцы плохо слушались его; даже узнав о безвыходном положении «ПВ-313», он не волновался так сильно, как сейчас. Ему бы давно воспользоваться аппаратом, каждый день он ощупывал в кармане заветную коробочку, да все как-то стеснялся.

Пропустив конец ленты, на котором было записано письмо, Павел включил звукозаписывающее устройство.

«Павлуша! — прозвучал в кабинах звонкий девичий голос, и Павел заулыбался, — а теперь я спою тебе песенку, которую ты заставлял меня петь в Орловке. Помнишь?»

Услышав первые аккорды, взятые на электронном музыкальном инструменте, которым снабжались ракетопланы, обитатели «ПВ-313» подняли головы, замерли. Казалось, они целую вечность не слышали не только музыки, но просто женского голоса. Вместе с голосом девушки в кабины ворвались звуки родного солнечного мира. Звуки, подобно камням, падавшим в воду, всколыхнули притупившиеся были чувства. Вместе с внезапным приступом тоски каждый испытывал необъяснимый прилив радости. Комок подкатывал к горлу, хотелось и плакать и смеяться.

Это была популярная песенка о луне, внезапно вышедшей из-за туч и помешавшей любовному объяснению астронавта, который должен отправиться в первый полет... на луну!

Не очень сильный, но верный голос с большим чувством выводил каждое слово, вкладывая в него особый смысл. Биронт ухмыльнулся и глазами показал Дектяреву на потолок. Николай Николаевич утвердительно кивнул головой. Голос замолк.

— Еще! Снова! — дружно закричали геолог и атомист, а затем и присоединившийся к ним Чураков.

Песню прослушали три раза. Связист возвратился очень серьезный, но глаза выдавали его с головой.

— Где же она? — спросил Дектярев.

— На луне.

— Ну, ну, я ведь не хотел обидеть тебя, Павлуша.

— А я совершенно серьезно, Николай Николаевич. Ее назначили туда лаборанткой в опытную оранжерею. Таня — ботаник.

— Скажи, пожалуйста! Ты почти в центре земли, она — на луне. И чего только не случается. Таня... Хорошее имя. Она не приходила провожать тебя?

— Нет. Я ждал ее, но она, наверное, задержалась в своей лунной оранжерее. Мы целый год не виде-

лись. Вот перед самым стартом ленту от нее получил.

Песня произвела благотворное действие на экипаж. Впервые, укладываясь спать, никто из пятерых не взглянул на глубиномер. Время вдруг полетело быстрее, и будущее показалось более радужным.

Вадим спал крайним у люка. Проснувшись, он выставил голову над его краем, чтобы насладиться теплом, исходящим от труб. Он улыбался — в памяти еще держались картины сновидений: Лена, пляж на реке, яркое солнце, теплое дыхание ветра...

Но тут же он насторожился, от беззаботности не осталось и следа. Еще не веря себе, Вадим рывком, по пояс, перегнулся через край люка. Прислушался. Нет, слух не обманывает его — бур продолжает работать. Он выскочил из-под пульта, выпрямился, взглянул на приборы: никаких изменений в режиме действия аппаратуры не произошло. Тогда Вадим снова нырнул под пульт и растолкал Андрея.

— Ну, чего тебе? — недовольно огрызнулся Чураков и повернулся на другой бок.

Вадим рванул его сильнее.

— Подвинься к люку. Ничего не замечаешь?

Андрей заметил сразу, но счел благоразумным не делать поспешных выводов. Сонному легко и ошибиться. Разгладив ладонями лицо, посидев несколько минут поодаль, он снова придвинулся к люку. Тут начали просыпаться остальные.

Всасывающие трубы становились холоднее, хотя двигатель работал на прежней мощности. Электрический смерч все с той же легкостью распылял вещество и подавал его в камеры подогрева.

Механик убедился, что сбываются предсказания атомиста: подземоход двигался быстрее, делая уже не полметра, а восемь десятых метра в секунду.

Ни Биронт, ни Дектярев не могли с исчерпывающей ясностью объяснить происходящего. Ученые

только догадывались: в камерах идет бурный термоядерный процесс, и отрицательная температура резко, скачком переходит в положительную.

Вадим поспешил к пульту, чтобы проверить эту догадку расчетом. Если она подтвердится, в будущем можно создать двигатель самой необыкновенной конструкции! Но, едва включив счетно-решающую установку, Вадим опустил руки. Он хотел произвести расчет, он заставлял себя, но... что-то более сильное притупляло мысли, ставило его в положение беспомощного новичка-конструктора.

В кабинах падала температура. Нить на шкале термоизмерителя приблизилась сначала к восьмерке, задержалась около нее на три четверти суток и угрожающе двинулась дальше.

Холод заставил экипаж соорудить из матрацев подобие телогреек. Вид у людей был совсем нелепый, особенно у Дектярева. В таком одеянии геологу с трудом удавалось протиснуться в отверстие люка, и, делая это, он чертыхался на весь подземоход.

Наконец он подсел к Вадиму и завел такой разговор:

— Вадим Сергеевич, дорогуша, а нельзя ли все-таки превратить охлаждающую систему в отопительную? Природа выкидывает фокусы, так и нам нужно выкинуть что-нибудь такое, — он покрутил пальцем в воздухе, — эдакое.

— Пожалуйста.

— Да ну? Придумал-таки?

— И придумывать ничего не нужно, Николай Николаевич, — Вадим покусывал губы. — Перестроить систему просто, но для этого ее потребуется выключить на несколько суток. Скажите-ка мне: те двенадцать с половиной тысяч градусов тепла, которые развивает магнитоплазменное поле, по-прежнему действуют на корпус подземохода или их компенсирует переохлаждение вещества?

Дектярев вопросительно посмотрел на Биронта.

— Ни о какой компенсации не может быть и речи, — ответил Валентин Макарович. — Переохлаждение порождает новый вид энергии, но не уничто-

жает тепла. Ваша охлаждающая система реагирует и на тепло и на холод. Но холод, который передается в виде излучения, вызвал в полупроводниковых спаях какие-то иные соотношения.

— Тогда и говорить не о чем. Мы не сможем и на секунду выключить охлаждение. Произойдет самоуничтожение подземохода. Устраивает вас такая перспектива?

Декарев взглянул на Андрея.

— Похоже, так, — подтвердил механик. — Термоэлементы охлаждающей системы соединены в одно целое. Поодиночке их тоже не перестроишь.

— Нужно остановиться! — вырвалось у Вадима.

Геолог отрицательно покачал головой.

— Нет! — присоединился к нему и Биронт.

— Я не хочу мириться с тем, что нет никакой возможности перестроить охлаждающую систему, — настаивал Николай Николаевич. — Я кое-что смыслю в полупроводниках. Нужно подумать, Вадим Сергеевич. Понимаете: думать, искать, не сдаваться. И только в этом наше спасение. Все зависит от вашего конструкторского мастерства. Вы же сами знаете — настоящее решение может прийти в голову неожиданно.

Это ли было не знать Вадиму! Но разве он уже не пытался решить вопрос с перестройкой? Решение может прийти. И его может вообще не существовать.

Андрей вызвался помочь Вадиму. Вдвоем они отправились в агрегатную. Там, сняв крышки реле-автоматов, всматривались в черные сверкающие глянцем небольшие щиты. Каждый щит представлял собой реле. Заподлицо с его поверхностью переплетались золотые линии — они соединяли между собой полупроводниковые чувствительные узлы, небольшие серо-матовые диски. Изготовленная как одно целое, схема чем-то напоминала каналы Марса, видимые в оптический телескоп. В ней не было ни одной движущейся детали, ни одного стыкового или резьбового соединения. До предела простую и компактную, ее невозможно было перестроить в пути. Гораздо проще было бы заменить реле целиком. Абсолютная

надежность устройства и представляла теперь трагедию для экипажа «ПВ-313».

Посоветовавшись, Андрей и Вадим пришли к выводу: ничего не придумаешь. Нужна капитальная переделка, выполнить которую можно только в условиях заводов.

Однако спустя несколько часов Андрей снова появился в агрегатной, на этот раз в одиночку. Там он оставался довольно долго, прикидывая, как бы все-таки пересоединить автоматы, не выключая их и не подвергая корабль опасности.

Увы, его знаний инженера-механика оказалось явно недостаточно.

Глядя на линии впечатанной в щит схемы, Андрей убеждался в своем бессилии. Устранить в ней любую неполадку он может с такой быстротой, что за ним не угонится ни один механик на свете, но придумать другое сочетание линий и узлов... нет, тут нужно быть конструктором. И если уж у Вадима ничего не получается, то нечего толкаться тут Андрею Чуракову.

15

Подземоход «ПВ-313» продолжал свой путь к ядру. В кабинах становилось все холоднее. Температура упала до нуля. От дыхания людей запотевали шкалы приборов, полированная поверхность пульта, металлические ободья люков. Самодельная одежда из матрацев согревала тело до пояса, а ноги оставались открытыми и коченели. Приходилось их обертывать простынями и одеялами, класть сверху подушки. Но при этом уже нельзя было вставать из кресла.

У Николая Николаевича мерзла лысина, он устроил из полотенец подобие чалмы и стал походить на купца из древней Бухары.

Не выдержав, поднимались поочередно в агрегатную. Там было сравнительно тепло, хотя поместиться в тесном помещении ее могли одновременно только два человека.

Мечтали о теплой одежде: о валенках, о шубе, о шапке. Хорошо бы все это сюда! Только кто же мог предположить, что экипаж «ПВ-313», погружаясь в раскаленные недра, окажется в условиях ноябрьских холодов?

Температура падала теперь уже на два с половиной градуса в сутки, и, когда хронометр отсчитал пятидесятые сутки, в кабинах было минус восемь градусов. На металлических частях рамы и пульта оседал иней. Особенно густо он покрывал обод люка в полость бура: оттуда струился еще сравнительно теплый воздух.

Отчаянно мерзли руки. Если Николай Николаевич еще мог это терпеть, то худосочному Биронту приходилось туго. Атомист поминутно согревал дыханием свои костлявые неsgiбающиеся пальцы, прятал их под мышки, чаще других бегал отогреваться в агрегатную.

Температура снизилась до минус двенадцати... до минус пятнадцати... восемнадцати... Но подземоход деловито и упрямо продолжал прокладывать себе путь к ядру.

Обитатели корабля жили одной мыслью — скорее бы! Чем их встретит ядро? Не будет ли его начало их концом? Вадим оставил попытки заниматься усовершенствованием машины. Скорчившись в гамаке, накрывшись с головой матрацем, он пытался согреть себя собственным дыханием.

На пятьдесят шестые сутки в кабинах мороз достиг уже двадцати одного градуса...

Валентин Макарович коснулся глаз кончиком холодных пальцев, коснулся осторожно и тут же отнял обратно. Глаза горели не то от насморка, не то от переутомления, в голове появилась непривычная тяжесть, уши заложило, в них не прекращался надоедливый шорох, будто где-то поблизости ворошили солому.

— Вам не кажется, что в кабине потеплело? — очень осторожно спросил Биронт.

Николай Николаевич покосился на термометр: двадцать шесть градусов мороза. При дыхании

из рта вырываются клубы пара. Иней покрыл в кабине все, даже найловошлочную обшивку. Щеки пощипывает. Чтобы уберечь уши, пришлось повязаться полотенцами. Ни об умывании, ни о бритье не может быть и речи. На кого только они теперь походили, обросшие и измученные?

— Вам нездоровится?

— Кто вам это сказал? Я вам этого не говорил. У меня прекрасное самочувствие. Вот только с головой немного не в порядке. Скорее всего от переутомления. Попробую дать ей отдых.

Забравшись с ногами в кресло, Валентин Макарович плотнее закутывается в матрац, подтыкает кругом одеяло, простыню и пробует дремать.

Дектярев с грустью поглядывает на своего товарища. Что делать, если с Валентином Макаровичем стрясется беда? В корабле нет средств от тяжелых простудных заболеваний.

Не прошло и четверти часа, как Биронт с раздражением встряхнулся. Нет, ему не спалось. До ядра совсем недалеко. Болеть абсолютно некогда, сейчас как никогда необходимо работать, вести наблюдения. Болеть можно дома. Кто же бездельничает в лаборатории?

Мысли Биронта бегут вперед, опережая корабль на тысячи километров. Переохлаждение вещества порождает излучение, природу которого установить все еще не удастся. И Биронту приходит в голову смелая догадка: не является ли излучение потоком нейтрино-элементарных частиц, из которых, как дом из кирпичиков, построены все атомные частицы — протоны, нейтроны, электроны, позитроны, то есть вселенная? Чтобы доказать это, нужно прежде всего пробиться в ядро земли, а главное — ни на минуту не прекращать наблюдений.

Склонившись к приборам, Валентин Макарович незаметно для себя задремал. Дектярев слышал его хриплое, прерывистое дыхание. С глубоким чувством любви и жалости смотрел он на острые локти, на выступающие из матраца узкие угловатые плечи атомиста. В нем самом разгоралось ожесточение. Рабо-

тать, черт возьми! Перед ними еще столько нетронутого материала для исследований. Они, Дектярев и Биронт, в данный момент глаза и руки всего научного мира. Ими двигает воля славного поколения покорителей природы.

Включив внутреннюю связь, Николай Николаевич вызвал Чуракова.

— Андрюша, — прикрыв микрофон ладонью и понизив голос, сказал он, — пора нам разыскать тепленькое местечко. Валентин Макарович занемог.

— Я уже кое-что придумал, Николай Николаевич. Можно воспользоваться колодцем машинного отделения. Там только очень тесно.

— Давай-ка взглянем.

В колодце было так непривычно тепло, что у Дектярева закружилась голова.

— Ух ты, благодать какая, — сказал геолог, — оказывается, я до самых костей промерз.

Небольшой диаметр колодца позволял только стоять друг над другом на скобах, и один человек мог сидеть на захлопнутой крышке люка.

— Мы вот что сделаем, — сообразил Дектярев, — к скобам прицепим гамаки и будем сидеть, как птички в гнездышке. Придется на время забыть, что такое лежачее положение.

Переселение в тоннель позволило освободиться от матрасов, от намотанных на ноги одеял, от полотенец на голове. Люк закрыли, постелили на него матрац для Биронта. Остальные разместились в гамаках, заняв колодец почти до самого верха.

И сразу заснули. Спали долгим и тяжелым сном, не обращая внимания на неудобства. Когда нужно было выходить из колодца, Биронта поднимали в гамак. За пищей, за водой спускались по очереди. Возвращаясь, сообщали неутешительные вести: температура минус тридцать восемь... сорок один... сорок пять... Она теперь падала все быстрее, сначала на четыре градуса в сутки, потом на шесть, на восемь...

А снаружи вокруг подземохода по-прежнему смыкалась раскаленная пластическая масса. Если верить термоизмерителям (а как же им не верить?), температура ее с момента входа в четвертую геосферу, то есть за тридцать два дня, снизилась всего на четырнадцать градусов и составляла две тысячи девятьсот восемьдесят шесть градусов выше нуля. Тепла более чем достаточно! Если бы ничтожную долю его перенести в кабины.

Находиться среди огня и гибнуть от холода — что могло быть нелепее?

Спускаться за водой и продуктами становилось с каждым разом труднее. По другую сторону люка подкарауливал уже шестидесятиградусный мороз. Его ожоги переносили только два человека — Чураков и Николай Николаевич. Прежде чем отправиться в складской отсек, они закутывались в матрацы. Лицо, руки, ноги обертывали одеялами. Люк распахивался, в колодец врывались клубы пара. Далее от Дектярева или от Андрея требовалась быстрота: почти скатиться по скобам, схватить ящик с концентратами, который поближе, и обратно.

Первое время у Николая Николаевича хватало смелости миновать складской отсек и две кабины, чтобы добраться до своего пульта. Взглянув на приборы, он мчался обратно с такой быстротой, на какую только был способен. Вернувшись в колодец, пересказывал Валентину Макаровичу суть добытых сведений и тем несколько успокаивал атомиста.

— Хорошо бы запасти воды, — беспокоился Андрей, — да не во что. Боюсь, подведет синтезатор, уже и так льдом плюется.

Дектярев боялся другого. Он понимал, что наступит момент, когда они не смогут вообще выходить из колодца.

В какой тесноте они находились! Узкое помещение колодца позволяло лишь сидеть в гамаке, как в петле, или стоять на перекладине. Верхний видел затылок нижнего, а нижний созерцал подошвы ботинок верхнего.

Полный и грузный Дектярев страдал от тесноты вдвойне. Поворачиваясь, он задевал плечами стены, а сидя, упирался в них коленями. Но главное — его мучило бездействие. Часами ворчал он на «чертов базальт», на «проклятую температуру», на «невезенье»... К его воркотне сосредоточенно прислушивались Вадим, Андрей и Павел. Ровный голос ученого действовал на них успокаивающе. И вообще даже один вид Николая Николаевича вселял в молодых людей бодрость. Исчезни сейчас Дектярев, они бы сразу растерялись, может быть поддались бы ослепляющему чувству страха.

Все большую тревогу вызывало состояние Биронта. Дектярев за время своих экспедиций немало насмотрелся на простудные заболевания и сейчас без труда поставил диагноз: воспаление легких.

Тело Валентина Макаровича пылало в огне. Его непрерывно лихорадило, мучила жажда. Ему хотелось вытянуть ноги, разбросать руки. Но даже когда его матрац стелили поверх люка, Валентин Макарович мог сидеть только прислонившись спиной к стене и согнув ноги.

Другим в гамаках было еще неудобнее.

В воспаленном мозгу путались мысли. Стоило Валентину Макаровичу закрыть глаза, как тотчас же он оказывался за пультом. Необычайное множество приборов, кнопок, переключателей приводило его в отчаяние. Он никак не мог разобраться в их назначении. И не мог разглядеть, что показывают нити на шкалах. А нужно было спешить, спешить, спешить... Подземопход проваливался куда-то; от пульта, как от включенной электрической плиты, отдавало нестерпимым жаром. Кабина покачивалась, вокруг мелькали незнакомые лица. Валентин Макарович вглядывался в них, но никогда не узнавал.

В страхе звал он Николая Николаевича. Дектярев поминутно выбирался из своего гамака и, крихтя, спускался к больному. Приложив ладонь к его горячему лбу, подавленный, он подолгу оставался неподвижным в очень неудобной позе.

Валентин Макарович требовал:

— Перечислите, пожалуйста, показания приборов. И главное — интенсивность и жесткость излучения.

Николай Николаевич называл числа, выдумывая их тут же.

— Столько перенести, — жаловался атомист, — и не увидеть самого главного.

— То есть как это не увидеть? — гремел на весь колодец геолог. — Что за разговоры, коллега? Кто же, по-вашему, должен тогда видеть? Я? Андрюшка с Павлушкой? Так мы же ни бельмеса не поймем в вашем нейтрино-балерино. Извольте выздоравливать и продолжать наблюдения.

— Я постараюсь, — Биронт с благодарностью улыбался и тут же снова впадал в забытие. Он звал жену, просил открыть окна, удивлялся, как много голубей слеталось к дому.

Андрей спускался к Дектяреву, спрашивал:

— Плохо?

Дектярев покачивал головой. Если бы он мог помочь Биронту даже в ущерб своему здоровью, он бы сделал это, не колеблясь ни минуты.

17

Вадим до ломоты в скулах стискивал зубы. Отчаяние надвигалось на него огромной морской волной, такой высокой, что не видно ее кипящего гребня. Еще немного, и она накроет его с головой, закружит, навалится нестерпимой тяжестью. У Вадима заранее останавливалось сердце, голову сдавливало стальным обручем, не хватало воздуха.

Вадим молчал, но с ужасом ждал приближения волны. Куда она его швырнет?

А время продолжало свой бег.

Однажды Дектярева разбудил глухой стук. Не то упало что-то, не то ему просто почудилось. Свесившись с гамака, Николай Николаевич долго всматривался в дно колодца воспаленными глазами.

Вдруг геолога точно иглой кольнуло в сердце: на крышке люка он увидел пустой матрац. Биронт исчез.

Не помня себя, Дектярев прямо с гамака прыгнул на крышку люка, не обратил внимания на острую боль в ногах, которую причинило падение. Не раздумывая над тем, что ему угрожает, распахнул крышку. Зубы его лякнули от прикосновения холодного воздуха. Руки заоченели сразу, едва коснулись металлических скоб по другую сторону люка.

Не достигнув и пола складского отсека, Николай Николаевич должен был возвратиться обратно. Предчувствие непоправимой беды лишило его всякого самообладания. Кое-как ему удалось нацепить на себя матрац, обмотать руки одеялами. Он злился на свою неповоротливость, подгонял себя. Нужно было спешить. По ожогам лица Дектярев догадывался, что температура в кабинах такая низкая, какой не бывает на земле в самые жестокие полярные морозы. Не отвечая на расспросы испуганного Андрея, Дектярев снова ринулся в отверстие люка.

Теперь он довольно быстро пересек складской отсек, но уже в секции синтезаторов холод сковал пальцы на руках и ногах, проник под матрац и пополз вдоль спины. Силы стали катастрофически убывать, а их и без того было не так-то много. В кабине для отдыха пришлось остановиться — занялось дыхание, в груди появились спазмы. В легкие вместе с воздухом вливался огонь.

С отчаянной решимостью геолог протиснул свое тело в люк кабины механика. Руки уже не слушались его, и, выпустив скобы, он полетел вниз. Оглушенный падением, тут же вскочил на ноги. Оставался один, последний пролет. Следующий люк вел в кабину ученых. Дектярев опустился на колени. Затуманенным взором он увидел Биронта. Атомист сидел в кресле за пультом. Руки его были протянуты к переключателям, но, должно быть, так и не успели до них дотянуться. Волосы припорошил иней...

На пульте около приборов скопился снег. Непрерывно циркулирующий воздух приносил влагу, и она оседала плотными снежными карнизами на краях пульты, на ободке люка, в углах потолка.

Николай Николаевич понял: Валентин Макарович

не нуждался более в его помощи... Силы окончательно покидали и самого геолога. Спуститься к Биронту значило разделить его судьбу. Обратного пути не будет.

Только на секунду появилось искушение: а что, если так и поступить? Легко и быстро свести счеты с судьбой. Остаться рядом с Биронтом, умереть на своем посту.

Тотчас же все в нем возмутилось против такого предательского желания. Он стал карабкаться вверх по скобам. Руки и ноги уже ничего не чувствовали. Ему казалось, что он хватает скобы не пальцами, а леревянными крючьями. Дыхание становилось все более коротким и свистящим. Из рта вместо пара сыпалась тонкая кристаллическая пыль.

Тело мертвело, уходило сознание. Стиснув зубы, геолог карабкался со скобы на скобу. Он не хотел сдаваться. И все-таки ему пришлось остановиться. В ушах гудели колокола, перед глазами разливалось радужное сияние.

Вдруг чьи-то сильные руки схватили его под мышки. В следующее мгновение он почувствовал, что летит, и полет казался бесконечным. Хлопнула крышка люка. Гул колоколов сразу сменился мягким убаюкивающим звоном.

18

Вдвоем они плюхнулись на крышку люка и застыли неподвижно, точно два клина, вбитые в одну щель.

У Андрея саднило в груди, будто он наглотался кипятка. Нестерпимо заныли пальцы на руках и ногах, горела кожа на всем теле, даже на голове.

— Мы облезем с тобой не хуже эвкалиптов, — угрюмо пошутил Дектярев. — А я и не знал, брат, что ты такой сильный. Эдакую тушу на себе приволок.

— Валентин Макарович.... там?

Дектярев утвердительно кивнул головой, быстро заморгал глазами и отвернулся.

— Он в бреду это или сам... нарочно?

— Кто нам теперь ответит, Андрюша?

А машины продолжали работать и создавать ту силу, которая проталкивала подземный корабль сквозь вещество в его таинственном пятом состоянии.

Никто из четверых не мог сказать, сколько времени находятся они в колодеце: сутки, неделю или месяцы. Кончились запасы воды, концентратов могло хватить еще на несколько дней. Открывать люк больше не решались. Вода находилась рядом, но пойти за нею — значило не вернуться обратно. На ободке люка появился иней. С тяжелым сердцем поглядывал Николай Николаевич на зловещую пушистую каемку. Раз холод проник сквозь двойные стенки, промежуток между которыми заполнен теплоизоляционным составом, значит в кабинах притаилась смерть.

— Можно ли надеяться на герметичность люка? — спросил Дектярев у Андрея.

— Конечно! Перед рейсом я сам проверял его. А что?

Дектярев шепнул на ухо механику:

— В кабинах градусов сто пятьдесят, а то и двести. Понимаешь, в чем дело? Воздух там начинает сжиматься или уже стал жидким, давление падает, образуется пустота. Если люк имеет хотя бы малейшую негерметичность, мы задохнемся.

— За люк я ручаюсь, Николай Николаевич. На своей шкуре испытал, что такое негерметичность. Один раз в колодец просочились газы из двигателя. И как мы тогда только живыми остались. А теперь через этот люк ни одна молекула не проскочит.

Вскоре они узнали, что такое жажда. Теплые стенки колодца казались раскаленными. Во рту пересыхало, язык прилипал к гортани.

«Похоже, на этот раз нам действительно не выпутаться, — признался себе Дектярев. — Не пора ли прощаться, Катюша? Или еще потерпим, родная?»

Прислонившись спиной к стене, он ощущал мерную вибрацию работающего двигателя. И в ней чудились ему голоса тех, кто создавал «ПВ-313». Не-

смотря ни на что, машина продолжает движение. Природа ничего не может с нею поделаться и жестоко вымещает свою злобу на тех, кто находится внутри подземохода. Что ж, пусть бесится. Пусть! Дектярев, и умирая, будет преклоняться перед изумительной проницательностью творцов подземных кораблей.

«ПВ-313» — сгусток человеческого труда — живет, движется, борется.

Ни жажда, ни боль в теле от изнуряющего стояния в тесном колодце, ни потеря союзника в большом деле не смогли сломить Дектярева. Он думал о замечательной теории переохлаждения, о ее огромном значении в познании земного шара. Теперь только появилась реальная возможность с абсолютной ясностью объяснить последовательную цепь возникновения химических элементов и их соединений, рождение кристаллических структур.

Но мало объяснить, нужно все это донести до людей, сделать достоянием науки. Заточение в колодце, невозможность расправить онемевшие члены сводят с ума. А голова требует работы. Работы! Не смешно ли? Впрочем, что тут смешного — ведь память не отказывает. Хорошо бы осмыслить происходящее и прийти к определенным выводам. Что касается их передачи наверх, то чем черт не шутит, может быть и кончится похолодание в кабинах, как в свое время кончился ледниковый период. Правда, он длился целый миллион лет...

Размышления Николая Николаевича были прерваны самым непредвиденным образом — подземоход сильно качнуло, почти положило на борт. Взыли гироскопические водители. Колодец на несколько секунд превратился в горизонтальный тоннель и снова принял вертикальное положение. Все это произошло так внезапно, что Скорюпин не удержался на скобе и упал на плечи Чуракова. Он сбил механика и уже вдвоем они свалились на Дектярева.

Николай Николаевич только крикнул, придавленный тяжестью двух тел. Тем не менее он успел отметить два обстоятельства: сильный и совершенно непредвиденный наклон подземохода (такого на-

клона, пожалуй, не было даже в зоне гипоцентров) и сравнительно слабый удар от упавших на него Чуракова и Скорюпина.

Уж не вызван ли наклон корабля переходом его из четвертой геосферы в ядро земли? Никакого другого объяснения случившемуся Дектярев найти не мог.

Что касается целости его костей, то здесь объяснение пришло сразу: подземоход настолько приблизился к центру земли, что сила веса уменьшилась более чем наполовину. Уменьшение веса оставалось до сих пор незамеченным, потому что к этому успевали привыкать по мере движения корабля.

Появилась новая пища для размышлений, и незаметно для себя Николай Николаевич снова заговорил вслух.

— Иногда мне кажется, — заметил сверху Вадим, — что вы давно не в своем уме. А мы, слушатели вашей болтовни, тоже недалеко от этого.

— Могу и помолчать, — обиделся геолог. — Только молчать тяжелее. Я о Валентине Макаровиче думал. Как-то раз появилась его статья, а в ней высказывалась замечательная идея: превращать космические лучи в атомы нужных нам элементов. Искусственное приготовление атомов!

— Я бы приветствовал сейчас только одну идею: превращение воздуха в воду.

Дектярев поднял голову, пытаясь разглядеть Вадима. Но он увидел колени Андрея. А еще выше сидел Скорюпин. Они заслонили собой Суркова. Между тем в голосе Вадима звучало странное спокойствие, которое так не вязалось с его состоянием. То же самое, должно быть, почувствовали и Андрей с Павлом. Они притихли, поглядывая на Вадима.

— Как хочется пить, — отделяя слово от слова и как бы вслушиваясь в свой голос, сказал Вадим. — А мы сидим и ждем, когда захочется еще сильнее...

— Мне бы что-нибудь вроде ножа, — попросил Дектярев у Андрея.

У Скорюпина оказался складной нож. Геолог присел на крышку и лезвием стал собирать иней с обода.

Набралось немного, около грамма серой льдистой массы. Бережно передал Николай Николаевич этот комочек вместе с ножом стоявшему над ним Чуракову, тот передал его Скорюпину.

Вадим принял нож, смотрел долго и непонимающе на тающий скользкий бугорок, на каплю воды, набухавшую на краю лезвия.

— Это... мне? — спросил он.

Волна, приближение которой он предчувствовал, обрушилась на него, смяла, увлекла за собой в пучину.

Нож выскользнул из его рук. Скорюпин испуганно вскрикнул и отпрянул в сторону. Нож ударил Андрея в плечо тупым концом, отскочил к стене, звякнул о скобу и угодил прямо в лицо геологу. Лезвие рассекло щеку Николая Николаевича.

— У вас кровь! — вскочил Чураков.

— За Вадимом смотри! За Вадимом!!

Но было поздно — Вадим уже бежал вверх по скобам. Пока Андрей понял его намерение, тот уже достиг верхнего люка и стал открывать его.

— Вадька, стой! — механик устремился вдогонку.

Путь ему преградил растерявшийся Павел. В узком пространстве им не сразу удалось разминуться.

Все-таки Андрей догнал Вадима. Механик схватил его за ногу. И почувствовал, как быстро обмякает тело товарища. Действие излучения на этот раз было молниеносным и поразило Вадима, едва он поднял голову над колодцем в незащищенное пространство.

Николай Николаевич приложил полотенце к щеке, останавливая все еще идущую из раны кровь. Под ним, на крышке люка, прикрытое простыней лежало мертвое тело командира подмохода «ПВ-313».

— Идиотское положение, — пробормотал геолог. — За что уцепиться? Какую бы лазейку придумать?

Устав стоять на скобе, Николай Николаевич сел в гамак. Надеяться действительно не на что. Когда прекратится катастрофическое падение температуры в кабинах, сказать невозможно. Экипаж намертво замурован в стальном склепе.

— Николай Николаевич, — неожиданно проговорил Чураков, — попробую я сделать то, что не получилось у Вадима.

— Ты о системе охлаждения?

— Да.

— Тебе в голову пришла какая-нибудь идея?

— Пришла: переключать вслепую.

— То есть как вслепую? — не понял Дектярев.

— Перебрать схему каждого реле невозможно. Зато имеется другая возможность, о которой не подумали мы с Вадимом: это поменять местами щиты. Понимаете, Николай Николаевич? При этом изменится соотношение токов и их направление в контурах. Щитов восемь, не так уж много.

— Восемь! — ужаснулся ученый. — Да это же на месяц работы!

— Ну уж, на месяц. За неделю управлюсь. А случай придет на помощь, полчаса будет достаточно. Все-таки я механик первого класса, в автоматике кое-что соображаю.

Дектярев задумался. Неделю им, конечно, не продержаться. Жажда доконает их значительно раньше. И сам Андрей ослаб настолько, что едва ли задуманная работа окажется ему под силу.

И не только это смущало Николая Николаевича. Чтобы попасть в агрегатную, нужно прежде спуститься в складской отсек. Правда, люк в агрегатную находится почти рядом с люком в колодец, но в отсеке Андрея может встретить такая низкая температура, которая обратит его в лед, прежде чем он успеет коснуться пола.

Угадав мысли геолога, Андрей сказал:

— Я закутаюсь с ног до головы. Только вам и Павлу придется расстаться со своими матрацами и одеялами. Получится подобие скафандра. Пусть в отсеке хоть как холодно, я успею проскочить. Потре-

буется одна секунда, не больше. Я перемахну из люка в люк, как птица, с закрытыми глазами.

— Да, но что может встретить тебя в агрегатной?

Андрей внутренне содрогнулся, об этом он не подумал. Если и в агрегатной такая же температура, как в отсеке, то это будет... смерть.

— Агрегатная примыкает к двигателю, — успокоил он Дектярева. — Если там и не очень тепло, то, во всяком случае, должно быть терпимо. А какой у нас еще выход, Николай Николаевич?

Он с грустью посмотрел на тело, накрытое простыней. Вадим... Кто бы мог подумать, что Вадим выберет себе такую бесславную кончину.

— Ты прав, — согласился Дектярев, — другого выхода у нас все равно нет.

— Помогите мне одеться.

— Сразу? Сейчас?

— А зачем откладывать?

Николай Николаевич опоясал его матрацами, на руки и на ноги тоже накрутил по матрацу. Веревки в подмоходе не было, пришлось одну простыню разорвать на полосы и туго стянуть ими все нацепленное на Андрея. Голову Андрей дважды обернул одеялом, оставив только узенькую щелку для глаз.

Теснота помешала Скорюпину принять участие в сборах Андрея. Связист должен был оставаться в роли зрителя. Он смотрел на Чуракова остановившимися глазами. А тот в ответ улыбался сдержанно и застенчиво.

— Пожалуй, еще одно одеяло на руки, — попросил механик Николая Николаевича. — Руки для меня самое главное. Без ног-то, если что, я доберусь и щиты переставлю.

Это было последнее одеяло. Его пришлось разорвать пополам. Прочная материя никак не поддавалась, тем более, что локти упирались в стенки колодца и размахнуться не удавалось. Дектярев рассвирепел, совсем забыв, что в его кармане лежит злополучный нож. Наконец раздался сухой треск, а Николай Николаевич едва не соскользнул со скобы, на которой стоял.

Обматывая руки Андрея лоскутьями, он спросил его шепотом:

— Может, лучше мне, а, Андрюша? Мое-то дело такое... стариковское.

— Бросьте выдумывать, Николай Николаевич! — с укором отвергнул механик предложение ученого. — Автоматика для вас темный лес. И разве вы сумеете прыгнуть из люка в люк?

— Да это уж так...

— Вы за меня не беспокойтесь. В агрегатную я доберусь. Что будет дальше — не ручаюсь, а добратся — доберусь. Такая у меня уверенность. Ведь надо, и все тут. В общем я готов. Перенесите Вадима, Николай Николаевич.

Дектярев порывисто прижал к себе Андрея.

— Ну, в добрый путь.

— Вы уходите.

— Да, да, я сейчас ухожу, Андрюша. Что я еще хотел сказать тебе... проклятая память... Ах, вот что! Люк... он может не открыться. Сверху его прижимает воздух.

— Откроется, Николай Николаевич. Я уже прикинул, арифметика простая. В замке такая силища, что слона подымет вместе с воздухом. Правда, вам сначала придется туговато: воздух за мной потечет. Но вы не пугайтесь. Видно, ветка синтезатора со стороны колодца продолжает действовать. Утечка быстро восполнится.

— Мы-то что, мы справимся. Вот ты... Я прошу тебя, если чего там задержит — крикни.

— Сиреной завою!

Андрей стоял над люком, широко расставив ноги. Он выждал немного и спросил:

— Вы наверху?

— Наверху! — чужим, хриплым голосом отозвался Николай Николаевич.

Глухо ударила откинутая крышка. Будто из ствола пушки, через круглое отверстие ворвался тугой клубок пара. Колодец сразу наполнился непроницаемой морозной мглой, в которой потонула и фигура Чуракова и замершие наверху Скорюпин с Дектяре-

вым. Дектяреву показалось, что его обнаженного выбросили на лютый январский мороз. Зубы у него ляскнули, и он сжался, крепко прижавшись к теплой стенке колодца, сомкнул глаза.

Никто из двоих не слышал, как снова хлопнула крышка люка. Прошла целая вечность, прежде чем начал рассеиваться холодный туман, заполнивший колодец. Когда внизу видно стало дно колодца, Чуракова там уже не было.

20

Медленно тянулись часы. Николай Николаевич спустился к самому люку. Он напряженно всматривался в белую каемку на ободке крышки. У него было нестерпимое желание припасть к налету инея губами — это была все-таки влага, но он удерживал себя. За его спиной настороженно притих Скорюпин. Он тоже не сводил глаз с полосы инея.

Утомившись, Николай Николаевич закрывал глаза ладонью, и тогда ему чудилось безжизненное, окоченевшее тело Андрея на полу грузового отсека... Да, могло случиться и такое. Действие низкой температуры по своей быстроте равносильно действию высокой. Только в первом случае живая материя обращается в пепел, а во втором становится куском льда.

подавив мысль о возможности несчастного исхода, Дектярев начинал мучиться сомнениями: попытки механика перенастроить систему охлаждения кончатся ничем. День пройдет за днем. Жажда их одолеет. Уже и сейчас от нее мутится сознание.

— Тает!

Возглас Скорюпина заставил вздрогнуть Николая Николаевича. Он пригнулся ближе к налету инея.

— Тает? — голос Паши дрожал от нетерпения.

Нет, полоска оставалась без видимых изменений. Зрение просто обмануло связиста. Нужно ждать. Но сколько? Достаточно взглянуть на заострившийся нос Скорюпина, серое его лицо, чтобы увидеть, что юноша крепится из последних сил. Дектярев тоже готов поддаться отчаянию, с каждой минутой сла-

беет его воля. На его глазах люди гибнут один за другим, и это страшнее, чем любые физические страдания.

Измученные, ослабевшие до последней степени, они заснули. А проснувшись, не увидели снежного ободка. Вместо него по крышке расходилась круглая лужица воды. Тусклый блеск влаги ослепил Дектярева. Ни у него, ни у Павла не хватило сил закричать от радости.

— Спасены? — неверным голосом проговорил Николай Николаевич. — А, Паша? Спасены же!

— Открывайте, — шепнул Павел.

— Открывать?

— Там вода.

— Постой!

Геолог медлил. Теперь, когда жизнь снова улыбнулась им, не стоило рисковать напрасно. Достаточно ли потеплело внизу? Лучше еще чуточку потомиться в ожидании.

Однако намеренно оттягивать время было уже не под силу и самому Николаю Николаевичу. Он открыл люк.

Из складского отсека пахнуло морозным воздухом, но Дектярев сразу почувствовал, что этот холод не несет смертельной опасности.

Николай Николаевич первым спустился по лесенке. Но как он ни страдал от жажды, прежде всего заспешил к люку в агрегатную. Ноги плохо слушались его. Голова кружилась, неудержимо хотелось броситься прямо на пол, вытянуться во весь рост, разбросать руки и ноги и насладиться отвоеванным простором.

...Андрей лежал лицом вниз на груде матрацев и одеял, которые послужили ему защитной одеждой. Вокруг него валялись крышки от раскрытых реле-автоматов.

— Андрюша! Андрей, дорогой ты мой, очнись!

Дектяреву с трудом удалось втиснуться в низкое помещение агрегатной, занятой неподвижным телом Андрея. В порыве благодарности он схватил механика за плечи и повернул лицом к себе. С губ его сорвал-

ся хриплый испуганный возглас: лицо Андрея словно обварили крутым кипятком. Кожа на лбу и на щеках собралась мертвыми водянистыми складками, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Из-под закрытых век сочилась сукровица.

— Андрюша... Андрюша... — зашептал Дектярев, задыхаясь от горя, — как же это получилось?

Он засуетился вокруг механика, не зная, что принять и чем помочь ему. Потом сообразил: вода! Только вода приведет Андрея в чувство.

В бочке синтезатора оказался лед. Скорюпин, вооружившись отверткой (другого инструмента поблизости не оказалось), долбил его с остервенением и жадно глотал отскакивавшие кусочки. При виде такой массы воды у Николая Николаевича сделались судороги в пищеводе.

— Подожди-ка. С Андреем беда.

С кусочками льда он возвратился в агрегатную. От тепла ладони лед медленно обращался в воду, а Николай Николаевич капал ее на обезображенные ожогом губы Андрея.

Механик застонал, медленно разомкнул веки. На Дектярева глянули мутные кровоточащие комочки — то, что некогда было глазами.

— Андрюша, это я. Слышишь меня, Андрей?

— Николай Николаевич... Значит, все в порядке?

— Все в порядке, черт побери, все в порядке. Выбрались-таки на волю. Теперь победа за нами.

— Хорошо.

Механик забился в приступе сухого лающего кашля, и в уголках его рта показалась кровь.

— Обожгло меня... И внутри все обожгло... Так больно... Но что я хочу сказать вам... Сказать...

— Потом, Андрюша, потом. Ты вот пей сначала.

Андрей, хрипя и задыхаясь, торопливо слизывал с губ капли влаги, которые падали из сложенной лодочкой ладони Николая Николаевича.

— Когда уж потом... — заговорил он снова. — Крышка мне, Николай Николаевич.

— Не чуди!

— Да вы не думайте, я не боюсь. Мне за Вадима

обидно... Я вот боялся, что не успею... — новый приступ кашля опрокинул его на грудь одеял и матрацев.

Кусочки льда растаяли, Дектярев отправился за новой порцией. Скорюпина он нашел спящим прямо на полу около синтезатора. Едва утолив жажду, Павел не нашел в себе сил добраться до кабины отдыха.

Андрей поминутно терял сознание. Приходя в себя, говорил короткими торопливыми фразами:

— Я бы быстрее... справился. Глаза прихватило. По дороге понял, что нужно... делать. Как открытие... получилось. Руки не слушались.

В груди у механика булькало, он скрипел зубами от боли. Его обваренное тело оставалось неподвижным, почти мертвым.

— Вы... один, Николай Николаевич?

— Один, Андрюша. Павел спит как убитый. Даже напиться досыта не успел. Позвать его?

— Нет, нет, не нужно! Я вам одному... Хотел бросить подземоходы. С вами побыл... с Валентином Макаровичем. Я бы теперь... на всю жизнь... механиком.

Оправившись от нового затяжного приступа кашля, он помолчал, собираясь с силами.

— В кармане... достаньте... — попросил Андрей.

Дектярев одеревеневшими пальцами расстегнул карман его комбинезона. В руке его оказалась фотография девушки. Он не сразу признал в ней жену Суркова. Девушка была совсем юной, лет семнадцати, в скромном сереньком платице.

— Что с нею делать, Андрюша?

— Вы не подумайте... плохого... Николай Николаевич. Фотографию... я... на заводе... случайно... Вы отдайте... ей. А Вадим... Вы не рассказывайте... о... Вадиме. Работайте! Рабо... тайте! Теперь... до самой поверхности. А если...

Андрей умер, не закончив фразы. Николай Николаевич остался сидеть в низком помещении агрегатной, обхватив колени руками. Ему было в такой позе гораздо неудобнее, чем в колодце, но он ничего не замечал теперь. Он забыл о мучавшей его жажде, перестал чувствовать нестерпимую ломоту во всем теле. Лицо его окаменело в суровом, почти хищном выра-

жении. В сердце Николая Николаевича погасли последние искры страха. Смерть механика ожесточила его. Что его теперь сможет остановить, ослабить волю?

Так начались семидесятые сутки пути.

21

Их осталось двое, и подземоход показался им огромным и пустым. Четыре кабины, как этажи покинутого жильцами здания, давили своим безмолвием.

Дектярев и Скорюпин не расставались ни на минуту. Они вместе поднимались к передатчику, вместе спускались к рабочему пульту.

Глубина — четыре тысячи километров. Позади граница четвертой геосферы. Подземоход вторгся в ядро земли. Медленно снижается температура за стенами корабля. Термоизмерители показывают две тысячи семьсот два градуса. Зато стремительно возрастает интенсивность излучения Биронта. Приборы сигнализируют о продолжающемся переохлаждении вещества.

Но в кабинах все остается таким же, как и в первые часы рейса. Спокойно светятся созвездия разноцветных сигнальных лампочек. В четыре ряда горят матовые окошечки приборов. Самописцы вычерчивают на лентах замысловатые кривые — зашифрованные сведения обо всем, что происходит вокруг подземохода.

И Дектярев сидит в привычной позе, слегка ссутулившись и поставив на панель локти. Пальцы его рассеянно вертят электроперо, на обмороженном лбу собрались мелкие складочки. Он размышляет.

Напротив устроился Скорюпин. Юноша облизывает потрескавшиеся губы, прислушивается к бормотанию ученого и, поглядывая на него, не может удержаться от улыбки. С лысины Николая Николаевича лоскутьями слезает кожа, уши распухли и стали огромными, а нос похож на большую спелую сливу.

Николай Николаевич пытается понять причину недавнего наклона подземохода. Нет сомнения, что

корабль встряхнуло именно в момент перехода из четвертой геосферы в ядро.

Но почему?

Течение?

Дектярев недоверчиво качает головой. Приборы достаточно чувствительны, чтобы отметить самые незначительные перемещения вещества. Да к тому же если бы вопреки здравому смыслу течение все-таки существовало, корабль качнуло бы еще раз при выходе из него. Однако вторично крена не последовало.

Может быть, «ПВ-313» еще и не вышел из течения? Если так, то остается только ждать.

Уже девятнадцать суток ведет ученый наблюдения за веществом ядра. Электронная счетно-решающая установка не выключается по десять-двенадцать часов. Павел по мере своих сил и способностей помогает Дектяреву. Он работает не очень быстро, но все указания ученого выполняет с удивительной точностью. Одна беда — устает быстро. До чего же вымотал силы этот проклятый колодец. Случается, Павел засыпает во время наблюдений. Николай Николаевич не сердится.

— Спи, спи! — машет он рукой на Павла. — Я пока один справлюсь.

Павел бросается на матрац, постеленный тут же у пульта. Вода, концентраты тоже принесены в кабину, чтобы не тратить силы и время на путь в шесть с половиной метров. А сил маловато. Поднимешься из одной кабины в другую и сразу садишься на пол — занимается дыхание, дрожат от слабости колени.

Сам Дектярев почти не встает из кресла. Он работает с холодной настойчивостью, не щадя себя, работает без излишней торопливости, без признаков нервозности. За своей спиной геолог постоянно ощущает незримое присутствие Биронта и Чуракова. Вместе с ним они всматриваются в приборы, вместе с ним размышляют над результатами расчетов.

Павлу становится не по себе, когда, забывшись, Николай Николаевич разговаривает с Валентином

Макаровичем и с Андреем, словно те, живые и зримые, находятся у пульты.

Ученый не помнил, чтобы он еще когда-нибудь в своей жизни трудился с таким подъемом. Он весь ушел в исследования. И во время сна и во время приема пищи голова продолжала работать. Не смущала больше возможность появления новых опасностей, а что они появятся, сомнений не было. Он вырвет у природы ее самые сокровенные тайны и сделает их достоянием человечества.

Многое удалось бы значительно быстрее, будь рядом Валентин Макарович. Часто в своих исследованиях геолог двигался на ощупь, полагаясь лишь на смутные догадки, — все-таки он не был специалистом в атомной механике, а все происходящее сейчас в ядре можно объяснить, только опираясь на сложный математический аппарат теории переохлаждения.

Капля по капле накапливалось подтверждение того, о чем очень несмело догадывался Дектярев еще до рейса «ПВ-313»: подземоход оказался в своеобразном течении, но в таком течении, которое захватывает все ядро. Короче говоря, ядро вращается с иной скоростью, нежели вся остальная масса земного шара.

Потребовалось известное время, чтобы полученный вывод уложился в сознании. Теперь и на долю Дектярева выпало открывать истины, которые противоречили установившимся понятиям.

Продолжающийся рост давления привел к тому, что на границе четвертой геосферы и ядра произошел резкий скачок в увеличении плотности, настолько резкий, что вызвал нарушение контакта, разделение геосфер.

— Итак, дорогой Валентин Макарович, — обращался Дектярев к воображаемому Биронту, — давайте сделаем заключение. Ядро, как вы утверждали в свое время, действительно представляет собой переохлажденное вещество. Теперь у меня на этот счет нет никаких сомнений, хотя я и не смогу уже ничего прибавить к вашим доказательствам. Посудите сами, я не атомист. И в данный момент меня интересует не столько причина, сколько следствие. Между ядром и

четвертой геосферой нарушен контакт. Чувствуете: кон-такт! А далее формируется такая картина — прошу вас выслушать как можно внимательнее! Пластическое вещество, подобно водам океана, подвержено приливам и отливам — влияние нашего естественного спутника — луны. А приливы и отливы, как вам известно, замедляют вращение земли. Теперь мы можем уточнить: не всей земли, но только ее оболочки, ибо в оболочке сосредоточена основная масса. И на ядре сказывается тормозящее действие луны, но не в такой мере. В итоге возникла разность в скорости вращения. Эта разность появилась не сразу, она накапливалась миллиардами лет, пока не достигла величины в девятнадцать и семь десятых метров в сутки. Вы поражены? Еще бы! Проскальзывание идет вдоль окружности длиной в двадцать две тысячи километров. Границы раздела к тому же прижаты друг к другу чудовищным давлением в двести миллионов атмосфер и имеют разные внутриатомные структуры. Чувствуете, куда я клоню? На поверхности раздела, там, где идет проскальзывание, должны возникать электрические заряды. И эти заряды, несомненно, участвуют в движении ядра. Таким образом, получается, что ядро земли как бы опоясано витком провода, по которому течет ток невероятной силы. До сих пор геологи были заняты поисками полезных ископаемых, а ваш покорный слуга обнаружил залежи чистейшего самородного электричества. Придет время, когда люди построят на внутренней границе четвертой геосферы тысячи электростанций, мощность каждой из которых будет превышать мощность всех существующих ныне станций, вместе взятых. Тут стоит постараться, коллега, не правда ли?

А вот вам другая сторона дела. Прохождение электрического тока через проводник согласно законам физики вызывает появление магнитных силовых линий. А что должен вызвать этот единственный виток вокруг ядра? Я отвечаю: магнитное поле земли.

Те же законы физики говорят нам еще кое-что. Ток, бегущий по одному проводу, может навести, индуцировать ток в другом проводнике. Для нашего

витка вторичной обмоткой является астеносфера. Именно там возникают токи Фуко. Они передвигаются вслед за ядром в виде вихрей и... У меня даже в голове мутится. Однако сомнений уже нет: эти вторичные токи пытаются увлечь за собой вещество астеносферы, то есть создают в ней вертикальные и горизонтальные течения, передвигают материки.

Рассуждая вслух, Николай Николаевич не прекращал наблюдений и расчетов. Скорюпин застыл в ожидании, что вот сейчас ученый сообразит, все перепутает. Но ничего подобного не происходило. Паша улыбался, покачивал головой и сам налегал на вычисления, порученные ему геологом. Время от времени он вслушивался в рассуждения Николая Николаевича, размышлял над ними. Как, например, давление может привести к проскальзыванию? Известно, что две металлические пластинки, прижатые друг к другу высоким давлением, спекаются в сплошной однородный кусок металла. Но как представить себе обратную картину, когда давление заставляет металлический брус распадаться на пластинки?

Что касается самого Николая Николаевича, тот уже не смущался подобной противоречивостью. Основное внимание ученый перенес на изучение пограничного слоя между ядром и четвертой геосферой.

22

Дектярев спустился в кабину управления и сел в кресло водителя. Без труда разыскал он маленькую зеленую кнопку, не колеблясь, нажал ее. Подземоход остановился.

Сверху не спустился, а камнем упал перепуганный Скорюпин.

— Что случилось, Николай Николаевич? — спросил Паша.

— Ровным счетом ничего, Павел Дементьевич. Мы чуточку постоим на месте. Мне нужно произвести кое-какие замеры в зоне проскальзывания. Она уже далековато, а если двигаться, то будет еще дальше. Так что не волнуйся, Паша, все в порядке.

Четверо суток, пока ученый не собрал достаточно материала, машина оставалась неподвижной. Четверо суток Дектярев делал вид, что не замечает устремленных на него тоскующих глаз связиста.

Ученый работал. За четверо суток он осунулся. Он постоянно, каждую минуту чувствовал на себе глаза Павла. Но чувство долга было сильнее чувства жалости. И разве сам он не страдал от этой остановки, которая еще на четыре дня отдаляла возвращение на поверхность?

Подземоход снова тронулся в путь, а Николай Николаевич сказал Скорюпину:

— Включай передатчик.

Целый час длилась передача. Дектярев подробно сообщал результаты последних открытий. Тайна земного магнетизма разгадана. Характер сил, передвигающих материки, установлен.

Едва они закончили передачу, замигала стрелка индикатора.

— Станция на приеме! — ахнул и не поверил своим глазам Павел.

«...почти три месяца от вас нет никаких известий, — услышали они голос Лены. — Все сейсмические станции ультразвуковой связи разыскивают луч вашего передатчика, а найти не могут. Неужели вы продолжаете идти в глубину?..»

«А сейчас, — после короткой паузы предупредил диктор, — слушайте нас, связист подземохода «ПВ-313» Павел Скорюпин. С вами будет говорить Таня Егорова...»

— Таня! — Павел растерянно оглянулся на Дектярева.

Дальше случилось то, к чему давно пора было привыкнуть: змейка на шкале индикатора поникла и превратилась в прямую линию. Луч станции соскользнул в сторону, затерявшись в бесконечных массивах. Напрасно Павел призывал на помощь все свое искусство. Ему не удавалось поймать даже вторичные продольные колебания — эхо передачи. В отчаянии вращал он лимбы настройки, работал переключателями.

— Ничего, Павлуша, — пытался успокоить его Ни-

колай Николаевич, — ты не слышишь Таню, но она сейчас обращается к тебе, и это уже кое-что значит. Разве у тебя не хватает воображения представить ее у микрофона? А о чем она говорит, даже мне не трудно догадаться, честное слово.

Похохатывая, Дектярев шутливо подтолкнул кулаком в бок Скорюпина. Тот улыбнулся вымученной, болезненной улыбкой.

У самого Николая Николаевича стало муторно на душе, как еще никогда не бывало. Появилось желание с кем-то поссориться, кому-то приписать вину. Ведь что же это получается: наверху не получено ни одного сообщения с того момента, как «ПВ-313» миновал зону гипоцентров. Все, что проделано им, Дектяревым, и Бирнтом, не вышло за пределы корабля, осталось мертвыми покуда катушками магнитофонной проволоки.

Позади осталось четыре тысячи километров, но до центра земли еще две тысячи триста. А потом бесконечно далекий путь до поверхности. Кто знает, какие новые испытания обрушатся на корабль?

Что же теперь остается делать?

Жить!!

Выбраться во что бы то ни стало! Принести людям добытые сведения, помочь им достигнуть центра земли без новых жертв.

23

За последние несколько суток резко упала сила тяжести. Прекратился рост плотности окружающей среды. Давление, достигнув двухсот двадцати миллионов атмосфер, оставалось неизменным.

— Ты только посмотри, Паша, какие чудеса на белом свете творятся, — обращался Дектярев к связисту, — чем дальше от земли, тем меньше ее притяжение. И чем глубже в землю, тем опять-таки меньше ее притяжение. Где же справедливость?

— Где? — улыбаясь глазами, спрашивал Паша.

Николай Николаевич поучительно поднимал палец:

— На ее поверхности.

Итак, ядро вращается быстрее, чем оболочка. Объяснив причину многих явлений, Дектярев принял-ся теперь за изучение физических свойств самого ядра. Оно походило на огромный, электрически заряженный шар. Положительная температура застыла на постоянной величине в две тысячи градусов. Отрицательная... Нельзя не верить приборам, да и вычислительная машина дает тот же результат. По ту сторону стен кабины холод достиг полутора тысяч градусов!

Но какова атомная структура вещества?

Всего восемнадцать суток пути оставалось до центра земли. Подземоход и все, что в нем находилось, весило уже меньше, чем весило бы на луне.

Покидая кресло, чтобы поразмяться, Николай Николаевич небольшим усилием ног подбрасывал свое грузное тело к самому потолку кабины. Там, ухватившись за скобу, он висел на одной руке, неожиданно падал на Скорюпина, затевал с ним возню. Павел отбивался вяло и снисходительно, хотя ему становилось весело. Особенно забавляло его зрелище, когда Николай Николаевич с несвойственной ему прежде обезьяньей ловкостью взлетал вверх по скобам и выполнял на них, как на шведской лесенке, такие упражнения, которые доступны далеко не всякому спортсмену.

— То ли еще будет, — уверял Дектярев. — На луне астронавты гораздо тяжелее. Они в сравнении с нами бегемоты.

— Зато на пути от земли до луны они вовсе ничего не весят, — возразил Павел.

— Мы и это еще испытаем. Впереди центр земли.

— Правда, я совсем забыл.

— То-то, молодой человек.

Ядро, казалось, ничем не угрожало благополучию Дектярева и Скорюпина, но Николай Николаевич держался настороженно. Он знал управление подземоходом. В минувшие рейсы ему случалось заменять водителя. И все-таки он побаивался непредвиденного расстройства автоматики. Тут уж они оба с Павлом окажутся беспомощными.

К тому же ученый понимал, что в любую минуту

недра могут преподнести им сюрприз, подобный зоне гипоцентров. Уменьшение силы тяжести привело к прекращению роста давления. Не вызовет ли это очередное скачкообразное изменение в свойствах вещества? Дектярев вполне допускал такую возможность. Едва ли снова возродится кристаллическая структура — ведь это значило бы перепрыгнуть сразу через четвертую и третью геосферы и литосферу. Нет, переохлажденное вещество, внезапно освобожденное от давления, удивит чем-то таким, чего пока и не предугадаешь.

Мысленный взгляд ученого то устремлялся вниз, к центру, то возвращался наверх к границе ядра, и выше, туда, где плавали в базальте глыбы материков. Теперь в воображении Дектярева с полной ясностью возникла картина рождения планеты. С математической точностью мог он сформулировать характер и величину сил, управляющих сложным процессом горообразования, вызвавших, а затем уничтоживших ледниковый период, меняющих местами географические и магнитные полюса...

Пришла пора подводить итоги. В тишине хорошо думалось, и Николай Николаевич исписывал страницу за страницей в своем журнале наблюдений. Иногда он поднимал голову, смотрел на Павла загадочными и немножко лукавыми глазами и, торжественно подняв острие электропера, говорил:

— Материк напоминает айсберг, не так ли? Теперь вообрази себе, что этот айсберг приподняло чуть-чуть, километров эдак на пять. Что мы будем иметь?

— Мне не догадаться, Николай Николаевич.

— Мы будем иметь ледниковый период, Павел Дементьевич.

Или:

— Представьте, мой друг, что виток, опоясывающий ядро, пришел в движение и начал поворачиваться наподобие катушки или якоря электромотора. К чему это приведет? — и, не дождавшись Пашиного предположения, резюмировал: — К немедленному перемещению географических, а вместе с ними и магнитных полюсов.

Универсальным ключом к математическим обобщениям оставалась теория переохлаждения. Она помогла геологу понять истинное значение процессов в недрах земли.

Здесь, как и вообще во всей природе, шла ожесточенная борьба противоречий.

В сокроенных, пока неизвестных науке тайниках атомного ядра вспыхивают лучи гравитационного поля. Эти лучи заставляют сближаться рассеянные в космическом пространстве пылинки материи. Из космической пыли возникают новые галактики, вспыхивают звезды, рождаются планеты.

Медленно, в течение миллиардов и миллиардов веков идет слияние удаленных друг от друга, быть может, на тысячи километров элементарных частиц в единую массу вещества. Верно и неумолимо продолжает свою работу сила мирового тяготения.

С ростом плотности вещества увеличивается давление внешних слоев на внутренние. Внутри рожденной звезды или планеты начинается деформация молекул и атомов, электроны с дальних орбит под действием растущего давления переходят на внутренние. Наступает момент, когда сближение электрона с ядром становится настолько опасным, что приводит к взрыву атома. Освободившаяся энергия превращается в тепло и стремится разметать, рассеять вещество в пространстве.

Таким образом, силы взаимного притяжения неизбежно порождают силы взаимного отталкивания.

Борьба противоречий...

Взрывы чудовищной силы потрясают наше солнце. Это они делают нас немymi свидетелями происходящих в космосе катастроф: на небе вдруг появляется новая звезда. Но это не звезда, а далекая вспышка, превращение чужого солнца в огненную туманность.

Но в недрах уже остывающей планеты борьба противоречий может принять иную форму. Электроны, сталкиваясь с ядром, по-прежнему приводят к распаду ядра. Но взрыва не происходит, веществу

некуда расшириться — сил не хватает, чтобы разорвать сжимающую внешнюю оболочку. Тогда та часть энергии, которая должна была бы в иных условиях перейти в тепло, обращается в излучение.

Движения атомов нет, движения электронов нет — значит, с точки зрения обычных понятий, вещество обладает чрезвычайно низкой температурой, оно переохлаждено.

Но, с другой стороны, есть мощное излучение, и оно всегда может стать теплом, стоит ему только встретиться на своем пути уцелевший атом.

Именно такой холод уживается рядом с теплом в четвертой геосфере и в ядре земли.

Дектярев убедился, что теперь подземоход движется сквозь среду, в которой атомы окончательно закончили свое существование. Не было больше ни электронов, ни ядер. После многочисленных замеров Николаю Николаевичу удалось выяснить: вокруг корабля среда из нейтрально заряженных частиц. Такими частицами могли быть только нейтроны.

А излучение?

Что же представляет собой излучение? Неужели и на этот раз Валентин Макарович оказался прав, предполагая в нем поток нейтрино?

Если это так, то процесс образования минералов представляется следующим образом.

На границе ядра (при обратном движении от центра земли к поверхности) нейтроны переходят частично в протоны. Одновременно происходит появление электронов за счет поглощения энергии нейтрино.

Падение давления в четвертой геосфере ускоряет образование атомов. Вначале это простейшие атомы, состоящие из одного протона и одного электрона, то есть атомы водорода. По мере удаления от границы ядра часть из них постепенно переходит в атомы гелия, кислорода, углерода. Конечно, это не тот бурный синтез легких ядер в тяжелые, который астрономы наблюдают в атмосфере солнца, или тот, который удалось искусственным путем осуществить в термоядерных реакторах. Внутри планеты он идет в миллиарды раз медленнее.

Чем дальше от центра, тем слабее давление. Появляются условия для возникновения более тяжелых элементов. Цепочка непрерывно разветвляется. Излучение все более теряет свою мощностъ. Из нейтрино, как из кирпичиков, складываются сначала простейшие постройки — протоны, нейтроны и электроны, затем более сложные — молекулы химических соединений.

Химические соединения зарождаются на внешней оболочке четвертой геосферы. Внутри третьей геосферы мощностъ излучения резко падает, но оно оказалось еще достаточно сильным, чтобы не выпустить из своих когтей подземоход «ПВ-313».

Только там, где химические соединения начинают складываться в кристаллические структуры, излучение гаснет настолько сильно, что его до сих пор не смогли заметить с глубинных литосферических подземоходов.

25

Закончив мысленное путешествие от центра земли к ее поверхности, Дегтярев снова склонился над журналом. Рука его неожиданно дрогнула и вывела на странице витиеватый росчерк.

— Ах, зангезур-занзибар!

Он поднял руку, в которой было зажато перо. Пальцы тряслись, но так мелко, что глаз почти не улавливал этого. Дрожь то прекращалась, то начиналась снова. Появление ее озадачило ученого.

«Нервы, — решил он. — Вот и меня, наконец, приняло...»

Он захлопнул журнал и потянулся. Ему вдруг захотелось принять ванну, погрузиться в теплую ласкающую воду, вытянуться и, блаженствуя, закрыть глаза.

Дом, покой, семья... Сестъ бы сейчас рядом с Катей, привлечь ее к себе и выложить все, что накопилось на душе. А потом пройтись по комнатам, вызвать по видефону дочь из Братска, поболтать с нею... Просмотреть свежую почту... И, главное, покой. Избавиться от этого постоянного душевного напряжения.

«Эх, годы, — вздохнул ученый. — Скоро из дому

выходить не захочется. Внуки... Я же, собственно, де-душка».

Лицо его приняло обиженное выражение. Он выпятил губы и насупился, будто выслушал от кого-то неприятное замечание. Мысли о близкой старости до сих пор не приходили ему на ум. Работы впереди непочатый край. Сделано еще так ничтожно мало. Его открытия похожи на этюды художника. Чтобы нарисовать настоящую картину, нужно еще трудиться и трудиться.

Николай Николаевич никогда не задумывался над тем, сколько прожито и сколько осталось жить. Внезапная дрожь в пальцах не напугала, но расстроила его.

— Что за чушь лезет мне сегодня в голову? — заворчал он вслух. — Нужно выспаться хотя бы единожды.

Его разбудил смех. Геолог открыл глаза и увидел Скорюпина, который сидел рядом на матрасе. Раскачиваясь из стороны в сторону, связист заливался веселым безудержным смехом.

— Павел, ты что?

Скорюпин сразу умолк и недоумевающе посмотрел на Дектярева.

— Над чем ты смеешься? Приснилось что-нибудь?

Смущенный связист поспешно лег, накрылся с головой одеялом. У Николая Николаевича сразу прошел сон. Он с тревогой прислушался к чему-то, насторожился. В кабинах было по-прежнему тихо, если не считать мерного гудения машин подземохода.

Инстинктивное ощущение близкой опасности подняло Дектярева с постели. Выпрямившись, он почувствовал нервную дрожь в коленях. Здесь, невдалеке от центра земли, тело стало необычайно легким, а ноги подкашивались, будто их придавило огромной тяжестью.

Ученый постоял, вглядываясь в пространство и прислушиваясь к тишине. Что-то происходит, но что? Сдали нервы? Ничего удивительного в этом не будет. Но в голове полная ясность, он чувствует себя здоровым.

Только в кресле за пультом Николай Николаевич успокоился. Перо послушно бежало по бумаге. Новая интересная мысль захватила Дектярева. Он решил определить среднюю плотность земного шара, уже имея в своих руках не предполагаемую, а истинную, только что замеренную плотность ядра.

В расчетах Дектяреву помогал Скорюпин. Выспавшись, Павел с такой яростью набросился на работу, словно в определении средней плотности для него заключался смысл жизни.

Результат вычислений оказался неожиданным. Средняя плотность земного шара получилась ровно на одну треть больше той, что уже давно была известна научному миру. Вычисления, произведенные наверху, не вызывали сомнений — они подтверждались новейшими астрономическими наблюдениями, произведенными с поверхности луны.

Значит, секрет расхождения нужно искать в собственном расчете.

Расчет произвели вторично, он был не так-то сложен. Электронная счетно-решающая установка обеспечивала необходимую точность. Результат остался прежним, совпадали даже восьмые знаки после запятой.

Николай Николаевич задумался.

— Ах, зангезур-занзибар! — вырвалось у него. — Неужели нас ожидает резкое падение плотности? Но до центра земли остались сухие пустыки, всего каких-то полторы тысячи километров.

Геолог прикидывает в уме, какое же может быть падение плотности, и ожесточенно скребет лысину. Только немедленный переход в жидкое состояние может спасти положение. Однако сейсмические анализаторы прошупывают ядро на три сотни километров в глубь (что равносильно трем суткам пути) и не отмечают изменений в физических свойствах вещества.

— Не пустота же в центре ядра, как в гнилом орехе?

— В гнилом орехе?

На Скорюпина нападает безудержный приступ смеха. Связист запрокидывает голову, на его длинной

шее набухают вены. Николай Николаевич сосредоточенно смотрит на Павла, и ему тоже делается весело. Ученый раздражается оглушительным басистым хохотом. Оба смеются до слез, до полного изнеможения. Их голоса эхом перекатываются по пустынным кабинам, и кажется, вместе с ними начинают смеяться и вздрагивать стены подземохода, пульта, приборы. Им чудится: двигатель сменил звук работы, газовая струя клокочет в нем хриплым старушечьим смехом. Бур хихикает тонко и пронзительно.

Декаряеву впервые за все время пребывания в подземоходе становится по-настоящему страшно. У него появляется желание бежать вон, бежать не оглядываясь, ничего не видя и не слыша. Потерять рассудок ему гораздо страшнее, чем расстаться с жизнью.

Безумие погубит все, всю сделанную работу.

.

Ученому удастся подавить смех, но болезненные спазмы в животе еще долго сотрясают его тело. Проходит добрая четверть часа, прежде чем Николай Николаевич в состоянии произнести что-либо членораздельное.

— Павел, довольно!

Скорюпин медленно сползает на пол. Его шея становится еще длиннее, по лицу разливается бледность, весь он подергивается от икоты. Николай Николаевич вскакивает, чтобы прийти на помощь связисту и тут же падает обратно в кресло.

Ноги!

Ноги не держат его... Да ведь тело весит сущие пустяки. Что же происходит с ногами?

До Павла он добирается на четвереньках и оттаскивает его к стене на матрац. Теперь они лежат рядом и дышат, будто только что выбрались на берег, переплыв широкую реку.

— Что же это с нами, Николай Николаевич? — не открывая глаз, спрашивает Павел.

— Похоже, нервы.

— А нам еще так далеко... Что, если мы... — Па-

вел не договаривает и открывает глаза. Зрачки расширены и неподвижны.

— Да ты не думай об этом.

— Меня же Таня ждет, Николай Николаевич.

— Ну, вот ты о Тане и думай. Стисни зубы и думай. Представь себе, как мы выйдем из подземохода, как нас встретят, как мы снова пустимся в путешествие к центру земли.

У Павла не прекращалась икота, он сел и потянулся к банке с водой. А Николай Николаевич размышлял о своих ногах. Если он сейчас встанет, удержат ли они его? Воздух в кабине показался ему насыщенным тонкой сухой пылью, чего никак быть не могло, — аппараты поддерживают необходимую влажность воздуха и очищают его.

Привычка анализировать события взяла верх. Дектярев не мог не видеть прямой связи между истерическим смехом Скорюпина и непонятным состоянием своих ног. Оставалось выяснить, какому воздействию подвергались они одновременно, он и Павел.

И тогда, с холодком в сердце, Дектярев вспомнил об излучении. Как можно было забыть о нем? В кресле Валентина Макаровича теперь постоянно сидит Скорюпин и по требованию Николая Николаевича сообщает показания того или другого прибора. Сам же ученый не видит ни счетчиков атомных частиц, ни дозиметров — они обращены к нему тыльной стороной.

Желая взглянуть на дозиметры, Дектярев, забывшись, вскочил на ноги. Он тут же упал лицом вниз. И долго лежал без движения, оглушенный не столько силой падения — удар оказался почти безболезненным, едва ощутимым, — сколько сознанием несчастья, в котором уже не могло быть никаких сомнений.

Скорюпин сидел пораженный.

— Что это... что с вами, Николай Николаевич? — вскричал Паша.

— Пустяки, — геолог повернулся на спину, сел, потрогал колени. — У меня еще в детстве такое случалось, — солгал он. — Наследственность. Вот тут,

с коленными чашечками. Постепенно отойдет. Ты, Паша, не обращай внимания.

С того места, где теперь сидел Николай Николаевич, уже были видны дозиметры и счетчики. Под каждым из восьми дозиметров светились зловещие рубиновые звездочки, а нити на шкалах показывали такую величину радиации внутри корабля, что у геолога сразу вспотела лысина.

Стены более не спасали от смертоносного лучевого воздействия. Смерть вошла в помещения корабля. Николай Николаевич рванулся было к люку в кабину управления, чтобы остановить подземоход. И тут же устыдился своей минутной слабости.

Остановить? Зачем?..

Поздно...

26

Один...

Николай Николаевич плотнее закутался в одеяло. Его знобило. Он сидел в кресле, низко пригнувшись к пультам, касаясь его грудью, и с трудом выводил строчку за строчкой. Буквы получались корявые, крупные, они то налезали друг на друга, то между ними возникали большие промежутки. Казалось, ученый разучился писать. У него страдальчески приоткрылся уголок рта, дыхание стало прерывистым, горчим.

«Я остался один, — говорили строчки. — Надежды никакой. Ноги отнялись, правая рука тоже. Пишу левой. Писать трудно, в груди горит, мысли путаются... Но я еще жив...»

Электроперо выскользнуло из деревенеющих пальцев. Рука медленно потянулась за ним. Это была трудная задача — снова заполучить тонкий металлический стержень. Пальцы почти полностью утратили чувствительность.

«Подземоход вошел в зону пониженной плотности. В ядре оказалось еще одно ядро. Плотность вещества резко упала, она необычайно низка и равна плотности атмосферы на уровне моря. Его состав...»

Дектярев потерял сознание. Хронометр отсчитал

десять часов, прежде чем он снова открыл глаза. Геологу показалось, что забытье длилось одно мгновение. Последнее время участились такие внезапные обмороки.

«...Его состав для меня загадка. Кажется, Биронт и на этот раз предсказал точно. Скорее всего внутреннее ядро состоит из антивещества. Вокруг антипротонов вращаются положительные электроны. Как оно возникает? Наверное, в результате перехода в новое качество на внутренней границе твердого ядра... Не знаю. Я убедился только, что именно здесь возникает излучение, открытое Биронтом. Подземоход скоро окажется в его гипоцентре. Вещество распадается, принимает какую-то элементарную форму. Но процесс крайне замедлен. Что тормозит его, тоже не могу объяснить. Рад пока одному — замедленность процесса спасает подземоход от аннигиляции. Машина борется... Она среди холодного солнца...»

Холодное солнце!

Дектярев захохотал почти беззвучно, широко открывая рот. Тело его забилося в конвульсиях. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось справиться с нервным припадком. Писать больше он не мог и, утихнув, долго сидел, уронив голову на грудь, часто вздрагивая, озираясь по сторонам.

Пальцы опять выронили стерженек. Руку свело судорогой. Николай Николаевич, съездившись от боли, стал сгибать и разгибать ее в локте. Он и на этот раз справился с параличом. И хотя излучение неумолимо делало свое дело, Дектярев яростно отстаивал каждый час, каждую минуту жизни.

Что они могли изменить, эти минуты?

В подобных случаях люди призывают смерть, как избавление от непосильных страданий, и покорно ждут неизбежного конца. Однако было в Николае Николаевиче нечто более сильное, чем простое желание жить. Подземоход приближался к центру земли. Осталось трое суток. Обострившимся слухом Дектярев ловил звуки работающих машин. Автоматы действовали безукоризненно, и только гироскопический водитель вел себя все неувереннее. Перо на ленте курсо-

здатчика вместо прямой линии вычерчивало волнистую, лишенную всякой закономерности кривую.

Не требовалось особой догадки, чтобы объяснить поведение гироводителя. Тяжесть почти исчезла. Отвесной линии больше не существовало. На такие условия работы механизмы «ПВ-313» не рассчитаны.

А попав в центр ядра, подземоход вовсе потеряет управление, начнет кружиться на месте и описывать замкнутые траектории. Без вмешательства человека ему не вырваться из области, где нет тяготения.

Значит, несмотря ни на что, он, Дектярев, должен выдержать еще по крайней мере трое суток. И он выдержит, черт побери!

Еще трое суток...

Для жизни ничтожно мало, для предстоящей борьбы бесконечно много. Уже и сейчас в голове разлит расплавленный свинец и все тело кажется погруженным в кипяток. Невыносимо ноет левая рука. Дыхание становится затрудненным, астматическим. Чем поддержать себя в этой борьбе? Трое суток... целая вечность...

Взгляд Николая Николаевича остановился на маленькой круглой коробочке — это было все, что осталось от Павла. Коробочка одиноко лежала на пульте, перед креслом, в котором не так давно сидел Павел. На глянцевої поверхности пульта видно ее отражение...

— Таня, — обратился Дектярев к коробочке, — мы остались вдвоем. Я никогда не видел гебя, но я тебя знаю. Ты замечательная девушка, у тебя должно быть доброе сердце. Помоги мне, Таня.

Он уперся локтем левой руки в подлокотник кресла. Небольшого усилия оказалось достаточно, чтобы его тело, совсем недавно весившее восемьдесят девять килограммов, пушинкой поднялось над пультом. Геолога перевернуло, и он стал падать боком. Падение длилось минуты полторы. Толчок о приборы был почти неощутим. Его снова приподняло над пультом, но он успел оттолкнуться плечом и передвинуть себя по направлению к коробочке. Расстояние в два

метра пришлось преодолевать так долго, что за это время можно было бы не спеша обойти кругом Красную площадь.

Немеющие пальцы долго ловили гладкий пластмассовый футляр. От напряжения на лбу его выступили крупные капли пота. Казалось, еще одно усилие — и он лишится сознания. Но он не дал, не позволил себе этого.

Затолкнув коробочку в боковой карман комбинезона, передохнув и собравшись с силами, Николай Николаевич оттолкнулся от пульта и упал на пол около лесенки. Теперь осталось подняться по скобам. Будь тяжесть чуть побольше, геологу не удалось бы выполнить свою затею. Но тело его весило не больше килограмма. Бесчувственными скрюченными пальцами он цеплялся за металлические перекладки, толчками передвигая себя к открытому люку.

Наконец он оказался в кресле связиста. Немало труда и времени потребовалось, чтобы установить ленту в звукоосниматель.

«Здравствуй, Павлуша!»

Николай Николаевич сжался и застонал: вместе с голосом Тани ворвались в кабину звуки подлунного мира. Это были голоса множества людей, это был шум улицы, шелест листвы, звук открываемых дверей. Это было прикосновение дорогих рук, забытая ласка, сияние глаз.

«Вот я и на луне. Представляешь, как я волновалась, когда выходила из ракетоплана? Сильнее, чем во время старта. И до сих пор не могу еще осознать, что я не на земле, что нас с тобой разделяет такое огромное расстояние...»

Закрыв глаза и уронив голову на грудь, ученый вслушивался в голос девушки. Но он уже слышал голос другой девушки, не звонкий, а мягкий, такой родной. Катя немного, совсем чуточку заикалась, отчего в каждой фразе, произнесенной ею, чудился тайный волнующий смысл, полный невысказанных чувств и желаний.

Таня запела, и Николай Николаевич застонал уже не от физической, а от душевной боли. Издалека при-

шла песня. Где-то в космическом просторе, которому нет ни конца, ни края, мчится по вечной орбите озаренная солнечным сиянием луна. И там поет девушка Таня. А Дектярев видит девушку с длинной русой косой, переброшенной на грудь. Она идет по влажной от росы траве, у нее босые запыленные ноги. Катя, выросшая среди уральских лесов, была верным и постоянным спутником Николая Николаевича в его самых дальних странствиях, пока у них не появились дети. Тогда ее уделом стало ждать его возвращений.

И вот сейчас она ждет его...

.

Подземоход приближался к центру земли. Машина двигалась все быстрее. Вот она уже мчится со скоростью электромобиля. Бур бездействует — в нем нет нужды, и автоматы выключили его. Зато непрерывно возрастает нагрузка на термоядерную установку, которая создает защитное поле.

Обеспокоенный Николай Николаевич, сидя в кресле водителя, наблюдает по приборам, как к излучателям магнитоплазменного поля устремляются уже не миллионы, а сотни миллионов, миллиарды ампер. Такой рост силы тока может привести к тому, что подземоход взорвется подобно шаровой молнии.

Выключить поле нельзя, хотя внешнее давление уже не угрожает прочности корпуса. Опасность теперь другого рода. Антивещество (что-то похоже, что это действительно оно) поглощает электроны и протоны из защитного поля с необыкновенной жадностью. Непосредственное соприкосновение с оболочкой корпуса приведет к тому, что подземоход и его содержимое немедленно растворится в окружающей среде, исчезнет без следа.

Вторые сутки Дектярев не покидает кресла. Паралич овладел не только конечностями. Он подкрадывается к легким, к сердцу. При каждом вздохе боль пронизывает легкие. Сердце, ставшее тяжелым ощутимым комком, работает с надрывом. Все чаще наступают внезапные обмороки. Парализованный кишечник не принимает ни пищи, ни воды.

Тяжесть почти исчезла, передвижение из кабины в кабину становится все сложнее. Незначительное усилие приподымает тело как мыльный пузырь, подхваченный ветром.

Мелькают цифры-секунды в окошечке хронометра, сменяют один другого минутные знаки, неподвижным кажется барабан с часовыми делениями. Мечется нить гравиметра. Электрические вихри в газовом ядре пытаются увлечь за собой подземоход, и это беспокоит Дектярева сильнее, чем опасность быть растворенным в антивеществе или взорваться подобно шаровой молнии. Еще немного — и откажут гироскопические водители, потеряют ориентировку, а вместе с ними потеряет ориентировку и корабль.

Но пока «ПВ-313» продолжает приближаться к центру земли, и ученый бережет свои силы для решающего момента. Еще несколько часов, и корабль окажется в зоне полной невесомости.

Нужно выдержать эти часы.

Выдержать во что бы то ни стало!

Николай Николаевич с трудом разомкнул отяжелевшие веки и долго таращил глаза, пытаясь разглядеть окружающее сквозь пласты багрового тумана. Впал ли он перед этим в забытие, или короткий сон сломил его, он сказать не мог. Да и какое теперь это имело значение? Зрение сдавало. Лишь после отчаянного напряжения удалось ему стряхнуть с глаз мутную пелену. Она не исчезла полностью, а лишь разомкнулась в центре, неохотно приоткрывая клочок пространства.

Ученый сразу почувствовал: с кораблем происходит неладное. Кабина мягко покачивалась, на пульте встревоженно переговаривались гудки зуммеров. Двигатель бездействовал. Подземоход уже по инерции продолжал движение в газовой среде, не встречая достаточного сопротивления. Возможно, машина вообще находилась в неподвижности или описывала в пространстве беспорядочные траектории.

В поле зрения не попадали приборы. Напрасно Николай Николаевич вертел головой, перед глазами все время оказывалось серебристо-голубое найлово-лочное покрытие. Пульт исчез.

После долгого блуждания слепнувшими глазами Дектярев различил потолочный люк. Тогда он понял, что видит потолок кабины. Пока он находился в забытьи, толчок выбросил его из кресла, и невесомое беспомощное тело повисло теперь, что называется, между небом и землей.

Сомнений быть не могло: «ПВ-313» достиг центра земли. Исчезла полностью сила тяжести, и это нарушило работу автоматики. Гироскопический водитель потерял ориентировку — он отдавал самые беспорядочные и противоречивые приказы рулевым механизмам. Только вмешательство человека, способного управлять подземоходом, даст возможность машине выскользнуть из зоны невесомости. А там, как только появится тяжесть, гироводитель обретет чувствительность. Потом бур, встретив твердое вещество, подаст сигнал автоматам, и подземоход уверенно устремится вверх, навстречу солнцу.

Но руки Дектярева были уже парализованы.

Излучение никак не могло dokonать геолога, хотя другой на его месте давно был бы мертв. Сердце, подчиняясь непримиримому желанию, продолжало стучать в груди. И легкие еще ловили воздух короткими обжигающими порциями. Главное же — ему подчинялся разум. А раз глаза видят и голова работает, Дектярев будет драться за спасение подземохода.

Если бы действовали руки!

Он принялся двигать головой и плечами. Опорой ему служил воздух, а какой прок от такой опоры?

Синтезаторы обновляют воздух и создают непрерывную циркуляцию его в кабинах. Воздух поступает через люки и отсасывается через раковины на торцах рамы. Если набраться терпения, то его, пожалуй, приблизит к пульту.

Ему удалось повернуться. Тогда он увидел пульт внизу справа. Черный зрачок экрана равнодушно на-

блюдал за борьбой Дектярева. Спокойно светились созвездия зеленых лампочек — аппаратура готова была служить человеку, она только ждала приказа... Лишь нить гравиметра прыгала по шкале, и в унисон с нею мигала красная искорка.

Николай Николаевич бешено заработал плечами — ждать он был не в состоянии. Но тут же притих. Нервами делу не поможешь. Отдышался, приказывая себе успокоиться, закрыл глаза. Ему показалось, что прошло много часов, прежде чем он снова взглянул на пульт. Но в окошечке хронометра сменилось всего восемь минутных делений.

Все же он убедился, что не остается в неподвижности: его приблизило к стене. Еще немного, и он коснется ее. Ждать... ждать... А силы на исходе. Кровь стучит в висках, сердце предательски замирает. Сердце беспокоит его больше всего.

Только бы успеть! Журналы, исписанные им и Биронтом, ленты самописцев, магнитофонная проволока с записью сообщений, посланных, но так и не дошедших наверх, — все это должно попасть в руки к людям, и в этом смысл борьбы. Нужно заставить подземоход лечь на курс к земной поверхности.

Наконец стена рядом. Оставалось пуститься в обратный путь. Николай Николаевич долго примеривался, вглядывался в кресло слепнувшими глазами. Решившись, оттолкнулся головой.

Как ни мало было усилие, боль в голове ослепила его. Геолог задохнулся от нее, будто глотнул неразведенной уксусной кислоты. Неимоверным напряжением удалось ему сохранить сознание, хотя потребовалось для этого собрать воедино остатки воли и сосредоточиться только на одном желании добраться до пульта.

— Еще чуточку, старина, — подбодрил он себя, — потерпи еще немного.

Расчет не оправдался, Дектярева пронесло мимо кресла к противоположной стене. Он тут же снова оттолкнулся головой — иного выхода у него все равно не было. Что это была за пытка! Николай Николаевич казался себе каким-то летающим сосудом, на-

полненным одной болью. Ни внутренностей, ни мозга, ничего — только боль.

И тут появилось искушение прекратить борьбу. Он знал: сразу наступит небытие, вечный покой.

Нет, он не имел права сдаваться. За его борьбой следили глаза Биронта и Чуракова, Скорюпина и Михеева. И еще десятки глаз чувствовал он на себе: Катюшины, Аркадия Семеновича, друзей из академии. Его дети и внуки ждут от него настоящей большой победы. А он столько прожил и так мало сделал.

Значит, нужно терпеть...

И еще дважды пришлось ему принять удар на голову. Не выдержав, ученый закричал, закричал громко, думая криком облегчить физические страдания. Крик эхом покатился из кабины в кабину.

Четвертая попытка увенчалась успехом. Николай Николаевич угодил в кресло, как баскетбольный мяч в сетку, и застрял в нем. Теперь требовалось повернуться, принять сидячее положение, что было далеко не простой задачей. Малейшее неосторожное движение — и его опять подымет в воздух.

Он поворачивался медленно, очень медленно. Омертвевшие руки только мешали ему, попадая то между шеей и креслом, то между туловищем и углом пульта. А паралич подбирался к сердцу. Начала терять чувствительность кожа на голове. Холодная жидкость обволакивала мозги.

Нужно было спешить, спешить!!

— Катя, — сказал он вслух. — Катя, я, кажется, не могу...

На глазах его выступили слезы. Он затих на минуту, а потом с нечеловеческим упрямством снова принялся за работу. Голова его приподнялась над пультом, глаза увидели ряды переключателей. Всего тридцать сантиметров зеркальной поверхности... Плоские лопатки переключателей рядом.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем лицо его оказалось в непосредственной близости от переключателей. Он полз к ним с величайшей осторожностью. Подведя левое плечо под корпус гравиметра и тем удерживая себя на пульте, Николай Николае-

вич стал разыскивать зубами нужную лопатку. Вцепившись ими в холодный кусочек пластмассы, он дал немножко успокоиться сердцу, вместе с которым вздрагивало все тело. Челюсти свело судорогой, зубы готовы были перекусить пластинку.

Дектярев начал медленно поворачивать рычажок. Голова мешала ему, мешали нос, губы. Десны так плотно прижались к направляющему пазу, вдоль которого двигалась планка, что из них потекла кровь.

Наконец раздался щелчок.

— Все! — торжествующе крикнул Дектярев. — Все...

Подземоход дрогнул, двигатель вначале вздохнул и загудел, набирая мощность. Заработали автоматы прямолинейного курса.

Зубы Николая Николаевича соскользнули с лопатки переключателя, его сбросило с пульта. Но, падая, он уже не видел, не чувствовал, что плавно опускался на потолок. Низ и верх поменялись местами. Подземоход «ПВ-313» лег на курс к земной поверхности.

Темнота сомкнулась над геологом сразу и плотно.

Однажды на рассвете жители небольшого городка Лайвертона, лежащего на краю пустыни Гибсона в Западной Австралии, были разбужены внезапными подземными толчками. В истории города до сих пор не было известно ни одного случая землетрясения. Красная песчаная пустыня, покрытая скудной, выжженной на солнце растительностью, лежала незыблемо и мертво.

Первые толчки жители почувствовали в пять утра. Испуганные мужчины, женщины, дети высыпали на улицу. Каменистая почва гудела под ногами.

Охваченная паникой толпа, только понаслышке знавшая об ужасах землетрясения, хлынула вон из города.

И тут глазам людей представилось необычайное зрелище. Невдалеке из-под земли вдруг брызнул сноп

огня. Оглушительный грохот прокатился над пустыней, над крышами домов. Яркие голубоватые языки пламени соединились в чашу, которая все увеличивалась в размерах и начала вращаться сначала медленно, потом с бешеной скоростью. Камни, вырванные с корнем кустарники, песок — все это расплавленное, сожженное, обугленное взлетело на большую высоту.

Жители Лайвертона бросились обратно в город искать защиты от ослепительного света, от града камней и оседающей пыли.

А те, кто не смог бежать, спрятались в неровностях почвы, уткнувшись лицом в землю и закрыв голову руками. После того как ослаб огненный смерч, люди увидели, как вздулась почва в том месте, где родилась подземная молния. Огромная цилиндрическая башня стала выползать наружу. Сразу прекратился каменный дождь, погас огненный вихрь, но гул усиливался по мере того, как башня поднималась все выше.

Достигнув высоты двух десятков метров, она начала медленно валиться на бок. Прошло еще несколько минут, и стальное огнедышащее чудовище выползло наружу на исковерканную и опаленную почву.

Люди несмело приблизились к стальному кораблю. При свете разгорающейся утренней зари они смогли различить на корпусе крупные буквы: «СССР — «ПВ-313».

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

2 р. 55 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Б. ФРАДКИН

ПЛЕННИКИ ПЫЛАЮЩЕЙ БЕЗДНЫ

